

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПСИХОЛОГО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФАКУЛЬТЕТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

СБОРНИК ТЕЗИСОВ
участников межвузовской научно-
практической интернет-конференции
по юридической психологии
22-25 мая 2019 года

Москва

2019

ББК 88.47

С 23

Сборник тезисов участников научно-практической интернет-конференции по юридической психологии (22-25 мая 2019 года). – М.: МГППУ, 2019. – 263 с.

Редакционная коллегия:

А.А.Марголис, В.В. Рубцов, О.Р.Бусарова, Н.В. Дворянчиков, Е.Г.Дозорцева, М.Г. Дебольский, И.Н. Коноплёва, Ф.С. Сафуанов, Р.В. Чиркина, Е.М.Шпагина.

ISBN 978-5-94051-190-8

© МГППУ, 2019

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вашему вниманию материалы 9-ой Межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии, ежегодно проводимой факультетом "Юридическая психология" Московского государственного психолого-педагогического университета.

В фокусе внимания участников конференции – обсуждение теоретических основ юридической психологии и практических результатов последних исследований. Широкий спектр актуальных проблем юридической психологии в данном году определил необходимость систематизировать тезисы в следующих разделах: методологические проблемы юридической психологии, юридическая психология детей и подростков; психология девиантного и криминального поведения; психология профессиональной деятельности; судебная и клиническая психология в юридическом контексте; пенитенциарная психология и практика исполнения уголовных наказаний.

В конференции приняли участие молодые исследователи из различных учебных заведений России: Московского государственного психолого-педагогического университета, Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (г. Рязань), Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (г. Уфа), Московского государственного областного университета, Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва), Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург), Северо-Восточного федерального университета (г. Якутск).

Материалы интернет-конференции будут интересны студентам, магистрантам и аспирантам, специализирующимся в области юридической психологии.

Декан факультета
юридической психологии МГППУ,
канд. психол. наук
Н.В. Дворянчиков

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Психолингвистический анализ как метод верификации недостоверности свидетельских показаний

Елистратова Л.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Бовина И.Б.

Искажение информации, неправильное толкование происходящего, причина возникновения лжи, ее природа, безнравственность и формы проявления были актуальной темой во все времена. «Обычно принято думать, что нет ничего более случайного, капризного и не подчиняющегося никаким законам, чем ложь, - писал А.Р. Лурия. - Однако такое представление неверно. Ложь, как и всякое мышление, построенное по другому принципу, имеет свои формы, свои правила, свои приемы. Человек, который лжет, прибегает всегда к определенным законам мышления, к определенным формам логики. Вскрыть их - означало бы сделать серьезный шаг вперед по пути умения отличить правдивое высказывание от ложного, а это дало бы новые прекрасные приемы в следственном деле» (Лурия А.Р., 1927, с. 35).

Поведение человека, выступающего в качестве свидетеля и убежденного в том, что на следствии и в суде следует лгать, детерминируется множеством факторов, выявить которые трудно. Лжесвидетельство является достаточно распространенным и общественно опасным преступлением против правосудия. В связи с этим представляется актуальным изучение

существующих и разработка новых методов и критериев, позволяющих определить достоверность показаний свидетелей.

Рядом авторов (С.А. Смирнова, Е.В. Макушкин, Е.Г. Дозорцева, Ф.С. Сафуанов, С.Н. Шишков, Д.С. Ошевский, Т.Н. Секераж и др.) в исследованиях поднимался вопрос о правомерности и научной обоснованности использования наработанных методов выявления искажения информации (анализ вербальных и невербальных показателей) в следственных мероприятиях при определении достоверности даваемых участниками показаний. Однако на сегодняшний день методический подход для выявления недостоверности показаний остается законодательно и научно не определен (Колл. авт., 2006). Предметом судебно-психологического экспертного исследования на данный момент всегда является психическая деятельность подэкспертного лица, имеющая юридическое значение, но не информация, которую он предоставляет. При этом вопрос о необходимости разработки экспертизы достоверности показаний и ее методологии по-прежнему поднимается и дискутируется (Там же).

В свою очередь на современном этапе все большее развитие получает такая наука, как психолингвистика, которая изучает психологические и лингвистические аспекты речевой деятельности человека, социальные и психологические аспекты использования языка в процессах речевой коммуникации и индивидуальной речемышлительной деятельности (Горелов И.Н., 2003).

Еще В.И. Батов, М.М. Коченов говорили о необходимости использования психолингвистических методов в судебно-психологической экспертизе.

На сегодняшний день на стыке юридической психологии и психолингвистики возникло прикладное направление – юридическая психолингвистика, методы которой применяются в оперативно-розыскной

деятельности (следовое профилирование, психологический портрет неустановленного преступника), криминальной психологии (составление психологического портрета, в том числе контактное профилирование), профессионально-кадровом отборе в правоохранительные органы, при проведении судебно-психологической экспертизы, где имеется необходимость исследовать предмет, который обладает психологическими и лингвистическими параметрами, или использовать специальные психолингвистические методики (Енгальчев В.Ф., 2001).

Однако исследования в области применения психолингвистический методик для идентификации недостоверности показаний в отечественной практики не проводились. Вместе с тем, учитывая предметную область психолингвистики (язык как способ осуществления речевых действий, сама речь как процесс порождения и восприятия речевых высказываний (Леонтьев А.А, 2008), наличие наработанных специальных методов, вербальную форму предоставления показаний свидетелями, а также актуальность вопроса представляется целесообразным проведение изучения возможности применения психолингвистического анализа как способа верификации лжи в показаниях.

В целях реализации указанной выше задачи нами было проведено исследование, участниками которого стали мужчины и женщины от 23 до 40 лет с высшим образованием в различных сферах. Для испытуемых смоделирована следующая юридически значимая ситуации: представлен видеофрагмент ситуации совершения преступления и дана инструкция, в соответствии с которой участники должны в устной форме ответить на вопросы о том, описав подробно то, что они видели. При этом участники путем рандомизации были разделены на 2 группы, одна из которых предоставляла правдивые сведений, а вторая – недостоверные. Полученные данные были проанализированы путем применения психолингвистического анализа, в частности, контент-анализа по двум направлениям: употребляемые

части речи и категоризированные группы по ассоциативно-семантическому признаку (второй этап автоматизирован с помощью программного кода, разработанного на основе алгоритма программы Word2Vec).

По результатам исследования выявлено, что психолингвистический анализ действительно позволяет выявлять искажение информации в показаниях свидетелей, в том числе через оценку применения определенных частей речи: употребление слов, относящихся к существительным, относительным прилагательным и наречиям образа действий в количестве менее 34,77%, 3,5% и 2,62% соответственно от общей совокупности свидетельствует о предоставлении недостоверной информации.

Валидность метода составила 71,5%, что является достаточно высоким показателем, позволяет применять его при проведении следственных мероприятий, но не может на настоящий момент являться методологической основой судебной психологической экспертизы, однако говорит о целесообразности дальнейшей разработки данной темы.

Литература

1. Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике. – М.: Лабиринт, 2003. – 320 с.
2. Енгальчев В.Ф. Юридическая психолингвистика // Прикладная юридическая психология: Учебное пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА. – 2001. – С. 399-406.
3. Колл. авт. О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы [Электронный ресурс] – 2016. – Режим доступа: http://psyjournals.ru/psyandlaw/2016/n3/82922_full.shtml (дата обращения - 02.05.2019).
4. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл: Академия, 2008. – 287 с.

5. Лурия А.Р. Экспериментальная психология в судебно-следственном деле
// Советское право. – 1927. – № 2 (26). – С. 35-100.

**Перспективные направления судебно-психологической экспертизы:
геномика & психология**

Жукова Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Айсмонтас Б.Б.

Консультанты - Виноградова Е.П.,

СПбГУ (г. Санкт-Петербург);

Макеев М.К., ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова
(г. Москва)

Современные открытия в области молекулярной генетики и цифровых технологий по-новому раскрывают актуальность проблематики использования разнообразной персональной информации о людях. Рассмотрены следующие аспекты: применение генетических анализов в рамках комплекса судебных наук (Forensic science) связано с современной юридической психологией и психодиагностикой (перспективами развития комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ)).

Правовые аспекты. Впервые метод выявления индивидуализирующих личность структурных особенностей ДНК для криминалистики («ДНК-фингерпринт», «геномная дактилоскопия») предложен в 1985 г. Джеффрисом А. (Jeffreys A.). В настоящее время более распространены названия «ДНК-идентификация», «генотипоскопия» и «анализ ДНК-профилей». Образовано международное общество судебной генетики ISFG (<https://www.isfg.org/About>). Программа CODIS (Combined DNA Index System) ФБР США

(<https://www.fbi.gov/services/laboratory/biometric-analysis/codis>) использует базы генетической информации (NDIS). Более 60 стран мира создали аналогичные базы (Боринская, 2018; Степанов и др., 2011; Kaiser, 2018).

Хотя перспективы использования генетического поиска с помощью Big Data требуют дополнительной разработки правовых норм, современная юридическая практика использования типирования ДНК уже глубоко изменила систему уголовного правосудия – это позволило эффективнее выявлять подозреваемых, защищать, либо предоставлять убедительные доказательства вины (Янковский, 2016; Kaiser, 2018; McSwiggan, Elger, Appelbaum, 2016).

Личностная сфера. Генетические анализы, выявляющие индивидуальные особенности генотипа (и фенотипа), являются перспективным вектором развития психодиагностики. Не секрет, что многие психологические опросники могут заполняться с учетом «социальной желательности», искажая объективность психологического портрета (Егорова, Ситникова, 2014; Хаэр, 1993).

На основе многочисленных исследований с воспроизводимыми результатами подтверждается, что учет генотип-средового взаимодействия необходим для выяснения этиологии индивидуальных психологических и поведенческих различий (Plomin, 2018). Уже сейчас при психодиагностике для выявления индивидуальных особенностей человека на всех уровнях от молекулярно-генетического до социального используется комплексное сочетание молекулярно-генетических анализов (Genotek, «ДНК-технология», Family Tree DNA, QIAGEN, 23andMe и т.д.), психологических методов и методик, картирования мозга (neuroimaging) и т.д.

Вместо термина «психогенетика» чаще употребляется «генетика поведения человека». Различия в активности систем нейромедиаторов играют особую роль в личностных особенностях, механизмах регуляции

различных видов поведения (Plomin, 2018). Приведем несколько наиболее известных примеров. Полиморфизм (варианты аллелей) моноаминоксидазы (МАОА) связан с активностью мозговых структур, влияет на «социо-аффективные» признаки: эмоциональную стабильность–нестабильность, нейротизм, тревожность, агрессию (Belsky et al., 2009). Мета-анализы исследований разных форм асоциального поведения, говорят о том, что около 50% вариативности показателей агрессивности определяются генотипом, 15-20% – общей средой, оставшаяся часть – индивидуальной средой. По результатам, низкоактивный аллель МАОА связан с более высокими показателями агрессивности, импульсивностью, предрасполагающими к делинквентному поведению (Егорова, Черткова, 2011). Доказана опосредующая роль условий развития в детстве для формирования варианта поведения (личностных черт) в зависимости от особенностей генотипа (Caspi et al., 2002: цит. по: Егорова, Черткова, 2011), что может учитываться и при определении мер наказания (McSwiggan, Elger, Appelbaum, 2016; O'Mahony, Paor, 2017). Оказалось, при благоприятной обстановке в детстве носители «низкоактивного» аллеля МАОА в ряде исследований показывали более положительные адаптивные результаты в сравнении с «высокоактивным» вариантом, а при тяжелых условиях детства - выше уровень антисоциального поведения (Belsky et al., 2009). Есть интересные данные по взаимосвязи аллелей гена МАОА с психологическими составляющими удовлетворенности жизнью (субъективная оценка благополучия, здоровья, оценки опасности места проживания). Доля мужчин с высоким уровнем стресса оказалась ниже среди носителей аллеля uVNTR 3R гена МАОА (Гуреев и др., 2018). Результаты исследований других нейромедиаторов, регулирующих психические процессы, подтверждают данную концепцию совместной генотип-средовой обусловленности индивидуальных различий (Belsky et al., 2009; Plomin, 2018).

Применение современных омиксных технологий (omics) – фантастическое по возможностям направление развития диагностики (для

врача, для психолога, для педагога, для родителей). Авторы тезисов хотели бы обратить внимание на криминологическое использование поведенческой генетики, необходимость учета различий в индивидуальной генетике, эпигенетических закономерностей при изучении асоциального, антисоциального поведения, для экспертизы, разработки мер профилактики, коррекции и т.д.

Литература

1. Боринская С.А. Использование специальных знаний в области ДНК-исследований при расследовании преступлений (гл. 7) / В кн.: Криминалистика. Учебник для бакалавров. / Под ред. Бертовского Л.В. Издательство: РГ-Пресс. М., 2018. – 1007 с.
2. Гуреев А.С., Ананьева Е.Д., Рубанович А.В., Инглхарт Р.Ф., Понарин Э.Д., Боринская С.А. Ассоциация uVNTR-аллелей гена MAOA с субъективной оценкой благополучия у мужчин // Генетика. – 2018. – Т. 54. № 5. – С. 556-562.
3. Егорова М.С., Ситникова М.А. Темная триада // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 38. С. 12. [Электронный ресурс] // URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 12.05.2019).
4. Егорова М.С., Черткова Ю.Д. Полиморфизм гена моноаминооксидазы (MAOA) и вариативность психологических черт [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. 2011. N 6(20). С. 14. URL: <http://psystudy.ru/num/2011n6-20/567-egorova-chertkova20#e3> (дата обращения: 02.05.2019).
5. Степанов В.А., Балановский О.П., Янковский Н.К. Характеристика популяций РФ по панели 15 локусов, используемых для ДНК-идентификации и в судебно-медицинской экспертизе // Acta Naturae. 2011. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-populyatsiy-rossiyskoy-federatsii-po-paneli-pyatnadsati-lokusov-ispolzuemyh-dlya-dnk-identifikatsii-i-v> (дата обращения: 04.05.2019).

6. Хаэр Р.Д. Лишённые совести: пугающий мир психопатов / Пер. с англ. Глушак Б.Л. // Robert D. Hare, © 1993. Изд. Дом «Вильямс», 2018. [Электронный ресурс]// URL: <https://www.litmir.me/br/?b=195050&p=1> (дата обращения: 01.05.2019).
7. Янковский Н.К. Генетика и криминалистика [Электронный ресурс]// URL: <https://22century.ru/video/forensic-genetics> (дата обращения: 01.05.2019).
8. Belsky J., Jonassaint C., Pluess M., Stanton M., Brummett B., Williams R. Vulnerability genes or plasticity genes? // Mol Psychiatry (2009) vol. 14, P. 746-754. doi:10.1038/mp.2009.44
9. Kaiser J. We will find you: DNA search used to nab Golden State Killer can home in on about 60% of white Americans [Электронный ресурс] // Science, Oct 2018. doi:10.1126/science.aav7021 (дата обращения: 01.05.2019).
10. McSwiggan S., Elger B., Appelbaum P.S. The forensic use of behavioral genetics in criminal proceedings: Case of the MAOA-L genotype //Int J Law Psychiatry. 2017 Jan - Feb;50:17-23. doi: 10.1016/j.ijlp.2016.09.005.
11. O'Mahonya C., Paor A. The use of behavioural genetics in the criminal justice system: A disability & human rights perspective// Int J Law Psychiatry (2017);54;16-25. <https://doi.org/10.1016/j.ijlp.2017.07.002>
12. Plomin R. Blueprint: How DNA Makes Us Who We Are»// Allen Lane. – 2018. 288 p.

**Влияние психологических техник, используемых в процессе допроса, на
актуальное состояние личности**

Кочетков М.О.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Дегтярев А.В.

Актуальность. Допрос представляет собой самое распространенное следственное действие, с помощью которого следователь имеет возможность получить информацию по делу. Несмотря на то, что допрос – это одно из первых появившихся следственных действий, и, на первый взгляд, кажущееся одним из самых простых, оно является одним из самых важных, трудоемких и местами одним из самых сложных следственных действий. Для эффективного проведения допроса от следователя требуется не только знание процессуальных норм, но и некоторые знания психологии и высокий уровень владения коммуникативными навыками. Следователь должен владеть тактическими приемами и методами психологического воздействия, которые способствуют установлению контакта с допрашиваемым, установлению доверительной и благоприятной атмосферы при допросе свидетеля.

По данным ООН в 2011 году в России было совершено 14,5 тысяч убийств. Данные дела, как и прочие уголовные дела, сопровождаются допросами не только подозреваемых и обвиняемых, но и целых групп свидетелей.

Несмотря на свою распространенность, допрос остается мало изученным, особенно это касается его психологической составляющей, что, в частности, касается эффективности психологических приемов и техник, которые следователь может применять при допросе.

Материалы и методы исследования

Выборку исследования составили 16 девушек в возрасте от 18 до 24 лет. Каждый из испытуемых на момент исследования проходит обучение в высшем учебном заведении.

Были использованы следующие методики:

- многофакторный опросник Кетелла 187;
- опросник «ЕРІ» Айзенка;

- методика диагностики оперативной оценки самочувствия («САН»);
- методика оценки актуального состояния («АС»);
- тест Люшера.

Методы, используемы в данной работе:

- теоретический анализ литературы по теме;
- беседа с испытуемыми;
- психодиагностические методы.

Ход исследования

Выборка была разделена на 2 группы: внушаемые и не внушаемые. Для определения данного признака мы использовали 2 шкалы из методики Кетелла (16 факторный опросник): шкала Е (конформность-доминантность) и шкала L (доверчивость-подозрительность). Также была проведена методика РЕН Айзенка, где особое внимание было уделено шкале нейротизм, которая оценивает психическую устойчивость.

Было принято решение на одной половине группы использовать техники допроса, а на второй не использовать.

По результатам проведенных методик было принято решение разделить участников на подгруппы:

- внушаемые, на которых применялись техники допроса;
- не внушаемые, на которых применялись техники допроса;
- внушаемые, на которых техники допроса не применялись;
- не внушаемые, на которых техники допроса также не применялись.

После деления испытуемых на группы с каждым была проведена беседа. Темой беседы являлось обучение на первом курсе, а также внеучебная деятельность в этот период.

В беседе были использованы следующие техники: положительная оценка, техники телесной подстройки, свободный рассказ, юмор, интерес к личности допрашиваемого.

До и после беседы были проведены методики САН, АС и тест Люшера, которыми оценивалось эмоциональное состояние испытуемых.

Результаты и обсуждение

Было установлено, что у испытуемых в группе внушаемых, с которыми применялись техники, произошли значительные изменения результатов по методике САН. Это свидетельствует о том, что техники допроса, а также сама беседа и темы, поднятые при беседе, сильно повлияли на их самочувствие, активность и настроение как в высокую так и в низкую сторону. В то время как у внушаемых испытуемых, на которых не применялись техники допроса, изменения были минимальные. Стоит отметить, что у не внушаемых испытуемых, с которыми применялись техники, также видно разницу в самочувствии, активности и настроении до и после проведения беседы. Это говорит о том, что на не внушаемых испытуемых также действуют техники допроса. У не внушаемых, на которых не применялись техники допроса, настроение, активность и самочувствие либо не менялись вообще, либо изменения были незначительны. Из чего можно сделать вывод, что техники допроса оказывают влияние на актуальное состояние человека.

Также важно заметить, что темы разговора могут оказывать большое влияние на испытуемых, нельзя исключить тот фактор, что некоторые затронутые темы в беседе могли вызвать у участников эмоциональный отклик.

Выводы

У всех испытуемых, с которыми применялись техники допроса, видна сильная динамика их актуального состояния, что говорит об эффективности выбранных методов допроса.

Повышение или понижение результатов было достигнуто использованными техниками в процессе беседы. Что, в свою очередь, может говорить о том, что беседа была эмоционально насыщенной, была получена сильная отдача от испытуемых. В случае положительной динамики можно говорить о том, что испытуемому пошла на пользу беседа о себе, что ему нужно было выговориться. В случае отрицательной динамики результат был достигнут эмоционально значимым разговором, однако в данном случае затронутые в разговоре темы вызывали неприятные для испытуемых воспоминания. Это также говорит об эффективности техник. Данный вывод основан на рефлексивных беседах с испытуемыми после проведения эксперимента.

Определение нормы и патологии личности неустановленного преступника при составлении психологического портрета на стадии

ОРД

Нечесова С.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель - Дворянчиков Н.В.

Актуальной задачей в сфере расследования неочевидных преступлений, которые связаны с совершением действий сексуального характера, является применение методов юридической психологии для составления психологического портрета на стадии ОРД. Поскольку самыми дерзкими и опасными из упомянутых преступных деяний являются серийные сексуальные убийства, психологический портрет должен содержать максимально исчерпывающие данные.

Отличительной особенностью такого рода преступлений является их субъективная сторона, а именно – наличие мотивации, которая выражается в «достижении психосексуальной разрядки» путем совершения насильственных действий сексуального характера (Образцов В.А., Богомолова С.Н., 2002). Сложность поиска преступника, совершившего такое деяние, заключается в невозможности установления явных мотивов совершения преступления, которое часто является неочевидным и не имеет логичных объяснений (Schlesinger Louis B., 2008). Это, в свою очередь, влечет невозможность прогнозирования его дальнейших действий, затрудняет составление модели поведения. Такие преступления всегда сопряжены с серийностью, то есть, с устойчивым повторением эпизодов, временной период совершения которых зависит от эмоционального остывания преступника (Ressler R.K., Burgess A.W., Douglas J.E., 1988). При совершении серийных сексуальных преступлений определяющим фактором субъективной стороны выступает «мания», которая и является определяющим критерием образования психосексуальной агрессии (Ахмедшин Р.Л., 2006).

Исследование факторов маниакального влечения серийных сексуальных преступников свидетельствует о том, что в перерывах между периодами обострения мании они испытывают так называемую фазу «депрессии» или «эмоционального остывания», во время которой кардинально меняется их образ действий (Osborne, J. R., & Salfati, C. G., 2015). Поэтому составленный профиль должен предоставить сведения о личности неустановленного преступника с учетом особенностей психофизиологических процессов, соответствующих «фазе депрессии». Важно с самого начала понять, кто фигурирует в профиле: лицо с устоявшимися парафилиями или индивид с аномальным сексуальным поведением без парафилий и, в зависимости от этого, смоделировать его поведение с учетом клинических характеристик его состояния (Дерягин Г.Б., 2008, с.92).

Проведенные эксперименты позволили выделить вероятность сохранения поведенческой устойчивости, которая коррелирует с периодом эмоционального остывания (Lubaszka C.K., Shon P.C., Hinch R., 2014). Чем длиннее стадия остывания – тем увереннее можно говорить о более высоком уровне поведенческой устойчивости. В то же время, чем ближе к завершению движется стадия остывания – тем больше можно говорить о проявлении нестабильного поведения, основанного на усложнении комплекса парафилий, их возможной трансформации, и повышении уровня тревожности (Богданов Н.Н., 2001). Следовательно, на данном этапе периоды остывания можно классифицировать по видам парафилий или другим видам аномального сексуального поведения, а данные, которые будут получены экспериментальным путем, использовать при составлении психологического профиля.

Исследование периода эмоционального остывания актуально еще по одной причине: как известно, преступник на данной стадии может испытывать состояние эмоционального покоя, независимости от своих навязчивых фантазий, и, надеясь навсегда избавиться от них, может попробовать изменить свой образ жизни и даже сменить работу, место жительства или свои устоявшиеся привычки (Дворянчиков Н.В., 2012). Он может даже предпринять попытку самоубийства или начать посылать сообщения с подсказками, в надежде, что его обнаружат и сумеют остановить раньше, чем наступит стадия обострения мании (Culhane S.E., Hilstad S.M., Freng A., Gray M.J., 2011). Специалисты ФБР в 2013 году провели обследование поведенческих аспектов задержанных сексуальных преступников на предмет определения причинно-следственных связей между их задержанием, когда они вынуждены были находиться в состоянии эмоционального остывания, и совершенными затем суицидами, и выяснили, что в 26% случаев ($n = 28$), самоубийство было совершено в течение 48 часов после того, как преступники узнали о начале расследования; 28% ($n = 30$) совершили суицид в течение 1 месяца; 26% ($n = 28$) - в течение 1 года и 19%

(n = 20) - через 1 год после того, как осознали, что они совершили, находясь в стадии вынужденного эмоционального остывания. После объединения первых двух категорий совокупный процент показал, что 55% (n = 58) правонарушителей совершили самоубийство в течение первого месяца после того, как они узнали о расследовании (Tia A. Hoffer , Joy Lynn E. Shelton, 2013).

Учитывая вышесказанное, профиль неустановленного преступника на стадии ОРД должен содержать подробное описание клинической картины возможного заболевания или расстройства, его онтогенез, данные по периоду эмоционального остывания, в зависимости от рассматриваемых форм парафилий и сведения о том, как могут симптомы заболевания повлиять на перемещение по местности, ориентировку во времени, мнестические процессы, восприятие окружающего пространства, людей и предметов (Зейгарник Б.В., 1986, с.102). Цель такой подробной клинической картины – представить как можно больше характеристик парафилии, которая составляет основу сексуальных фантазий, и обозначить особенные маркеры поведения, по которым правоохранительные органы смогут безошибочно идентифицировать преступника (Мазур Е.С., 2014, с.15). Таким образом, при составлении психологического портрета неустановленного преступника можно будет прогнозировать его поведение, исходя из нейропсихологического профиля, а не только из поведенческого (Ткаченко А.А., 1997, с.104).

Литература

1. Ахмедшин Р.Л. Реконструкция личностных особенностей серийного преступника при анализе стадий совершения преступления // Вестник Томского государственного университета. Общenaучный периодический журнал. Томск: Изд-во Том. ун-та. – 2006. № 292. – С. 239-247.

2. Богданов, Н.Н. Постигание индивидуальности (психофизиологические аспекты)/ Н.Н. Богданов. – М.: ООО «Вопросы психологии», 2001. – 64 с.
3. Дворянчиков Н.В. Психологическое исследование в сексологической экспертизе обвиняемых по сексуальным правонарушениям // Психологическая наука и образование. – 2012. №2. – С. 70-80.
4. Дерягин Г.Б. Криминальная сексология. Курс лекций для юридических факультетов. – М.: Изд-во «Щит-М». – 2008. – 552 с.
5. Зейгарник Б.В. Патопсихология: учебник для ВУЗов. – М.: Издательство Московского университета, 1986. – 287 с.
6. Мазур Е.С. Дерматоглифика в исследованиях личности: криминалистический и судебно-медицинский аспекты /под ред. В.Н. Звягина. – Томск : Издательский Дом ТГУ, 2014. – 150 с.
7. Образцов В.А., Богомолова С.Н. Криминалистическая психология. – М.: Изд-во Юнити-Дана, Закон и право, 2002. – 448 с.
8. Ткаченко А.А. Аномальное сексуальное поведение / Под ред. А.А. Ткаченко. – М.: РИО ГНЦС и СП им. В. П. Сербского, 1997. – 426 с.
9. Culhane S.E., Hilstad S.M., Freng A., Gray M.J. Self-reported psychopathology in a convicted serial killer // Journal of investigative psychology and offender profiling. 2011. №8. P. 11
10. Lubaszka C.K., Shon P.C., Hinch R. Healthcare Serial Killers as Confidence Men // Journal of investigative psychology and offender profiling. 2014. №11. P. 16
11. Osborne, J. R., & Salfati, C. G. (2015). Re-conceptualizing "cooling-off periods" in serial homicide. Homicide Studies: An Interdisciplinary & International Journal, 19(2)
12. Ressler RK, Burgess AW, Douglas JE: Sexual Homicide: Patterns and Motives. New York: Free Press, 1988. P. 139
13. Schlesinger Louis B. Sexual Motivation. Background for understanding the compulsive-repetitive offender, Sydney, Australia, 2008. P. 16

14. Tia A. Hoffer, Joy Lynn E. Shelton. Suicide Among Child Sex Offenders.
Federal Bureau of Investigation Quantico, VA, USA, 2013. P. 29

ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО И КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Профессиональная ориентация как способ профилактики девиантного поведения подростков

Бульц М.В.

Башкирский государственный педагогический университет им.М.Акумуллы
(г.Уфа)

Научный руководитель - Курунов В.В.

Девиантное поведение подростков является актуальной проблемой современного российского общества, требующей немедленного разрешения. По данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ по состоянию на март 2019 года число только зарегистрированных преступлений среди несовершеннолетних составило 8497. Основную роль в предотвращении сложившейся ситуации, на наш взгляд, играет своевременная и качественная профилактическая работа, основанная на принципах включенности семьи и школы, а также активности самих подростков. Реализацию данных принципов мы видим в такой форме работы с подростками как профориентация. Но прежде, чем перейти к рассмотрению профилактики, более подробно изучим сущность девиантного поведения.

По мнению В.Д.Менделевича, девиантное поведение – это «система поступков, противоречащих принятым в обществе нормам и проявляющихся в виде несбалансированности психических процессов, неадаптивности, нарушении процесса самоактуализации или в виде отклонения от нравственного и эстетического контроля за собственным поведением» (Менделевич В.Д., 2001). Существуют различные подходы к пониманию предпосылок возникновения девиантного поведения. Чаще всего авторы концепций акцентируют свое внимание на одном определенном аспекте, объясняющем появление девиации. Условно можно выделить три основных

подхода к проблеме классификации поведенческих отклонений: социально-правовой, клинический и психологический (Змановская Е.В., 2004). Кроме того, существует педагогический подход, в русле которого понятие «отклоняющееся поведение» отождествляется с понятием «дезадаптация». Если в общепринятом понимании дезадаптация выражается в неуспеваемости и нарушении поведения, то при более тщательном рассмотрении она может быть причиной серьезных проблем в когнитивной, эмоциональной и поведенческой сфере личности школьника.

Так, большинство детей с отклоняющимся поведением испытывают трудности социальной адаптации. Нарушения взаимодействия с социальной средой являются причиной появления отклонений в поведении детей, что, в свою очередь, обуславливает специфику их обучения и воспитания в целом (Ларионова С.О., 2013). Образовательный и воспитательный процесс в таком случае должен, на наш взгляд, опираться на помощь учащимся в постановке целей и развитии мотивации, которую можно реализовать через оказание профориентационной поддержки.

Пряжников Н.С. считает, что профессиональное самоопределение есть поиск смысла как в трудовой деятельности, так и в существовании человека в целом. Согласно периодизации развития человека как субъекта труда Е.А.Климова, подростковый возраст соответствует стадии «оптации», т.е. подготовки к труду и последующей жизни (Пряжников Н.С., 2009). Подростки, успешно прошедшие данную стадию могут ставить цели, замотивированы на профессиональный рост, следовательно, адаптивнее тех, кто по тем или иным причинам испытывает здесь трудности и ищет способы самореализации в асоциальных формах поведения. Именно на этой стадии родителям, педагогам и психологам стоит обратить внимание на профессиональное самоопределение учащихся, избавить ребенка от ситуации неизвестности и неуспеха, страха перед будущим в целом.

Профессиональная ориентация в настоящее время представлена достаточно широким выбором форм и методов работы, которые способны

заинтересовать как детей, так и родителей. Помимо традиционных профориентационных тестов, реализуются и практические программы, такие как: тренинги по развитию умений и навыков, дни открытых дверей в средних и высших учебных заведениях, профессиональные пробы, экскурсии на предприятия и т.д. Такое разнообразие методов профориентации позволяет подросткам:

- Иметь конкретное понимание о специфике той или иной профессии;
- Получить практический опыт;
- Ставить конкретные профессиональные цели исходя из своих интересов и способностей;
- Найти единомышленников, и как следствие лучше социализироваться.

Подросток, испытывающий трудности, обусловленные возрастными особенностями, теперь может найти социально приемлемый способ проявления и реализации себя, взаимодействия с окружающими, не прибегая при этом к нарушению общественных и правовых норм. Таким образом, профориентация становится инструментом социальной адаптации личности, и как следствие способ предотвращения развития девиаций в обществе.

Литература

1. Змановская Е.В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения: Учебное пособие для студентов ВУЗов. – 2 изд, исправл. - М.: Академия, 2004. – 288 с.
2. Коповая О.В. Психолого-педагогические особенности девиантного поведения в подростковом возрасте: учебное пособие / О.В.Коповая, М.А.Ерофеева, А.С.Коповой. – М. : «Спутник+», 2004. – 57с.
3. Ларионова С.О. Девиантное поведение как научно-педагогическая проблема // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 1-1. – С. 90-94.

4. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения: Учеб. пособие. – М.: МЕД-пресс, 2001. – 432 с.
5. Пряжников Н.С. Профессиональное самоопределение: теория и практика. – М.: «Академия», 2007 . – 341 с.

**Связь эмоционального интеллекта и агрессивности у мужчин с
компьютерной игровой зависимостью**

Ворошик А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дегтярев А.В.

Феномен человеческой агрессии волновал общество, философов и ученых на протяжении многих тысячелетий. Казалось бы, XXI век – это время прорыва науки, медицины и технического прогресса, однако проблема агрессивности до сих пор лежит камнем преткновения в развитии человеческого общества: насилие в семье, преступность, враждебность народов и другое.

Параллельно с этим в обществе наблюдается пренебрежительное отношение к эмоциональной сфере человека, а ценность рационального мышления все более становится культом современности. Так, установка на игнорирование эмоциональной сферы ведет к возникновению проблем компетентности в понимании и выражении своих эмоций, а также понимания чувств и состояний других людей. Все это может сыграть свою негативную роль во внутриличностных и межличностных отношениях, что в свою очередь может повлечь за собой возникновение множества конфликтов и деструктивных способов их разрешения.

Нами была осуществлена попытка выявить особенности эмоционального интеллекта у мужчин с компьютерной игровой

зависимостью и рассмотреть связь последнего со склонностью к агрессивности.

Под эмоциональным интеллектом мы подразумеваем комплекс определенных способностей, который позволяет перерабатывать информацию, содержащуюся в эмоциях, определять значение эмоций и их связи друг с другом, а также использовать эмоциональную информацию в качестве основы для мышления и принятия решений (Mayer J.D., 2005).

Для выявления особенностей эмоционального интеллекта нами была выбрана методика отечественного исследователя Люсина Д.В., который разработал собственную модель эмоционального интеллекта, определяя последнее, как когнитивную способность (Люсин Д.В., 2006).

Исследование склонности к агрессивному поведению проводилось с помощью адаптированного отечественными психологами опросника уровня агрессивности Басса – Перри (Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П., 2007).

В исследовании приняли участие 209 человек в возрасте от 16 до 34 лет. Все испытуемые мужского пола, живущие в разных городах России, имеющие разное образование и профессии, а также разное семейное положение.

В группу №1 – контрольная – (80 человек) вошли те испытуемые, которые, входе предварительного опроса заявили, что:

- ✓ играют не более 20 часов в неделю;
- ✓ при возможности было бы достаточно играть не более 3 часов в день;
- ✓ не испытывали бы в скором времени навязчивого желания вернуться в игру, в случае поломки компьютера.

В группу №2 – экспериментальная – (129 человек) вошли те испытуемые, которые входе опроса утверждали, что:

- ✓ играют более 20 часов в неделю;
- ✓ при возможности имели бы желание играть по 6-12 часов в день;
- ✓ начали бы испытывать в скором времени навязчивое желание вернуться в игру, в случае поломки компьютера.

Также вся выборка была разбита по возрасту и на два игровых жанра – MMORPG и 3D-Action (шутер).

Результаты исследования показали:

- ✓ Играющие более 20 часов в неделю имеют более высокие средние показатели эмоционального интеллекта;
- ✓ Мужчины ранней взрослости, играющие более 20 часов в неделю, предпочитающие MMORPG, демонстрируют более высокие средние значения по всем компонентам эмоционального интеллекта, по сравнению с мужчинами, предпочитающих 3D-Action (шутер), при этом наибольшая разница прослеживается по шкале, определяющей способности «Межличностного ЭИ».
- ✓ Играющие более 20 часов в неделю демонстрируют в среднем ниже уровень гнева и враждебности.
- ✓ Мужчины ранней взрослости, играющие более 20 часов в неделю, предпочитающие 3D-Action (шутер), демонстрируют почти в два раза выше средние значения по шкале «Физическая агрессия», в сравнении с мужчинами, предпочитающих MMORPG.
- ✓ Существуют значимые различия между группой мужчин ранней взрослости, играющих более 20 часов в неделю, и группой мужчин того же возрастного периода, играющих менее 20 часов в неделю, в «Межличностном ЭИ» за счет более высокого уровня у первых таких способностей, как понимание и управление чужими эмоциями.
- ✓ Существуют значимые различия между группой мужчин ранней взрослости, играющих более 20 часов в неделю, предпочитающих MMORPG, и группой мужчин того же возрастного периода, предпочитающих 3D-Action (шутер) в способностях «Межличностного ЭИ» и «Управлять эмоциями».
- ✓ Существует связь между эмоциональным интеллектом и склонностью к агрессии у мужчин, играющих в компьютерные игры. Однако,

характер этих связей несколько различен в зависимости от выбора жанра игры и времени, которое уделяется игровому процессу.

✓ Несмотря на то, что мужчины, предпочитающие MMORPG в отличие от предпочитающих 3D-Action (шутер), в среднем демонстрируют выше показатели ЭИ, анализ корреляционных связей показал, что и те и другие имеют похожий характер связей между ЭИ и компонентами агрессии:

- Существует отрицательная связь между способностями к **управлению своими эмоциями, контролем экспрессией и гневом.**

- Существует отрицательная связь между способностями к **управлению эмоциями, как своими, так и чужими, и враждебностью.**

1. Мужчины, предпочитающие 3D-Action (шутер), имеют отрицательную связь между **контролем экспрессией и всеми компонентами агрессии**, в отличие от предпочитающих MMORPG, где наблюдается связь данного компонента ЭИ только с **гневом.**

2. Характер связей между **враждебностью и компонентами ЭИ** в группах, играющих менее и более 20 часов в неделю, имеет общие и различные черты.

- Так, играющие менее 20 часов в неделю демонстрируют отрицательные связи между **враждебностью** и способностями **понимать эмоции**, в то время как, у играющих более 20 часов в неделю таких связей выявлено меньше.

- Общими же связями являются отрицательные корреляции **враждебности** со способностями **управлять эмоциями.**

Таким образом, были обнаружены связи между компонентами эмоционального интеллекта и компонентами агрессии у мужчин, играющих в компьютерные игры, характер которых несколько различен в зависимости от выбора жанра игры и времени, которое уделяется игровому процессу, что подтверждает наше предположение о том, что мужчины, с компьютерной игровой зависимостью имеют особенности эмоционального интеллекта.

Мы выяснили, что такой особенностью эмоционального интеллекта является представление о способности к управлению эмоциями.

Предположительно, мужчины с компьютерной игровой зависимостью за счет данного компонента эмоционального интеллекта могут стремиться добиваться контроля не только в процессе погружения в компьютерные игры для реализации определенных задач, но и в социальных отношениях. Также, опираясь на другие исследования, можно предположить, что в ситуации, когда не удастся добиться доминирования в личных отношениях, общественной жизни или организационной иерархии, некоторые люди делают все больше выбор в пользу проведения времени и самореализации за компьютером. Такой выбор может являться способом реализации определенных потребностей, которые, не реализовавшись в других сферах жизни, могли бы привести к агрессивным побуждениям (Зарецкая О.В., 2017).

Однако стоит отметить, что предпочитающие игры 3D-Action (шутер), демонстрируют большое количество отрицательных связей компонентов агрессии со способностью управлять эмоциями и экспрессией, что может объяснять у них более высокие показатели физического компонента агрессии.

Литература

1. Ениколопов, С.Н. Психометрический анализ русскоязычной версии Опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри / С.Н. Ениколопов, Н.П. Цибульский // Психологический журнал – 2007. – №1. – С. 116-124.
2. Зарецкая О.В. Компьютерная и интернет-зависимость: анализ и систематизация подходов к проблеме [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. – 2017. – Том 9. № 2. – С. 135–155.
3. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. – 2006 – № 4. – С. 3–22.

4. Mayer, J.D. Emotional Intelligence: Popular or Scientific Psychology. N.Y., 2005.

**Жизнестойкость, копинг-стратегии и склонность к суицидальному
рisku у несовершеннолетних**

Вуколова А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Делибалт В.В.

Одной из важнейших проблем современного общества является суицидальное поведение несовершеннолетних. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), ежегодно более 800000 человек лишают себя жизни, самоубийства являются второй ведущей причиной смерти среди молодых людей 15-29 лет. (Гришина, Е.В., 2018) Стремительные изменения современной социальной среды заставляют несовершеннолетних искать такие формы поведения, которые позволят им быстрее адаптироваться к новым трудным ситуациям, используя жизненный опыт, свои когнитивные способности, творческий потенциал и инициативность. Важнейшими формами адаптивных процессов несовершеннолетних на трудную жизненную ситуацию, являются такие феномены, как: копинг-поведение и жизнестойкость.

Таким образом, целью нашего исследования стало выявление и описание особенностей жизнестойкости и копинг-стратегий у несовершеннолетних, склонных к суицидальному поведению.

Для оценки полученных результатов были выдвинуты следующие гипотезы исследования:

1. Подросткам со склонностью к суицидальному поведению характерны такие копинг-стратегии, как бегство-избегание, поиск социальной

поддержки, планирование решения проблемы, дистанцирование, самоконтроль и низкий уровень жизнестойкости.

2. Подросткам с нормативным поведением свойственны высокий уровень жизнестойкости и применение адаптивных копинг-стратегий, позволяющих эффективно переживать трудные жизненные ситуации и справляться с различными стрессогенными факторами.

В данной работе исследование проводилось на учащихся ГБОУ города Москвы «Школа №1363». Выборку составили 21 ученика в возрасте от 11 до 12 лет из них 5 человек составили экспериментальную группу, 16 человек - контрольную. Разделение выборки происходило согласно результатам респондентов по опроснику суицидального риска.

В рамках исследования были использованы следующие методы исследования:

1. Теоретический анализ;
2. Эмпирические методы (тестирование);
3. Методы математической статистики для анализа эмпирических данных (описательная статистика, критерий Манна-Уитни).

Также были использованы следующие методики:

1. Копинг-тест Лазаруса;
2. Тест жизнестойкости (адаптация Леонтьева Д.А.);
3. Опросник суицидального риска (модификация Т.Н. Разуваемой).

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Подростки со склонностью к суицидальному риску показали высокие результаты по шкалам аффективность и социальный пессимизм, что превышает результаты нормативной выборки. Возможно это связано с тем, что в 11-12 лет ребенок переходит на следующую стадию развития и поэтому эмоции доминируют над контролем.

2. Подростки, склонные к суицидальным проявлениям, и подростки, не склонные к суицидальным проявлениям, имеют высокий уровень жизнестойкости.
3. У подростков со склонностью к суицидальным риском преобладают такие копинг-стратегии, как: дистанцирование, самоконтроль, бегство-избегание и планирование решение проблемы.

В ходе проведенного исследования исходная гипотеза частично подтвердилась: подросткам с нормативным поведением свойственны высокий уровень жизнестойкости и применение адаптивных копинг-стратегий, позволяющих эффективно переживать трудные жизненные ситуации и справляться с различными стрессогенными факторами. Однако подросткам со склонностью к суицидальному поведению по нашему исследованию имеют высокий уровень жизнестойкости и неадаптивные копинг-стратегии.

Литература

1. Гришина Е.В. Влияние психологической безопасности образовательной среды на антивитаальные переживания подростков : автореф. дис.... канд. психол. наук / Е.В. Гришина. - Санкт-Петербург : Российский государственный педагогический университет, 2018. – 28 с.
2. Никольская И.М. Психологическая защита у детей / И.М. Никольская, Р.М. Грановская. – Санкт-Петербург : Речь, 2000. – 507 с.
3. Соболева Е.В., Шумакова, О.А. Феномен жизнестойкости в зарубежных и отечественных исследованиях // Современные научные исследования и инновации : электронный научный журнал – 2014. – Т. 2. – № 5. – С.53. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2014/05/34519> (дата обращения : 02.05.2019).
4. Сыроквашина К.В. Современные психологические модели суицидального поведения в подростковом возрасте // Консультативная психология и психотерапия. – 2017. – Т. 25. – № 3. – С. 60—75.

Особенности суицидального поведения у лиц с умственной отсталостью в условиях мест лишения свободы

Гладова С.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель - Бородина Л.Г.

Ранее высказывалось предположение о том, что умственная отсталость служит “буфером” против суицидального поведения (Kaminer Y., 1987). Однако, современные исследования опровергли эту гипотезу, показав, что у лиц с умственной отсталостью выявляются суицидальные попытки и завершённые самоубийства (Ludi E., 2012). При этом, в связи с трудностями идентификации эмоциональных и психических проблем у данной группы лиц, сигнал к совершению суицида часто не обнаруживается, что повышает риск летального исхода в результате добровольно нанесённых себе повреждений. Это порождает необходимость изучения особенностей суицидального поведения у лиц с умственной отсталостью для возможности разработки и применения на практике скрининг и профилактических программ для сокращения суицидов среди данной категории лиц. Именно поэтому целью данного исследования стало выявление особенностей суицидального поведения у осуждённых с умственной отсталостью.

Было проанализировано 64 выписных эпикризов лиц с легкой и средней степенью умственной отсталости, госпитализированных в психиатрический стационар из мест лишения свободы (далее – МЛС). Экспериментальную группу составили 26 человек с умственной отсталостью, демонстрирующие суицидальное поведение в МЛС; также были сформированы две контрольных группы: 35 осуждённых с умственной отсталостью, не предъявляющих подобного поведения в МЛС, и 84 осуждённых с органическим расстройством личности, проявляющих и не

проявляющих суицидальное поведение в МЛС. После этого были изучены социально-демографические, индивидуально-личностные и иные особенности каждой из групп и, посредством применения критерия независимости Хи-квадрат, были проанализированы связи между данными особенностями и наличием/отсутствием суицидального поведения у лиц с УО и органическим расстройством личности в МЛС.

Лица с УО, госпитализированные в психиатрические стационары из МЛС, чаще всего были мужчинами в возрасте около сорока лет. В большинстве случаев, наследственность была отягощена. До попадания в стационар и МЛС обычно проживали в городе, воспитывались в семье. Образование чаще всего являлось начальным, социальный статус низким, в большинстве случаев были одиноки. Нередко проявляли агрессию в детском возрасте и аутоагрессию в течение жизни. В одинаковой степени совершали как корыстные, так и насильственные преступления. За совершенное деяние получали срок от месяца до 22 лет. Почти в равной степени отбывали его в учреждениях как строгого, так и общего режима. У большинства лиц с УО выявлялись нарушения адаптации к МЛС: половина из них неоднократно нарушала режим, треть вступала в конфликты с сотрудниками и другими осужденными. Ко многим из них применялись меры взыскания. В большинстве случаев лица с УО в МСЛ не работали на производстве и не учились. Обычно, основной причиной госпитализации становилась просьба, чуть реже конфликты с аутоагрессией или гетероагрессией.

Оказалось, что наиболее предрасположенной к суицидальному поведению является возрастная группа лиц с УО от 36 до 45 лет. Суицидальное поведение не обнаруживалось у лиц в возрастном диапазоне от 46 до 63 лет. Эти данные нашли свое частичное подтверждение в работах М.Г. Дебольского и И.А. Матвеевой (Дебольский М.Г., Матвеева И.А., 2013). Так, по данным их исследований, суициды в возрастном диапазоне от 30 до 40 лет являются наиболее распространенными (41%). Можно сделать предположение, что данная возрастная группа наиболее подвержена риску

возникновения суицидального поведения, т.к. именно в это время протекает кризис половины жизни, связанный с переоценкой ценностей, нередко сопровождающийся депрессивными переживаниями, в которых особое место занимает тревога в отношении своего будущего (Манукян В.Р., 2008).

Было обнаружено, что во всех случаях (100%) конфликт с аутоагрессией, послуживший основной причиной госпитализации, был связан с фактом предъявления суицидального поведения в МЛС ранее. При этом, среди тех, чьей причиной госпитализации являлся конфликт с гетероагрессией, факт предъявления суицидального поведения ранее выявлялся редко. Среди тех, кто настойчиво просил о госпитализации у психиатра, работающего в системе исполнения наказания, еще реже. Эти данные можно соотнести с результатами исследований L. Marzano. Так, в результате опроса заключенных, совершивших суицидальную попытку в МЛС, было выяснено, что большая часть попыток могла быть предотвращена при возможности у осужденных поговорить с кем-то в контексте неформальной поддержки или в рамках консультационного вмешательства (Marzano L., 2016). Также, возможность разговора с кем-то о своих проблемах была главным защитным фактором, который выделили, опрошенные женщины-заключенные (Borrill J., 2005). Это дает возможность предположить, что вербализация имеющихся проблем может служить защитным фактором от суицидального поведения среди лиц с УО в МЛС.

Лица, не проявляющие аутоагрессию в течение жизни, крайне редко проявляли суицидальное поведение в МЛС. И, наоборот, лица, проявляющие аутоагрессию в течение жизни, часто проявляли суицидальное поведение в МЛС. Так, E. Vlaauw пишет о том, что те, кто совершает суицидальные попытки в тюрьме, с большей вероятностью, чем другие заключенные, ранее имели опыт самоповреждений и попыток самоубийства (Vlaauw E., 2001). Поэтому, по мнению А.П. Коцюбинского: «сам факт суицидальной попытки в анамнезе, должен рассматриваться как важнейший фактор риска суицида в дальнейшем» (Коцюбинский А.П., 2018). Особенно актуальным это

утверждение становится применительно к лицам с УО, так как нередко пресуцидальные проявления у них размыты, и, в связи с этим, сигналы к совершению самоубийства остаются не выявленными.

Лица с УО почти в 2 раза чаще проявляли суицидальное поведение, чем лица с органическим расстройством личности. У лиц с органическим расстройством личности, проявляющих суицидальное поведение в МЛС, почти в равной степени могло, как выявляться аутоагрессивное поведение в течение жизни, так и не выявляться. Тем не менее, лица с органическим расстройством, проявляющие аутоагрессию в течение жизни, приходили к суицидальному поведению значительно чаще, чем те, кто ее не проявлял. В это время, лица с УО, демонстрирующие суицидальное поведение в МЛС, почти всегда имели пометки об аутоагрессии в прошлом, и, лишь в редких случаях, подобного не обнаруживалось. Так, наличие аутоагрессии в течение жизни являлось фактором риска и говорило о потенциальной предрасположенности к суициду в дальнейшем, как в случае органического расстройства личности, так и в случае умственной отсталости.

Литература

1. Дебольский М.Г., Матвеева И.А. Суицидальное поведение осужденных, подозреваемых и обвиняемых в местах лишения свободы // Психология и право. – 2013. – №3. – С. 22-32.
2. Коцюбинский А.П. Суицидальное поведение психически больных: биопсихосоциальный подход // Социальная и клиническая психиатрия. – 2018. – №2. – С. 5-11.
3. Манукян В.Р. К вопросу о кризисе середины жизни // Вестник СПбГУ. – 2008. – №4. – С. 94-101.
4. Borrill J. Learning from near misses: Interviews with women who survived an incident of severe self-harm // Howard League Journal. – 2005. – №44(1). – P.57–69.

5. Blaauw E. Identifying suicide risk in penal institutions in the Netherlands // The British Journal of Forensic Practise. – 2001. – №4. – P.22–28.
6. Kaminer Y. Suicidal behavior in mentally retarded adolescents: an overlooked problem // Child Psychiatry Hum Dev. – 1987. – №18. – P.90–94.
7. Ludi E. Suicide risk in youth with intellectual disabilities: the challenges of screening // Journal of developmental and behavioral pediatrics. – 2012. – №5. – P.431-440.
8. Marzano L. Prevention of Suicidal Behavior in Prisons: An Overview of Initiatives Based on a Systematic Review of Research on Near-Lethal Suicide Attempts // Crisis. – 2016. – №5. – P. 323-334.

**Психологические особенности медиаконтента сетевой субкультуры
аниме**

Гуреева С.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Делибалт В.В.

Актуальность данной работы заключается в том, что с каждым годом растет количество пользователей социальных сетей, которые могут вступать в сетевые субкультуры, например, аниме-сообщества. (Быкова К.В., 2013) Изучение специфики и психологических особенностей сетевой субкультуры аниме имеет важное значение для психологии, ведь представители данной сетевой субкультуры несут ценностные ориентации данного сообщества, продолжают взаимодействовать с общей культурой и оказывают влияние на социальное окружение.

Нами было выдвинуто рабочее предположение о том, что у разбираемой в нашей работе сетевой субкультуре аниме медиаконтент

транслирует определенный призыв к специфическим действиям. Иными словами можно выделить специфические особенности медиаконтента сетевой субкультуры аниме, которые представлены в виде индикаторов склонности к девиантному поведению, при этом среди индикаторов будет преобладать деструктивный контент.

Был проведен контент-анализ, общую выборку составило 150 постов, взятых из двух пабликов, которые объединены общей аниме-направленной тематикой в социальной сети «ВКонтакте» и канал в мессенджере «Telegram». Была разработана и применена специальная процедура анализа, позволяющая формализовать содержание контента. Качественной единицей контент-анализа выступили категории контент-анализа, составляющие схему исследования, индикаторами являлись тематика и цвет фотографии, смысловое содержание подписи и смысловое содержание музыкального сопровождения, которые являлись качественными признаками в рассматриваемых категориях. Количественной единицей анализа принимается пост в рассматриваемой группе, которая принадлежит к сетевой субкультуре аниме.

Психологический анализ медиаконтента сетевой субкультуры заключается в выделении параметров:

- Определение тематики и цвета фотографии (например, присутствие подписи на фото; использование картинки, отображающей принадлежность к разбираемой сетевой субкультуре; на фотографии преобладают темные тона; на фотографии изображены действия криминального характера; на фотографии изображена кровь и др.).
- Определение смысловой нагрузки текстовой подписи (при его присутствии) (например, подпись содержит призыв к суициду; подпись содержит призыв к насильственным действиям или содержит описание насильственных действий; подпись содержит одобрение аутодеструктивного поведения и др.).

- Определение смысловой нагрузки музыкального сопровождения (при его присутствии) (например, музыкальное сопровождение содержит призыв к суициду; музыкальное сопровождение содержит призыв к насильственным действиям или содержит описание насильственных действий и др.).

Медиа контент сетевой субкультуры аниме состоит из визуального контента. (Воронова А.В., 2012) Изображенные персонажи могут являться примером для подражания для представителей разбираемой сетевой субкультуре. Данные, полученные из постов групп в социальных сетях, были подвержены психологическому анализу, при котором были определены отдельные темы и частота встречаемости:

Изображения. К ключевым деталям изображения, которые относятся к категории «открытые телесные самоповреждения», мы обозначили: шрамы, явно демонстрирующие следы самоповреждения, процесс нанесения себе ран. К ключевым деталям изображения, которые относятся к категории «оружие», мы обозначили: изображение пистолетов, ружей, ножей, и вещей, способных нанести вред человеку. К ключевым деталям изображения, которые относятся к категории «сцена курения/алкоголя/наркотики», мы обозначили: бутылки из-под алкоголя, распитие алкоголя, зажжённая сигарета, пачка сигарет на столе, шприцы и изображение жгута. К ключевым деталям изображения, которые относятся к категории «криминальные действия», мы обозначили: бомба. К ключевым деталям изображения, которые относятся к категории «другое содержание», мы обозначили: неразделенная любовь, дружба, романтические отношения, преданность, мотивационные призывы, гяру, одиночество.

Смысловая нагрузка текста. К определению смысловой нагрузки текстовой подписи, в категории «призыв к суициду» мы обозначили фразы: «теперь можно в петлю», «почему бы тебе не спрыгнуть с обрыва?». К определению смысловой нагрузки текстовой подписи, в категории «призыв к насильственным действиям или описание насильственных действий» мы

отнесли: «click to die» и подобные. К категории «популяризация употребления курения, алкоголя или наркотических средств» мы отнесли такие словосочетания как: «пьяное утро», «дымлю красиво» и подобное. К категории «призыв к рискованному действию» мы отнесли: «ну что, погнались?!». К категории другого содержания мы отнесли подписи к фотографии, которые несут в себе название аниме, описывают неразделенную любовь, дружбу, романтические отношения, преданность друг к другу, проверка актива.

Музыкальное сопровождение. К ключевым словам музыкального сопровождения, в категории «призыв к суициду» мы обозначили ключевые слова: «мы умираем», «встретил свою смерть», «харакири в живот», «петля ждет», «отдай свою жизнь суициду» и подобные. К ключевым словам музыкального сопровождения, в категории «призыв к насильственным действиям» мы обозначили ключевые словосочетания: «хочешь бить – бей», «принеси ему боль» и подобные. К ключевым словам музыкального сопровождения, в категории «одобрение аутодеструктивного действия» мы обозначили ключевые словосочетания: «вырезай кожу» и т.д. К ключевым словам музыкального сопровождения, в категории «передача позитивного образа употребления курения, алкоголя или наркотических средств» мы обозначили ключевые словосочетания: «кури никотин, РСР, таблетки возьми на кухне», «они под спидами, а ты стоишь как вкопанный» и подобные. К ключевым словам музыкального сопровождения, в категории «другое содержание» мы обозначили: содержание в музыке японских мотивов, слова о неразделенной любви, о романтических отношениях между мужчиной и женщиной и преданности любимому делу.

В ходе анализа, наше рабочее предположение подтвердилось частично. По результатам анализа выделенных нами типов, в медиаконтенте разбираемой нами сетевой субкультуры аниме можно сказать, что основной контент содержит принадлежность к аниме культуре, повествует о преданности любимому делу, идеализированными романтическими

образами, образцами преданной дружбы. Однако, имеют место некоторые тенденции в использовании контента суицидальной направленности, контент, направленный на призыв к делинквентному поведению, призыв к аддиктивному поведению и имеющий сексуальный подтекст, что для некоторых пользователей может выступить триггером, обуславливающим соответствующее поведение. Таким образом, можно выделить специфику психологических особенностей медиаконтента сетевой субкультуры аниме, однако индикаторы склонности к девиантному поведению незначительны и не являются основополагающим медиаконтента разбираемой нами сетевой субкультуре. Данные результаты могут лечь в основу последующих исследовательских гипотез.

Литература

1. Быкова К.В. Демонстрация субкультурной идентичности на примере молодежной субкультуры аниме // XVIII Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования». – Волгоград, 2013. – С. 59-67.
2. Воронова А. В. Основные теоретические подходы к исследованию феномена молодежных субкультур /А. В. Воронова //Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 6 (14). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-teoreticheskie-podhody-k-issledovaniyu-fenomena-molodezhnyh-subkultur> (дата обращения: 14.05.2019).

Взаимосвязь между жанровым предпочтением в компьютерных играх и уровнем агрессивности индивида

Забуга Е.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель - Богданович Н.В.

При размышлении о современной действительности невозможно не упомянуть о научно-технических достижениях и непосредственно интернет-пространстве, которое окружает нас плотным информационным потоком который год. На данный момент уже выросло целое поколение детей, которые с самого детства были втянуты в мир виртуального через компьютерные игры. И стоит упомянуть, что эти игры не так невинны и просты, как хотелось бы. Самые популярные игры зачастую завязаны на сценах агрессивного характера, жестокости и противоправности, что заставляет нас спросить самих себя: «Если ребенок растет на подобной игровой культуре, то, что же может произойти в его дальнейшей жизни? Как это может сказаться на его поведении?». Именно эти вопросы мы решили рассмотреть в данной статье, где выборка разделена по следующим критериям: по вовлеченности в компьютерную игру (постоянные игроки; увлекающиеся время от времени; никогда не игравшие), по жанровому характеру самой игры.

Стоит немного остановиться на жанровой классификации игр. А.А. Аветисова и А.Е. Войскунский придерживаются мнения, что наиболее популярной классификацией компьютерных игр является именно жанровая классификация, т.к. она используется и в отечественных и в зарубежных статьях («экшн», «квест», «симуляторы» и т.д.). Критериями, благодаря которым можно распределить игры по определенным жанрам являются

особенности сюжета, игрового дизайна и характер задач и действий, которые необходимо совершить игроку.

В нашей научной работе мы хотим сформулировать новую классификацию компьютерных игр в рамках установок поведения, которые диктуют игровые сюжеты:

1. Просоциальные игры – это игры, в которых демонстрируется социально одобряемое поведение. К ним мы относим квестовые игры и симуляторы, те игры, в которых пользователь взаимодействует с виртуальным пространством без деструктивных тенденций (убийства других персонажей и др. противоправных действий);

2. Асоциальные игры – это те игры, в которых демонстрируется та система действий, которая не соответствует сложившимся в обществе нормам. К ним мы относим такие жанры как экшн, шутеры, т.к. в них непосредственно самоцелью игры ставится миссия причинения вреда и совершения преступлений.

Подобное разделение позволяет нам взглянуть на игровое пространство как на амбивалентную реальность, где сочетаются игры, могущие причинить вред развитию психики и правосознания детей и подростков, и те игры, которые могут наоборот направить эти процессы и помочь в становлении мировоззрения.

Выборка исследования состояла из 80-ти респондентов, набранных при помощи Google-форм. Возраст испытуемых от 18 до 28 лет. Исследование проводилось при помощи опросника Басса-Перри.

Полученные результаты свидетельствовали о том, что общий уровень агрессии, гнева и физической агрессии у постоянно играющих мужчин в игры асоциальной направленности выше, чем у постоянно играющих девушек. Такая же картина наблюдается при сравнении играющих время от времени мужчин и девушек. Здесь можно сделать вывод, что мужчины в КИ-среде более агрессивны, чем девушки. При сравнении с игроками, вовлеченными в просоциальные игры, у игроков в асоциальные КИ уровни физической

агрессии и гнева, общий показатель агрессии выше при любой степени вовлеченности в игру. Однако при более детальном рассмотрении результатов можно увидеть, что у мужчин и девушек, играющих время от времени в КИ асоциального характера, общий показатель агрессивности выше, чем у тех, кто постоянно в них играет. Здесь можно сделать предположение, что компьютерные игры все же положительно воздействуют на эмоциональное состояние игрока, позволяя ему отреагировать накопленную агрессию в мир игры. Но не стоит упускать тот момент, что игроки в КИ асоциальной направленности более агрессивные, чем игроки в КИ просоциальной направленности, что может также свидетельствовать о негативном влиянии асоциальных КИ на психику игрока.

Проведенное исследование не исчерпывает всей глубины проблемы влияния компьютерных игр на психику, но информация, которую мы получили, может уже применяться при проведении дальнейших научных исследований компьютерных игр, при исследовании гендерных отличий игроков в КИ и их психологических портретов.

Литература

1. Аветисова А.А. «За» и «против» компьютерных игр. / Аветисова А.А., Войскунский А.Е. // Игра, обучение и Интернет. – М., 2006. – С. 5-15.

**Особенности манипулятивных стратегий лиц, совершающих
развратные действия с использованием телекоммуникационной сети**

«Интернет»

Корчагин Н.Ю.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель - Дворянчиков Н.В.

Большинство психологических исследований, посвященных преступлениям сексуальной направленности против несовершеннолетних, сосредоточены на лицах с диагнозом педофилия (Демидова Л.Ю., Дворянчиков Н.В., 2014; Р.Ф. Крафт-Эббинг, 1866; Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В., 2015; A.N. Groth, 1982 и др.). Однако в настоящий момент редки работы, посвященные изучению преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних, проводившиеся не только на лицах, имеющих диагноз «педофилия». Выборка данного исследования составлялась без обособления по признаку наличия клинически достоверного расстройства сексуального предпочтения «педофилия», с умыслом выявления психологических особенностей в структуре преступлений, в целом присущих лицам, осужденным за развратные действия с использованием телекоммуникационной сети «Интернет». Методологической основой данного исследования являются труды (А.Н. Леонтьев 2004, В. Н. Кудрявцев 1998, Ф.С. Сафуанов 2003, Логунова О.А., Дворянчиков Н.В. 2019, Кроз М.В., Онищенко О.Р., Ратинова Н.А. 2008) описывающие проявления индивидуально-личностных особенностей в деятельности, в частности, применительно к юридической психологии, проявляющиеся в специфике совершения лицом преступного деяния, в соответствии с его индивидуально-личностными особенностями, а также специфику психологического воздействия в криминальной ситуации.

Данное исследование проводилось на выборке, включающей в себя 34 обвинительных заключения, составленных на основании ст. 135 УК РФ. Все осужденные имели мужской пол, находились в возрасте от 18 до 56 лет, и имели образование не ниже среднего.

Целью данного исследования являлось определение манипулятивных стратегий, проявившихся в криминальной ситуации у разных типов правонарушителей, совершающих преступления сексуальной

направленности против несовершеннолетних, предусмотренные ч. 1, 2, 3, 5 ст. 135 УК РФ, с использованием телекоммуникационной сети «Интернет».

В качестве методов исследования были использованы: психологический анализ материалов уголовных дел, корреляционное отношение Пирсона, кластерный анализ.

В ходе первичного качественного анализа выборка была разделена на две группы на основании наличия диагноза педофилия:

- 1) Лица имеющие диагноз педофилия – 5 человек;
- 2) Лица без расстройства полового влечения – 29 человек.

В ходе дальнейшей обработки данных, были выделены следующие дифференцирующие переменные:

1) Социо-демографические данные осужденного (возраст, образование, семейный статус, наличие судимости);

2) Наличие установленного психического расстройства у осужденного, учет в психоневрологическом диспансере, наркологическом диспансере;

3) Клинически достоверный диагноз "педофилия", установленный у осужденного;

4) Цель коммуникации осужденного с потерпевшим:

А) Получить от потерпевшего материалы порнографического характера с его участием;

Б) Вступить с потерпевшим в половой контакт;

5) Направление потерпевшим материалов порнографического характера;

6) Возраст потерпевших;

7) Число потерпевших;

8) Стратегия психологического воздействия;

9) Методы психологического воздействия:

А) Информирование;

Б) Внушение;

В) Принуждение;

Г) Убеждение.

Также, предварительно было выделено 3 типа лиц, совершающих развратные действия с использованием сети «Интернет»:

- 1) Манипуляторы;
- 2) Растлители;
- 3) Смешанный тип

К выделенным переменным, было применено корреляционное отношение Пирсона, на основании которого было установлено следующее:

1) Для лиц, имеющих клинически достоверный диагноз «педофилия», совершающих развратные действия с использованием телекоммуникационной сети «Интернет», в большой степени характерен выбор потерпевшего, не достигшего 12-ти летнего возраста, а также серийность данного преступления, чем для лиц, не имеющего данного диагноза. Вместе с этим, за лицами, имеющими клинически достоверный диагноз «педофилия», наблюдается предпочтение манипулятивной стратегии психологического воздействия, и использование в качестве метода психологического воздействия убеждение. Однако для лиц, имеющих клинически достоверный диагноз «педофилия», не характерно совершение развратных действий в отношении потерпевших, достигших 14-ти летнего возраста, но не достигших возраста 16-ти лет;

2) Лица, использовавшие манипулятивную стратегию психологического воздействия, использовали в качестве методов психологического воздействия информирование и убеждение. Также данный тип лиц имел высшее образование, состоял или состоит в браке на момент преступления. В то время как лица, использовавшие императивную стратегию психологического воздействия, отдавали предпочтение таким метода психологического воздействия, как информирование, внушение и принуждение. Также данный тип лиц имел среднее общее или средне-специальное образование, и никогда не состоял в браке.

На основе кластерного анализа были статистически подтверждены два типа: манипуляторы и растлители.

Таким образом, по итогам данного исследования выделяются следующие типы лиц, совершающих развратные действия с использованием сети «Интернет»:

1) Манипуляторы – использующие манипулятивную стратегию психологического воздействия, информирование и убеждение в качестве методов психологического воздействия, целью которых является получение от потерпевшего материалов порнографического характера с участием последнего, в равной мере предпочитающие потерпевших не достигших или находящихся в процессе полового созревания (7-13 лет), имеющие высшее образование и состоявшие или состоящие на момент совершения преступления в браке;

2) Растлители – использующие императивную стратегию психологического воздействия, информирование, внушение и принуждение в качестве методов психологического воздействия, целью которых является вступление с потерпевшим в половую связь, предпочитающие потерпевших, находящихся в процессе полового созревания (13-15 лет), имеющие среднее общее или средне-специальное образования, никогда не состоявшие на момент совершения преступления в браке.

3) Смешанный тип – использующий обе стратегии психологического воздействия, информирование, внушение, принуждение и убеждение в качестве методов психологического воздействия, в ходе криминальной деятельности осуществляющий и запрос, и направление материалов порнографического характера с участием потерпевшего, но конечной целью которого является вступление с потерпевшим в половую связь.

Литература

1. Демидова Л.Ю., Дворянчиков Н.В. Типологические и интегративные модели сексуального злоупотребления [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2014. – Том 6. – № 3. – С. 82–93.

2. Крафт-Эбинг Р.Ф. Половая психопатия. М.: Республика, 1996 – 592 с.
3. Кроз М.В., Ратинова Н.А., Онищенко О.Р. Криминальное психологическое воздействие. – М.: Юрлитинформ, 2008 – 200 с.
4. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления: опыт криминологического моделирования: учеб. пособие. – М.: Дом «Форум», 1998. – 216 с.
5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
6. Логунова О.А., Дворянчиков Н.В. Исследование психологических особенностей личности и поведения серийных сексуальных убийц различных типов [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2019. – Том 9. – № 1. – С. 54–70.
7. Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии – М.: Смысл, 2003. – 300 с.
8. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология – М.: Издательство БИНОМ, 2014. – 648 с.
9. Groth, A.N., Hobson, W.F., Gary, T.S. The child molester: Clinical observations // In J. Conte, D.A. Shore (Eds.). Social Work and Child Abuse. New York, – NY: Naworth, 1982. – P. 129-144.

Особенности саморегуляции мужчин с алкогольной зависимостью

Лановая А.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель - Власова Н.В.

Аддиктивное поведение является наиболее распространённым типом девиантного поведения. В современных условиях, когда многие традиции разрушаются под давлением стремительного технического прогресса, ослабевают связи в микро- и макросоциуме, человек находится в непрерывном состоянии деструктивного стресса. Девиантность в некоторых

ситуациях становится выходом, возможностью социально-психологического адаптации к происходящим изменениям в обществе (Дикая Л.Г., 2002).

Алкоголизм как одна из форм девиантного поведения влечет опасность не только для самой аддиктивной личности, но и для общества в целом. По данным Министерства здравоохранения России только за последние семь лет число преступлений, совершенных лицами в состоянии алкогольного опьянения, возросло на 40-50 тысяч (Минздрав России, 2016).

Проблема алкоголизации населения остается одной из важнейших, и люди, страдающие данным заболеванием, нуждаются в психологической помощи. Для проведения профилактической, психокоррекционной и реабилитационной работы, требуются научные знания об определенных причинных факторах, наличие которых приближает человека к группе риска. Одной из таких особенностей является саморегуляция личности (Канаркевич О.С., 2006).

Все вышесказанное и определило цель нашего исследования – выявить особенности саморегуляции мужчин с алкогольной зависимостью.

Гипотезой исследования выступает предположение о том, что мужчины с алкогольной зависимостью обладают более низким уровнем саморегуляции и повышенной чувствительностью к стрессовым ситуациям, воздействию неблагоприятных факторов в сравнении со здоровыми мужчинами.

В ходе эмпирического исследования нами было проведено сравнение основных компонентов саморегуляции мужчин с алкогольной зависимостью (экспериментальная группа) и здоровых мужчин, которые составили контрольную группу. Средний возраст испытуемых составил 46,5 лет. Мужчины экспериментальной выборки (20 человек) находились на стационарном наблюдении в Наркологической клинической больнице №17 г. Москвы, им был поставлен диагноз – алкогольная зависимость второй и третьей степени. Мужчины контрольной группы – здоровые мужчины (21

человек), не злоупотребляющие алкоголем и инициативно пожелавшие участвовать в исследовании.

Для выявления особенностей саморегуляции в обеих группах использовались следующие методики: «Исследование волевой саморегуляции» А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана, опросник «Стилевая саморегуляция поведения человека» В.И. Моросановой и «Методика изучения фрустрационных реакций» С. Розенцвейга. Для обработки данных использовался статистический критерий проверки гипотез в статистическом пакете SPSS: непараметрический критерий Манна – Уитни для независимых выборок.

По результатам проведенного исследования было выявлено, что существуют значимые различия по свойству характера «Самообладание» ($p < 0,05$). Что свидетельствует о том, что мужчины с алкогольной зависимостью проявляют неустойчивость в эмоциональных проявлениях либо эмоционально холодны, неуравновешенны, при этом может отмечаться неадекватность поведения и эмоционального реагирования.

Уровни признаков по шкалам «Программирование деятельности» ($p < 0,05$) и «Самостоятельность» ($p < 0,01$) оказались выше в группе здоровых мужчин. Данные результаты можно объяснить тем, что независимые от алкоголя мужчины более тщательно продумывают этапы своей деятельности, способны более адекватно оценивать внешние обстоятельства и вносить своевременные корректировки в свой план. В то время как аддикты менее самостоятельны, им требуется помощь со стороны в организации и контроле их действий. Однако у алкогольных зависимых мужчин отмечается более высокий уровень признака по шкале «Оценивание результатов деятельности» ($p < 0,05$). Это можно объяснить тем, что у аддиктивной личности формируются особые факторы при оценивании результатов своей деятельности, отличные от факторов здорового человека.

Статистически значимых различий по шкале «Общий уровень саморегуляции» по шкале «Волевая саморегуляция» в исследуемых группах

не было выявлено. Что свидетельствует о том, что целью деятельности зависимого человека является удовлетворение потребности, у него происходит сдвиг мотива на цель, алкогольный аддикт уверен в собственной продуктивности процессов саморегуляции.

Таким образом, гипотеза о том, что мужчины с алкогольной зависимостью обладают более низким уровнем саморегуляции и повышенной чувствительностью к воздействию неблагоприятных факторов в сравнении со здоровыми мужчинами, подтверждается частично. Есть различия в уровнях отдельных компонентов саморегуляции, показатели у мужчин с алкогольной зависимостью действительно ниже, но по общим показателям статистически значимых различий не выявлено. Также у алкогольных аддиктов отмечается более высокий уровень придания значимости стрессовым ситуациям с фиксацией на неблагоприятном факторе, склонность к поиску виновных, а не поиску решений.

Основываясь на результатах проведенного эмпирического исследования, нами были выделены основные направления психологической коррекции с мужчинами, страдающими алкогольной зависимостью:

- развитие навыков самообладания;
- развитие самостоятельности и ответственности за собственную жизнь;
- развитие навыков продуктивных способов психологической защиты;
- тренировка навыков программирования деятельности;
- развитие самоконтроля эмоциональной сферы и поведения.

Литература

1. Дикая Л.Г. Психология саморегуляции функционального состояния субъекта в экстремальных условиях деятельности: дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2002. – 342 с.
2. Информация Минздрава России в связи с инициативой Минпромторга о снятии ограничений на продажу алкоголя в магазинах, расположенных около

социальных и спортивных объектов // URL:
<https://www.rosminzdrav.ru/news/2016/02/25/2803-informatsiya-minzdrava-rossii-v-svyazi-s-initsiativoy-minpromtorga-o-snyatii-ogranicheniy-na-prodazhu-alkogolya-v-magazinah-raspolozhennyh-okolo-sotsialnyh-i-sportivnyh-ob-ektov>
(дата обращения: 19.11.2018).

3. Канаркевич О. С. Деструктивные изменения личности у алкогольных аддиктов // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2006. – №14. – URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/destruktivnye-izmeneniya-lichnosti-u-alkogolnyh-addiktov> (дата обращения: 07.04.2019).

Связь склонности к аддиктивному поведению и привязанности к матери у юношей и молодых взрослых

Ларина Е.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

В настоящий момент не теряет своей актуальности проблема распространенности химических видов аддиктивного поведения в молодежной среде, а с развитием технического прогресса, возрастает распространенность и нехимических аддикций, в частности, интернет-зависимость и зависимость от компьютерных игр. Существует множество направлений изучения аддиктивного поведения, каждое из которых раскрывает феномен с одного или нескольких ракурсов. Исследования привязанности к матери – один из аспектов, рассматриваемый в рамках глубинного направления изучения аддиктивного поведения. Ранние нарушения в диаде «мать-ребенок» находят свое отражение в поведенческих паттернах, которые личность проявляет на протяжении жизни, что позволяет рассматривать аддиктивное поведение как феномен в контексте нарушения привязанности к матери.

Целью исследования является выявление связи различных компонентов привязанности к матери со склонностью к аддиктивному поведению у юношей и молодых взрослых.

Основной гипотезой исследования послужило предположение о том, что различные типы и компоненты привязанности к матери имеют связь со склонностью к аддиктивному поведению в юношеском и молодом взрослом возрасте. Выделены две дополнительные гипотезы: есть связь между аддиктивным поведением и тревожно – избегающим типом привязанности к матери; привязанность к матери имеет свои особенности для групп лиц склонных к химическим и нехимическим видам аддиктивного поведения.

Методологической основой исследования послужили теоретические и эмпирические работы таких авторов Дж. Боулби, М. Эйнсворт, К. Фрэйли, С.Спайкер, С. Голдберг, Р. Сирс, Г. Кристал, Л.С. Выготский, М.И. Лисина, В.Д. Менделевич, А.В. Смирнов.

Привязанность с позиции теории Дж. Боулби определяется как стойкая индивидуально направленная устойчивая эмоциональная установка, в основе которой лежит опыт аффективно насыщенных отношений ребенка со значимым взрослым (чаще всего с матерью) (Боулби Дж., 2004). Определенный тип привязанности к матери, сформированный в детстве, в более взрослом возрасте проявляется в поведении привязанности, другими словами, способствует формированию определенных паттернов поведения личности во взаимодействии со средой (Пупырева Е.В., 2007). Теория привязанности раскрывает феномен аддиктивного поведения как один из аспектов глубинно-психологического направления исследования аддикций, склонность к зависимому поведению здесь исследуется через формирование в структуре личности преморбидных черт, в том числе сформированных на основе поведения привязанности (Смирнов А.В., 2015).

Таким образом, для исследования основной и частных гипотез исследования выделены 4 типа привязанности к матери в юношеском

возрасте: надежный, озабоченный, тревожно – избегающий, дистанцированный; и 5 компонентов привязанности:

- доверие в отношениях с матерью
- общение в отношениях с матерью
- отчуждение в отношениях с матерью
- тревога по отношению к матери
- избегание по отношению к матери

А также следующие виды аддиктивного поведения:

- склонность к наркотической зависимости
- склонность к алкогольной зависимости
- склонность к фанатизму
- склонность к зависимости от компьютерных игр
- интернет – зависимость

В исследовании использованы следующие методы и методики:

- 1) Теоретический анализ;
- 2) Метод опроса: опросник «Привязанность к матери взрослого в детстве» Филипповой Г.Г., опросник IPPA «Привязанность к близким людям», методика «Склонность к зависимому поведению» В.Д. Менделевич, тест Интернет-зависимости Чен (шкала CIAS);
- 3) Математико-статистические методы (SPSS Statistics Version 22): описательная статистика, критерий Колмогорова-Смирнова, критерий Манна-Уитни, критерий ранговых корреляций Спирмена.

В исследовании приняли участия 124 человека в возрасте от 17 до 25 лет (средний возраст 20,5 лет). 77% составили респонденты женского пола, 23% – мужского пола. Все респонденты являются студентами московских (85%) и региональных (15%) ВУЗов. Большая часть респондентов (69%) воспитывались в полной семье, остальные воспитывались только одним родителем (31%), преимущественно матерью.

Общие результаты распределения типов привязанности к матери продемонстрировали следующие показатели: надежный тип – 43%, тревожно

– избегающий тип – 27%, дистанцированный тип – 24%, озабоченный тип – 6%.

Результаты распределения привязанности у лиц с высокими показателями склонности к химическим видам аддиктивного поведения: надежный тип – 37%, тревожно – избегающий тип – 33%, дистанцированный тип – 22%, озабоченный тип – 8%.

Результаты распределения привязанности у лиц с высокими показателями склонности к нехимическим видам аддиктивного поведения: надежный тип – 19%, тревожно – избегающий тип – 59%, дистанцированный тип – 11%, озабоченный тип – 11%.

Исходя из представленных результатов, можно предположить, что распределение типов привязанности у лиц с высокой склонностью к химическим видам аддиктивного поведения не дает ярких различий в сравнении со значениями по общей выборке, так как склонность к химическим видам аддиктивного поведения является мультифакторным феноменом и требует учета множества факторов. В свою очередь, распределение типов привязанности у лиц с высокой склонностью к нехимическим видам аддиктивного поведения демонстрирует значительные отличия в сравнении с общей выборкой, что может говорить о значительной роли поведения привязанности при формировании нехимических видов зависимого поведения.

Анализ связей между склонностью к различным видам аддиктивного поведения и компонентами привязанности к матери позволяет говорить о достоверной значимости (0,01) 4 компонентов: доверие, общение, отчуждение и тревога.

Склонность к химическим видам зависимости более выраженную связь имеет с таким компонентом привязанности как «тревога по отношению к матери» (,251). Это может быть связано с тем, что ранние нарушения привязанности, сформированные фрустрацией потребности в безопасности, повышают тревожность по отношению к матери до степени, когда ПАВ

становится наиболее доступным средством ухода от данной тревоги. При этом склонность к химическим видам зависимости требует комплексного анализа по многим направлениям исследований.

Склонность к нехимическим видам зависимости имеет более выраженную связь с компонентом «отчуждение» (,438), а также «доверие» (-,326), «коммуникация» (-,306), «тревога по отношению к матери» (,429). Что может говорить о присущей данной группе лиц отчужденности и от социума, когда реальные социальные контакты не находят способа для реализации, что провоцирует уход в виртуальную реальность или иные поведенческие паттерны зависимости.

Таким образом, исследование поведения привязанности является одним из ключевых направлений качественного анализа феноменов зависимости и их формирования. Данные о значимых корреляционных связях склонности к аддиктивному поведению с определенными компонентами привязанности могут быть использованы при профилактической индивидуальной и групповой работе. Наибольший исследовательский интерес в контексте теории привязанности представляет исследование склонности к нехимическим видам аддиктивного поведения.

Литература

1. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей / Пер. с англ. – М.: Академический проект, 2004. – 232 с.
2. Пупырева Е.В. Эмоциональная привязанность к матери как фактор становления автономии личности в младшем школьном возрасте : дис. ... канд. психол. наук. – М., 2007. – 225 с.
3. Смирнов А.В. Базовые психологические компоненты аддиктивного поведения в структуре интегральной индивидуальности: дис. ... д-ра психол. наук. – Екатеринбург, 2015. – 489 с.

Риски включенности в социальные сети и виртуальное пространство

Левин Л.М.

Московский государственный областной университет (г. Москва)

Научный руководитель – Нестерова А.А.

В последнее время наблюдается заметное развитие интернета и цифровых технологий, которые стремительно и прочно вошли в жизнь каждого человека. Особое свое распространение приобретают социальные сети.

С того момента, как появились социальные сети, они сразу же вошли в повседневную жизнь большинства людей и охватывают все большую аудиторию. Так, по данным агентства PRT на январь 2014, 76% пользователей Интернета в России, а по сведениям Lenhart A., примерно 73% жителей Соединенных Штатов являются активными пользователями социальных сетей. По материалам Pew Research Center's Internet and American Life Project, 73% школьников в возрасте от 12 до 17 лет, 87% студентов от 18 до 29 лет и 68% взрослых от 30 до 49 лет являются активными пользователями социальных сетей. По статистике агентства PRT на январь 2014 г. в России это 86% индивидов в возрасте от 18 до 24 лет, 80% в возрасте от 25 до 30 лет и 67% — в возрасте от 31 до 40 лет. При этом во всех странах больше всего профилей в социальных сетях присутствует среди различных групп учащихся (школьники и студенты), эта цифра варьируется от 80% до 90% в зависимости от страны (The Nielsen Company..., 2010). Вместе с возрастанием распространенности феномена социальных сетей и виртуального пространства увеличивается и научный интерес к нему. Данное явление изучалось в различных работах зарубежных (Davis R. A., 2011; Goldberg I. Ivan, 1997; Cohen E., 2009; Junco R., 2012; Lampe C., Ellison N., Steinfield C., 2006; Li L., 2010; Nosko A., Wood E., Molema S., 2010; Rainie L., Lenhart A., Smith A., 2012; Revoir P., 2008; Scherer K., 1997; Webley K., 2011; Williams S., Clausen M., Robertson A., 2012; Young K., 2009) и

отечественных ученых (Агадуллина Е.Р., 2015; Андреева О.С., Андреев Е.С., 2009; Арестова О. Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е., 1996; Бабаева Ю. Д., Войскунский А. Е., Смылова О. В., 2000; Васильева И.Л., 2009; Войскунский А. Е., 2009; Годик Ю. О., 2011; Дмитриев К.Г., 2013; Изотова Е.И., 2013; Казнова Н.Н., 2009; Королева Н.Н., 2004; Максимова О.Б., 2011; Малыгин В.Л., 2011; Марарица Л.В., Антонова Н.А, Ерицянь К.Ю., 2013; Петрова Е.И., 2012; Сирота Е.Ю., 2010; Чучкова Г.С., 2007, 2009).

Вместе с изучением различных психологических характеристик участников виртуального пространства исследователи все больше говорят о рисках включенности в социальные сети и последствиях для человека.

Постепенно приобретают свою значимость такие термины как «проблемное использование интернета» («problematic Internet use») и «здоровое использование интернета» («healthy internet use»). Davis R. в своей работе определяет термин «здоровое использование интернета» как целенаправленное использование интернета для достижения конкретной цели в оптимальные сроки без возникновения поведенческих и иных нарушений (Davis et al., 2002). При этом использование в исследованиях термина «здоровое использование интернета» можно встретить нечасто.

Большинство исследований, проводимых в этой области, описывают феномен интернет-зависимости с позиций рисков. Данная направленность нашла свое отражение в таких терминах, как «интернет-аддикция» (Goldberg, 1997), «интернет-зависимость» (Scherer, 1997), «патологическое использование интернета» (Davis, 2001) и «проблемное использование интернета» (Davis et al., 2002). При этом изучение рисков данного феномена в рамках российских исследований в основном проводится в терминах «интернет-зависимости», при этом особенно востребованным является подход к определению «интернет-зависимости» К. Янг, основанный на клинических проявлениях других нехимических аддикций, в частности влечению к азартным играм (Davis et al., 2002).

Изучением отрицательных последствий включенности в интернет-пространство и социальные сети занимались также такие ученые, как Андреева О.С., Андреев Е.С., Арестова О.Н., Бабаева Ю.Д., Васильева И.Л., Войскунский А.Е., Годик Ю.О., Изотова Е.И., Казнова Н.Н., Максимова О.Б., Петрова Е.И. и др. К рискам чрезмерной включенности в цифровое сообщество данными авторами относятся следующие:

- 1) реальная личность заменяется виртуальной, поиск признания и поддержки в интернет-среде;
- 2) информационное истощение;
- 3) излишек интернет-знакомых и интернет-друзей;
- 4) открытость «вредных» материалов;
- 5) трудности в распознавании чувств и эмоций других людей, неэффективность стратегий поведения, сформированных в виртуальной среде, в ситуациях реального взаимодействия;
- 6) глубокие близкие взаимоотношения подменяются поверхностными контактами в социальных сетях (Марарица Л.В., Антонова Н.А, Ерицян К.Ю., 2013).

Young К. (1998) среди рисков вовлеченности в киберпространство детей и подростков выделял следующие:

- 1) *контентные риски* — это материалы (тексты, картинки, аудио- и видеофайлы, ссылки на внешние ресурсы), содержащие насилие, агрессию, нецензурную лексику, информацию, разжигающую расовую ненависть, пропаганду анорексии и булимии, суицида, азартных игр, наркотических веществ и другие неприемлемые материалы;
- 2) *коммуникационные риски* связаны с межличностными отношениями интернет-пользователей и включают в себя риск подвергнуться оскорблениям и нападкам со стороны других. Примерами таких рисков могут быть: незаконные контакты (например, груминг), киберпреследования, кибербуллинг и др.;

- 3) *электронные риски (или кибер-риски)* — это вероятность столкнуться с хищением личной информации, угроза подвергнуться вирусной атаке, онлайн-мошенничеству, спам-атаке, шпионским программам и т.д.;
- 4) *потребительские риски* – злоупотребление в интернете правами потребителя. Включают в себя: риск приобретения товара низкого качества, различные подделки, контрафактная и фальсифицированная продукция, потеря финансов без приобретения товара или услуги, хищение персонифицированных данных с целью кибер-мошенничества, и др.;
- 5) *интернет-зависимость* – навязчивое желание войти в интернет и невозможность выйти из интернета, патологическая и непреодолимая тяга к интернету, которая нарушает бытовую, учебную, социальную, рабочую, семейную, финансовую и психологическую сферы жизни человека (Young K. S., 1998).

Таким образом, в настоящей работе были проанализированы основные риски, вероятность возникновения которых достаточно высока из-за чрезмерной вовлеченности в виртуальное пространство. В дальнейшем авторам настоящей работы предстоит проведение эмпирического исследования, посвященного влиянию интернет-зависимости и моделей поведения в социальных сетях на такие психологические характеристики, как субъективный уровень одиночества и особенности межличностного взаимодействия у молодежи.

Литература

1. Агадуллина Е.Р. Пользователи социальных сетей: современные исследования [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. – 2015. – Т. 4. – № 3. – С. 36-46. doi: 10.17759/jmfp.2015040305.
2. Марарица Л.В., Антонова Н.А, Ерицян К.Ю. Общение в интернете: потенциальная угроза или ресурс для личности // Петербургский психологический журнал. – 2013. – №5. – С. 1-15.

3. Davis R. A., Flett G. L., Besser A. Validation of a new scale for measuring problematic internet use: implications for pre-employment screening // CyberPsychology and Behavior. – 2002. – V. 15. – pp. 331-347.
4. The Nielsen Company. Global Audience Spends Two Hours More a Month on Social Networks than Last Year; The Nielsen Company: New York, NY, USA, 2010. Available online: <http://blog.nielsen.com/nielsenwire/global/global-audience-spends-two-hours-more-a-month-onsocial-networks-than-last-year/>
(Дата обращения: 16.04.2019)
5. Young K. S. Caught in the net: how to recognize the signs of Internet-addiction – and a winning strategy for recovery / by Kimberly S. Young, - Canada, 1998. – 248 p.

**Взаимосвязь агрессивности с уровнем эмоционального интеллекта в
гендерном аспекте у студентов**

Мамедова В. Р.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Дворянчиков Н. В.

В настоящее время ученые признают агрессивность детерминантой девиантного поведения в молодежной среде. Поощрение роста агрессивности способствует криминализации молодежи. Принято считать, что агрессивность больше свойственна мужчинам, чем женщинам (Ильин Е. П., 2014).

Эмоциональный интеллект имеет обратную зависимость с агрессивным и девиантным, антисоциальным поведением и является важным фактором просоциального поведения (Андреева Н. И., 2011).

Целью данного исследования является изучение взаимосвязи эмоционального интеллекта и уровня агрессивности у студентов мужского и женского пола.

Объект исследования: Агрессивность как психологическая особенность личности. **Предмет исследования:** Взаимосвязь эмоционального интеллекта и агрессивности у студентов и гендерный аспект этой взаимосвязи.

Выборку исследования составили 60 испытуемых в возрасте от 18 до 45 лет, среди них 30 мужчин и 30 женщин.

Результаты исследования показывают: испытуемым не свойственна эмоциональная гибкость и отходчивость, они испытывают трудности с управлением собственными эмоциями, склонны «застревать» на негативно окрашенных эмоциях.

Проявления эмоционального интеллекта отличаются у мужчин и женщин. Мужчины по сравнению с женщинами значительно лучше умеют управлять своими эмоциями и контролировать их, менее склонны к «застреванию». Женщины отличаются более высоким уровнем эмпатии и лучше умеют распознавать эмоции других людей.

Характер проявления агрессивности также отличается у мужчин и женщин. Мужчины значительно чаще проявляют физическую агрессию (используют физическую силу), в то время как женщинам более свойственно переживание гнева. Кроме того, у женщин выше уровень враждебности.

Корреляционный анализ гендерного аспекта агрессивности и эмоционального интеллекта показал: женщины с более высоким эмоциональным интеллектом в меньшей степени склонны к переживанию гнева и к враждебности. Тем не менее, у мужчин данная закономерность выражена сильнее: показатели эмоционального интеллекта мужчин состоят в обратной зависимости со всеми признаками агрессивности.

Испытуемые старшего возраста (как мужчины, так и женщины) отличаются более высоким уровнем эмоционального интеллекта и менее агрессивны по сравнению с более молодыми.

Выраженность маскулинных черт как у мужчин, так и у женщин способствует развитию умения управлять своими эмоциями, контролировать

их, проявлять эмоциональную гибкость и отходчивость, повышению самомотивации и склонности к физической агрессии. Люди с высоким уровнем фемининных черт отличаются развитой эмпатией.

Литература

1. Андреева Н. И. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии. — Новополюцк: ПГУ, 2011. — 388 с.
2. Ильин Е. П. Психология агрессивного поведения. — СПб: Питер, 2014. — 368 с.

Использование типологического подхода при составлении психологического портрета сексуального преступника

Мартынова А.О.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Расследование и задержание лиц, совершивших насильственные сексуальные преступления, представляют собой одну из самых серьезных проблем для современных правоохранительных органов, даже тогда, когда есть прямые свидетели преступления. Во многих случаях типичные криминологические факторы, характеризующие наиболее распространенные проявления убийств, отсутствуют, и это делает криминальные расследования на удивление трудными, поскольку мотивационная динамика и цель преступления, которые интернализируются в сознании преступника, часто совсем не очевидны. Поэтому для комплексного подхода к расследованию такого типа преступлений необходима совместная работа специалистов как юридических, так и психологических знаний. Создание прикладной методики, нацеленной на применение типологического подхода в

профилировании, помогло бы значительно сократить время на поиски преступника правоохранительными органами, а следовательно – оптимизировать его поимку и сократить количество будущих жертв.

Одним из подходов, показавшем свою действенность и прикладную значимость, является типология серийных сексуальных убийц О.Д. Ситковской и Л.Н. Конышевой, которая и была взята за основу для составления методики. Также в данной работе был сделан упор как на чистые типы преступников, так и на смешанные, так как на практике они встречаются в 61% случаев, против 39% чистых (Логунова О.А., 2016)

В данной работе была создана, описана и апробирована методика типологического подхода при создании психологического портрета сексуального преступника, основанная на 3 чистых типах (ситуативник, силовик и сексуальный маньяк) (Ситковская О.Д., Конышева Л.П., 2002) и 6 смешанных соответственно, которые описываются с помощью 4-ех блоков, критерии которых используются при составлении психологического портрета (Анфиногенов А.И., 2003):

1. Блок – поведенческие особенности (мотивация, подготовка к преступлению, развертывание криминальной агрессии, особенности совершения полового акта, способ и орудие убийства, особенности сокрытия трупа);

2. Блок – личностные, демографические и антропологические особенности (наличие психического расстройства (в т.ч. парафилий) у преступника, его демографические данные (пол, возраст, образование, служба, семейное положение, место работы), особенности внешнего вида, личностные особенности);

3. Блок – дополнительные особенности, которые не удалось распределить в блоки выше (наличие судимости, характеристика жертвы);

4. Блок – особенности поисковых действий и допроса (географические и психологические характеристики особенностей поисковых действий,

особенности допроса). Особенности допроса раскрываются через социально-психологические характеристики преступника (какой он в быту, в общении, ведущие тенденции, сохранность личности и т.д.)

Чистые типы были описаны полностью во всех перечисленных выше блоках. Четко получилось описать все смешанные типы в блоках «мотивация», «развертывание криминальной агрессии», «наличие психических расстройств (в т.ч. парафилий)». Блоки «особенности поисковых действий» и «особенности допроса» в смешанных типах остались незаполненными в силу недостаточности практических исследований и оставлены для следующей работы. Остальные блоки заполнены частично в силу особенностей определенных типов и требуют дополнительных исследований и доработки на основе конкретных практических случаев.

Апробация методики типологического подхода при составлении психологического портрета сексуального преступника была произведена нами на основе материалов 3-ех уголовных дел, таблицы признаков-маркеров принадлежности преступника к определенному типу серийного сексуального убийцы (О.А. Логуновой), а также кодировки, помогающей определить вес каждого из 7-ми параметров (поведенческих особенностей, характеристики жертвы) в конкретном (чаще – смешанном) типе преступника, и сказать, в каких признаках на какой из типов (в смешанных) следует опереться.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующему: личностные особенности как чистых, так и смешанных типов раскрывались в методике через их психические свойства и процессы типа, его коммуникативные особенности, эмоционально-волевую сферу и направленность личности, а также через наличие психического расстройства (в т.ч. парафилий); поведенческие особенности как чистых, так и смешанных типов раскрывались в методике через их мотивацию, подготовку к преступлению, развертывание криминальной агрессии, особенности совершения полового акта, способ и орудие убийства, особенности сокрытия трупа. Не удалось раскрыть личностные и поведенческие особенности

смешанных типов, одним из которых является «ситуативник», так как его особенности никак не коррелируют с особенностями «силовика» и «сексуального маньяка». Смешанные типы требуют доработок, которые можно осуществить в последующих научных работах.

Данная методика может быть использована как специалистами-психологами, так сотрудниками правоохранительных органов для установления возможных личностных и поведенческих особенностей преступника, а также при проведении оперативно-розыскных мероприятий и допроса.

Литература

1. Анфиногенов А.И. Методика разработки розыскных портретов лиц, совершивших серийные убийства // Следственная практика: сборник. – 2003. – Вып. 4, №161. – 79-84 с.
2. Логунова О.А. Типологические особенности личности и поведения серийных сексуальных убийц [Электронный ресурс] / О.А. Логунова, Л.Ю. Демидова, Н.В. Дворянчиков // Психолого-педагогические исследования. – 2012. – № 2. – URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53494.shtml (дата обращения : 02.05.2019).
3. Логунова, О. А. Психологические особенности личности и поведения различных типов серийных сексуальных убийц : дис.... канд. психол. наук – М., 2016. – 216 с.
4. Логунова, О.А. Исследование психологических особенностей личности и поведения серийных сексуальных убийц различных типов [Электронный ресурс] / О.А. Логунова, Н.В. Дворянчиков // Психология и право. – 2019(9). – № 1. – 54-70 с. – URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/19/n1/97331.shtml> (дата обращения: 02.05.2019).
5. Ситковская О.Д. Участие психолога в раскрытии и расследовании убийств: научно-методическое руководство / О. Д. Ситковская, Л. П.

Коньшева. – М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 2002.
– 54 с.

**Связь переживания субъективного отчуждения со склонностью к
девиантному поведению у подростков**

Недилько Д.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Проблема девиантного поведения была и остается актуальной в российском обществе. Крайне важным для профилактики и коррекции девиантного поведения является выявление факторов, способствующих его развитию. В качестве одного из таких факторов многие специалисты выделяют переживание субъективного отчуждения. Например, криминологом М.Ю. Антоняном психологическое отчуждение рассматривается как одна из важнейших причин формирования преступного поведения (Антонян Ю.М., 2018). Е.Н. Осин, рассматривая отчуждение в рамках деятельностно-смыслового подхода, тоже указывает на то, что оно может быть связано с девиантностью (Осин Е.Н., 2007). В ходе эмпирического исследования О. А. Поповой был сделан вывод о том, что отчуждение в подростковом возрасте является существенной предпосылкой делинквентности (Попова, О.А., 2010).

Целью нашего исследования стало описание и обобщение особенностей переживания субъективного отчуждения у подростков как фактора формирования девиантного поведения. Для достижения поставленной цели нами были поставлены следующие задачи: определить понятия «отчуждение» и «переживание субъективного отчуждения», проследить развитие этого понятия в трудах философов и психологов;

рассмотреть основные механизмы формирования девиантного поведения, его виды и способы коррекции; изучить особенности переживания субъективного отчуждения у подростков как фактора формирования девиантного поведения.

Гипотезой нашего исследования стало предположение о том, что переживание субъективного отчуждения напрямую связано со склонностью к девиантному поведению у подростков, однако связь переживания субъективного отчуждения со склонностью к аддиктивному поведению, склонностью к делинквентному поведению и склонностью к суициду будет различной.

Вслед за Е. Н. Осиним мы рассматриваем субъективное отчуждение как «такое состояние системы взаимоотношений человека с миром, при котором ценностные смысловые отношения не осуществляются человеком или не являются ведущим принципом регуляции его жизнедеятельности» (Осин Е.Н., 2007).

Девиантное поведение мы понимаем как «устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личностью, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией» (Змановская Е.В., 2004).

Выборку нашего исследования составили 59 подростков. 60% выборки составили юноши, 40% - девушки. Средний возраст участников исследования составил 14,5 лет. Все участники обучались в общеобразовательной школе г. Москвы. Для выявления склонности к девиантному поведению и переживания субъективного отчуждения в различных сферах жизни подростков, участвовавших в нашем исследовании, нами были применены следующие методики: опросник субъективного отчуждения для учащихся (ОСУТЧ-У) и диагностический опросник для выявления склонности к различным формам девиантного поведения для учащихся общеобразовательных учреждений (ДАП-П).

По результатам исследования были сделаны следующие выводы:

1. Переживание субъективного отчуждения имеет прямую связь с интегральным показателем склонности к девиантному поведению у подростков.
2. Имеются различия в связи переживания субъективного отчуждения со склонностью к аддиктивному поведению, склонностью к делинквентному поведению и склонностью к суициду.

Литература

1. Антонян Ю.М. Психология преступления и наказания / Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В. Е.Эминов. — М.: Норма, 2018. — 321 с.
2. Змановская Е. В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения) : Учеб пособие для студ. Высш. Учеб. Заведений / Е. В. Змановская. — 2-е изд., испр. — М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 288 с.
3. Осин Е. Н. Смыслоутрата как переживание отчуждения: структура и диагностика : дис.... канд. психол. наук. — М., 2007. — 218 с.
4. Попова О.А. Отчуждение как предпосылка делинквентного поведения подростков // Вестник ТГУ. — 2010. — № 4 (84) — С. 151–156.

Оценка психолого-педагогических методов для эффективного применения профилактики негативных проявлений в условиях образовательного комплекса

Пермяков С.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Штейнберг И.Е.

В настоящее время остро стоит вопрос об использовании психолого-педагогических методик в условиях образовательного комплекса, имеющих

при этом высокую эффективность и доказательную базу, которые ориентированы на последние достижения науки в области детства, отвечающие современным требованиям законодательно-правового подхода и при этом гуманистическим принципам. Острота стоящей проблематики заключается в огромной нагрузке, как на педагогов, так и на педагогов-психологов, которые ни организационно, ни физически не могут охватить имеющийся объём. Многие функции по социализации и разрешению возникающих психологических трудностей ложится на учителя, зачастую у которого нет психолого-педагогических инструментов для решения возникающих проблем.

Когда говорят об оценке психолого-педагогических методик чаще всего речь идёт о диагностическом инструментарии, который достаточно хорошо разработан и достаточно широко описан. Изучая вопросы коррекционных методов, мы наталкиваемся в основном на описание дефектологических методов, специфических в основном для психологической работы. Однако в школе от психолога ждут других компетенций (Алёхина С.В., 2007). В школе учителю, да и администрации, нужен такой психолог, который умеет разрешать насущные вопросы, помогать учителю и детям выходить из создающихся проблем, идущие по наклонной к кризисной ситуации. Эти и поведенческие проблемы, личностные психологические, адаптация и интеграция в общество, семейные и множество всего, что порой не классифицируется, так как либо они индивидуальны, либо проблема настолько интегрирована в разные сферы жизни, что её сложно включить либо в одну, либо в другую классификацию. Можно привести сотню примеров, однако каждый из них будет иметь свою уникальную конфигурацию и десятки индивидуальных нюансов, свойственных только этой ситуации. Из вышесказанного следует, что работа в этой области не может сводиться к диагностическим методам, она должна иметь парадигму принимающей психологии, исходить из принципов

гуманизма и иметь партнёрский характер (Бурменская Г.В., Карабанова О.А., 1990). Часто ни у педагогов, ни у психологов нет таких инструментов.

Исследуя данный вопрос, удалось найти всего несколько методов, которые отвечали бы данным параметрам и при этом могли бы быть использованы не только психологами как специфические, но и учителями при соответствующем психолого-педагогическом сопровождении и поддержке психолога школы как консультанта, так как только такой вариант возможен в современных образовательных комплексах с их штатным расписанием и педагогической нагрузкой на рабочую единицу.

Рассмотрим подробнее выявленные методы.

Вначале рассмотрим подходы, ставшие уже известными в нашей стране и основанные на восстановительных подходах.

Первый - это уже достаточно известный метод «Школьные службы примирения» (Коновалов А.Ю., 2012). Он достаточно узок и имеет социальную направленность при разрешении конфликтов и спорных ситуаций. Метод доказал свою эффективность, но при этом имеет узкий круг применения. Он развивает ответственность и цивилизованный способ разрешения споров и конфликтов. Метод «Школьные службы примирения» подходит в основном для работы в средней и старшей школе, не требует специальной психологической подготовки. Поэтому имеет все основания для рекомендации изучения всем педагогическим сообществом.

Метод «Круги сообщества» и «Школьная конференция» (Коновалов А.Ю., 2012) менее распространены, чем предыдущий метод, но при этом так же направлены на разрешение конфликтных ситуаций, однако при этом имеют более широкий охват участников. В своей рабочей структуре они включают социально-ценностные ориентиры и представление о позитивном будущем. Так же при этом рассматривается возможная модель поведения каждого участника при возникновении спорной ситуации, основанная на достигнутых договоренностях.

Следующий подход, который используется в России - это «Технологии социальных навыков Гришаевой». Имеет в своей структуре 10 подтехнологий и носит скорее концептуальный, чем методологический характер, психологизирует образовательную среду, развивает коммуникативные способности, способствует адаптации детей. Данная технология – это, скорее, набор психолого-педагогических инструментов, который при незначительной психологической подготовке способен использовать учитель, но при этом является важным шагом для гуманизации образования и общества.

Следующий метод, который был найден – Kinderdrama (Н.-W. Gessmann, 2011). Это психологический метод проигрывания сложившейся ситуации или проблематики с позиции различных ролей. Так, с маленькими детьми могут использоваться вспомогательные сказочные герои, животные и другие фигурки. Метод эффективен при решении семейных ситуаций и личностных психологических проблем, при этом имеет значительный минус, так как требует значительной психологической подготовки и большого временного ресурса. Однако, это очень эффективный метод для работы психолога в разрешении возникающих трудностей и понимания психологических процессов группы.

Метод «Kids skills» (Фурман Б., 2010). Хотя данному методу уже более 20 лет, он только получает своё распространение в нашей стране. Данный метод включает в себя и освоение социальных навыков, и разрешение психологических проблем посредством освоения навыка. Имеет чёткую оформленную структуру по принципу «шаг за шагом», что делает данную методику доступной для использования её педагогами, хотя в ней и заложена серьёзная психологическая составляющая.

В отличие от всех выше представленных методов, для него имеется электронная поддержка в виде мобильного приложения с удобным для пользователя интерфейсом. Из всех известных существующих в настоящее

время методов, считаю его наиболее удавшимся, так как он отвечает современным подходам и гуманистической парадигме.

Метод способен в игровом виде как вырабатывать полезные навыки, так и решать психологические сложности, возникающие в повседневной школьной жизни. Уникальность метода в том, что его можно использовать как индивидуально, так и в группе. Метод может использоваться как педагогами, так и психологами для решения более глубоких психологических проблем.

В заключении хотелось бы отметить, что психолого-педагогические службы в школе нуждаются в переориентировки на современные вызовы и условия работы. Необходимо дать больше возможностей сопровождения реальных процессов, возникающих в классе и школе. Конечно, диагностика и работа с когнитивными нарушениями важна, но тогда встаёт вопрос о разделении школьных психологов по направлениям. И конечно, встаёт вопрос о независимости психологов от школьной администрации и педагогического коллектива. Психолог должен быть партнёром и помощником, а не быть зависимой единицей и действовать по распоряжениям администрации. В данном контексте, психологи не должны вставать в один ряд с педагогами, исполняющим приказы, в том числе противоречащие интересам ребёнка.

Литература

1. Алёхина С.В. Мониторинг социально-психологических проблем развития учащихся // Вестник практической психологии образования. – 2007. – №3. С.49-58.
2. Бурменская Г.В., Карабанова О.А., Лидерс А.Г. Возрастно-психологическое консультирование, проблемы психического развития детей. – М., 1990. – 136 с.
3. Коновалов А.Ю. Школьная служба примирения и восстановительная культура взаимоотношений: практическое руководство. /Под общей

редакцией Карнозовой Л.М. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012. – 256 с.

4. Фурман Б. Навыки ребёнка в действии. Как помочь детям преодолеть психологические проблемы. – М.: Альпина Диджитал, 2010. – 147 с.

5. Gessmann H.-W. Kinderpsychodramatherapie. Dokumentation über den Beginn der Therapieform // Verlag des Psychotherapeutischen Instituts Bergerhausen, Duisburg. – 2011.

Толкование ситуаций гендерного насилия людьми с разной гендерной идентичностью

Ретя С.Э.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Луковцева З.В.

Данное исследование посвящено изучению возможных механизмов связи гендерной идентичности человека (ГИ) с особенностями толкования им гендерного насилия (ГН). Также в ходе исследования сделаны первые шаги в направлении создания типологии толкований ГН (ТГН) и объяснительной модели возможной природы отрицания гендерного насилия (ОГН).

Гендерная идентичность – личностная характеристика человека, определяющая, насколько он осознает себя в качестве мужчины, женщины или сочетания того и другого (Бендас Т.В., 2006; Степанова Л.Г., 2010).

Гендерное насилие – это насилие, направленное на человека в связи с его половой и/или гендерной принадлежностью (Андронникова О.О., 2017; Бендас Т.В., 2006; Клецина И.С., 2015; Лактионова М.А., 2011). ГН может принимать форму физического, психологического, экономического или иного воздействия. Многообразие проявлений и высокая латентность ГН до

сих пор остаются факторами, серьезно осложняющими процесс его научного исследования.

Толкование ГН – результат идентификации и оценки ситуации ГН тем или иным образом. Введение термина обусловлено необходимостью объединения в одну группу всех возможных вариантов обнаружения и объяснения человеком ГН, и выявления и классифицирования данной проблематики из различных исследований, затрагивающих данную тему косвенно.

ТГН условно можно разделить на два класса суждений: те, в которых ситуация ГН идентифицируется как таковая и те, в которых этого не происходит. Второй класс суждений представляет собой объект исследовательского интереса (Клецина И.С., 2015), однако до сих пор не обозначен отдельным термином. Здесь он будет обозначаться как *отрицание гендерного насилия*.

Работ, посвященных проблематике ТГН, практически не существует. К областям, наиболее близким к ТГН, относятся исследования социально-психологических представлений о ГН (Бовина И.Б., 2011; Ениколопов С.Н., 2011; Логутова Е.В., 2015) и профилактика ГН (Луковцева З.В., 2018; Пережогин Л.О., 2008). Существуют отдельные работы, посвященные изучению индивидуально-психологических особенностей людей, склонных к ОГН (без упоминания соответствующего термина), где выделены два типа личностных особенностей, способных повышать склонность к ОГН. Первый характеризуется пассивностью, внушаемостью и просоциальностью, второй – агрессивностью, сниженной способностью к эмпатии и неудовлетворенным стремлением к самоутверждению (Андронникова О.О., 2017; Аракелян К.Н., 2014; Клецина И.С., 2015; Логутова Е.В., 2015; Stubbs-Richardson M. 2018). Перечисленные характеристики соответствуют частичному описанию феминного и маскулинного типов личности по С. Бэм, из чего мы вывели предположение, что определенные особенности ГИ человека могут соотноситься тем или иным образом со склонностью человека к ОГН.

Проверке этого предположения было посвящено эмпирическое исследование, результаты которого мы кратко представим здесь.

Для оценки особенностей ГИ применялись «Полоролевой опросник» С. Бэм в классическом варианте и модификации И.С. Клециной, а также методика МиФ в модификации Н.В. Дворянчикова. Выявление и оценка ТГН и ОГН производились с помощью разрабатываемой нами проективной методики «Идентификация ситуаций гендерного насилия». Стимульный материал включает 16 не связанных между собой сюжетно описаний различных ситуаций, которые могут иметь место в реальной жизни. 7 из них – примеры конфликтных ситуаций, не имеющих под собой гендерной основы, а 9 других – примеры ситуаций гендерного насилия разной степени выраженности. Также все ситуации классифицируются по видам применяемого насилия: физическое, психологическое, сексуальное, экономическое.

Выборка составила 40 человек (20 девушек и 20 юношей) в возрасте от 18 до 25 лет. Предполагается, что в этом возрасте происходит и формирование индивидуальной позиции к ГН (Эриксон Э., 2006). Также к юношескому возрасту завершается формирование ГИ, она становится наиболее полной, осмысленной и устойчивой (Перегудина В.А., 2010).

В процессе изучения литературных данных и обработки результатов эмпирического исследования нами были проделаны первые шаги по составлению типологии ТГН, включающей: позитивную и негативную идентификацию ГН, позитивное и негативное отрицание гендерной/насильственной составляющей ситуации и позитивное и негативное ОГН.

Первоначальное предположение о том, что особенности ГИ человека могут соотноситься тем или иным образом со склонностью человека к ОГН оправдалось в том, что достоверно большую склонность к различным видам ОГН показали молодые мужчины с «традиционной» ГИ, однако ГИ молодых женщин не обнаружила взаимосвязи со склонностью к ОГН. Также было

обнаружено, что такие составляющие ГИ, как подверженность гендерным стереотипам и особенности гендерного поведения, не связаны со склонностью к различным видам ОГН. Дополнительно было выяснено, что склонность к ОГН проявляется достоверно сильнее при толковании ситуаций, не имеющих очевидной юридической значимости.

Дальнейшее исследование данной проблемы представляется перспективным для разработки профилактических и реабилитационных программ, выявления ГН на ранних стадиях. Обнаружение связи «традиционной» ГИ у мужчин с их склонностью в ОГН значимо для «прицельного» применения первичной, информационной профилактики, например, в профессиональной среде, требующей от сотрудников сильно выраженных маскулинных качеств и характеризующейся преобладанием в ней мужчин.

Литература

1. Андронникова О.О. Гендерные характеристики виктимного поведения как результат нарушения социального развития / О.О. Андронникова, Е.В. Ветерок // Психологические науки. 2017. — №3(57). — С. 111-113.
2. Аракелян К.Н. Опыт пережитого насилия и склонность к виктимному поведению подростков : гендерный аспект // Вестник СПбГУ, 2014. — №4. — С. 58-65.
3. Бендас Т.В. Гендерная психология: Учебное пособие. — СПб.: Питер, 2006. — 431 с.
4. Бовина И.Б. Особенности социальных представлений о сексуальном насилии: «Маньяк» и «Жертва» глазами молодых мужчин и женщин / И.Б. Бовина, Н.В. Дворянчиков, А.Д. Гутник, А.М. Рикель // Психолого-педагогические исследования. 2011. — № 1. — С. 1-14.
5. Ениколопов С.Н., Хвостова Е.С. Социально-психологические представления о сексуальном насилии в семье [Электронный ресурс] //

Психология и право. — 2011. — № 1. — URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n1/39333.shtml> (дата обращения: 06.05.2019).

6. Клецина И.С. Гендерный подход в анализе причин проявления насилия в близких отношениях между мужчинами и женщинами / И.С. Клецина, Е.В. Иоффе // *Женщина в российском обществе*. 2015. — №1 (74). — С. 4-17.
7. Логутова Е. В. Гендерные особенности виктимного поведения старших школьников // *Современные проблемы науки и образования*. — 2015. — №. 1-1. — С. 1551-1551.
8. Луковцева З.В. Актуальные вопросы и стратегии профилактики насилия на стадии свиданий в подростково-юношеских парах [Электронный ресурс] // *Психология и право*. — 2018. — Том 8. — № 1. — С. 1–12. doi:10.17759/psylaw.2018080101.
9. Перегудина В.А. Особенности возрастного становления гендерной идентичности // *Известия ТулГУ*. — 2010. — №2. — С. 305-310.
10. Пережогин Л.О. Сексуальное насилие над детьми. Выявление, профилактика, реабилитация / Л.О. Пережогин, М.А. Догадина // *Вопросы ювенальной юстиции*. — 2008. — №4 — С. 2-8.
11. Степанова, Л. Г. Особенности формирования гендерной идентичности современных юношей и девушек в контексте социально-психологического развития личности // *Психолого-педагогические исследования*. — 2010. — №. 2. — С. 47-57.
12. Эриксон, Э.Г. Идентичность: юность и кризис. — М.: Флинта, 2006. — Том 133. — 86 с.
13. Stubbs-Richardson, M. Tweeting rape culture: Examining portrayals of victim blaming in discussions of sexual assault cases on Twitter. / M. Stubbs-Richardson., N. Rader, A. Cosby // *Feminism & Psychology*. 2018. — №1. — P. 90-108.

Особенности ценностно-мотивационной сферы личности с наркотической зависимостью (на примере употребляющих марихуану)

Семенова А.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель - Власова Н.В.

На сегодняшний день проблема наркомании стала общенациональной. Только по официальным данным Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков в настоящее время в России до 7,3 миллиона человек употребляют наркотики, основную группу зависимых от ПАВ, составляют лица в возрасте от 18 до 39 лет (Федеральная служба...). Наркотическая зависимость влечет за собой ряд негативных последствий: криминальное поведение, агрессивное и враждебное отношение к окружающим, попытки суицидальных действий.

В процессе употребления наркотических веществ у личности формируется такое зависимое поведение, которое становится психически и физически неизбежным, человек не может ощущать полноценной свою жизнь без приема наркотического вещества. Наркотик со временем становится одним из важнейших условий его контакта с другими людьми и принятия себя. У зависимой личности наблюдаются резкие изменения в мотивационной, эмоциональной, когнитивной сферах, а также смена ценностей и интересов. (Анафьянова Т.В., 2011).

В исследовании мы исходили из предположения, что ценностно-мотивационная сфера наркозависимой личности имеет ряд отличительных особенностей, предполагая, что таковыми особенностями являются – гедонистические ценности, стремления к получению простых физиологических удовольствий, несформированность семейных и коммуникативных ценностей, снижение потребности в дружбе, принятии и любви.

В исследовании приняли участие 50 (25 мужчин и 25 женщин) респондентов в возрасте 20-26 лет. В контрольную группу вошли молодые люди, не имеющие опыта употребления наркотических веществ, в количестве 25 (12 мужчин и 13 женщин) человек. В экспериментальную группу вошли также 25 человек (13 мужчин и 12 женщин), эпизодически или постоянно употребляющие наркотические вещества (марихуана) на протяжении более года.

С целью изучения особенностей ценностно-мотивационной сферы личности людей, страдающих зависимостью от марихуаны, использовались следующие психодиагностические методики: анкетирование, тест «Склонность к зависимому поведению» В.Д. Менделевича; тест «Смысложизненные ориентации» Д.А. Леонтьева; методика «Ценностные ориентации» М. Рокича. (Змановская Е.В., Рыбников В.Ю., 2010).

По результатам диагностики склонности к употреблению наркотиков было выявлено, что среди респондентов экспериментальной группы 6 человек (25%) имеют признаки повышенной склонности, а остальные испытуемые - 19 человек (75%) - признаки высокой вероятности наркотической зависимости. В то время как среди людей контрольной группы, у 13 человек (55%) не наблюдается никаких признаков склонности к зависимому поведению, а у 12 человек (45%) были выявлены признаки тенденции к наркозависимости.

Иерархия инструментальных ценностей у испытуемых экспериментальной группы характеризуется большей ориентацией на ценности самоутверждения (высоко ценят непримиримость и смелость в отстаивании взглядов, стремление нарушать существующие нормы и правила). В то же время наблюдается низкая значимость ценностей контроля (честность, эффективность в делах, рационализм). Результаты исследования также свидетельствуют и о том, что в сознании респондентов экспериментальной группы, значительно искажены понятия о таких ценностях, как семья, любовь, дружба. Испытуемые экспериментальной

группы обнаруживают отсутствие ориентации на высшие общественные интересы, на альтруистическую деятельность, творческую работу, познание и жизненную мудрость.

В результате корреляционного анализа было выявлено, что существует прямая связь между показателями склонности к наркозависимости и таким показателями как материальное обеспечение ($r=0,615$), развлечение ($r=0,519$), свобода ($r=0,425$), жизнерадостность ($r=0,364$), независимость ($r=0,290$) и смелость ($r=0,356$). Полученный результат свидетельствует о том, чем выше показатели по шкале склонности к наркозависимости, тем выше показатели по данным ценностям.

Также в результате корреляционного анализа была выявлена отрицательная связь между показателями склонности к наркозависимости и показателями по таким ценностям, как активная деятельная жизнь ($r=-0,518$), жизненная мудрость ($r=-0,615$), интересная работа ($r=-0,634$), красота природы и искусства, любовь ($r=-0,481$), познание ($r=-0,535$), продуктивная жизнь ($r=-0,491$), развитие ($r=-0,516$), счастливая семейная жизнь ($r=-0,96$), счастье других ($r=-0,303$), творчество ($r=-0,596$), воспитанность ($r=-0,496$), твердая воля ($r=-0,298$), широта взглядов ($r=-0,441$), честность ($r=-0,430$). Полученные результаты свидетельствуют о том, что чем выше показатели по шкале склонности к наркозависимости, тем ниже показатели по данным ценностям.

Таким образом, в ходе эмпирического исследования были выявлены особенности ценностных ориентаций наркозависимой личности. Наиболее значимыми ценностями для употребляющих наркотики молодых людей являются: высокие запросы, жизнерадостность и смелость, материальное обеспечение и развлечения, в то время как семейные и коммуникативные ценности являются незначимыми, что демонстрирует снижение потребности в дружбе, принятии и любви.

Полученные результаты могут быть использованы психологами для составления профилактических программ, направленных на предупреждение и коррекцию склонности к употреблению наркотиков.

Литература

1. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 06.05.2019).
2. Анафьянова Т.В., Особенности социально-медицинской работы с лицами и группами девиантного поведения в регионе. М.: Академия Естествознания, 2011. – 223 с.
3. Змановская Е.В., Рыбников В.Ю. Девиантное поведение личности и группы: Учебное пособие – СПб, 2010. – 352 с.

Психологические аспекты онтогенеза психосексуальной сферы у лиц, осужденных без лишения свободы по статьям 131-135 УК.РФ

Шипицын Д.Ю.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Становление полового самосознания и половой Я-концепции является частным случаем формирования целостной «Я-концепции» личности, носит системный характер и специфичную этапность становления в онтогенезе. Выделяются следующие основные этапы: 1) формирование половой идентичности; 2) формирование полоролевого поведения; 3) становление сексуальных предпочтений и сексуальной ориентаций. Протекание этих этапов происходит на основе тех нормативных или аномальных «биологических контуров», которые сопровождают ребенка как при внутриутробном развитии, так и после, создавая предпосылки развития. Однако, как будут смещены векторы развития при этих неопределенных

предпосылках, будут ли реализовано, либо ингибировано развитие аномальных звеньев становления психосексуальной сферы, во многом зависит от социальной ситуации развития и собственной активности формирующейся личности.

Основной группой в нашем исследовании выступают лица мужского пола (20 чел.), осужденные по статьям 131-135 УК РФ, приговоренные к отбыванию наказания без лишения свободы. Объектом сексуальных посягательств у данной категории лиц становятся подростки. Цель исследования - изучить специфику полового самосознания основной группы. Контрольной группой выступают лица мужского пола без судимостей, с «нормативными» характеристиками полового самосознания.

Условно осужденные - это та категория граждан, представители которой, находясь на свободе, имеют доступ к потенциальным жертвам, и их поведение практически всегда скрыто от контроля надзорных органов.

Согласно исследованиям, половое самосознание у лиц с диагнозом «педофилия» имеет ряд особенностей: нарушение всех звеньев полового самосознания, половозрастное нивелирование образа себя и партнера, включая когнитивные и эмоциональные компоненты. У лиц, совершивших действия сексуального характера против несовершеннолетних без диагноза, иная структура полового самосознания, где на первый план выходит нарушение звена полоролевого поведения, на фоне мотива самоутверждения как ведущего, а также попытки повысить самооценку за счет доминирования в партнерских отношениях.

Согласно гипотезам исследования, ожидается, что значительная часть (до половины) испытуемых могут иметь нарушения когнитивных и эмоциональных звеньев полового самосознания на всех уровнях, что соответствует парафильной структуре.

В тех же случаях, когда таковой структуры не усматривается, ожидается, что испытуемые будут иметь ряд отличительных особенностей:

дизгармонию на уровне полоролевых структур, наличие эмоциональной конгруентности с подростковым возрастом партнера.

Согласно задачам нашего исследования, необходимо оценить необходимость назначения комплексных видов судебных экспертиз для контингента основной группы исследования. В случае, если имеются нарушения всех звеньев полового самосознания с преобладанием нарушений когнитивного компонента – рассмотреть вопрос о необходимости рекомендаций для судебных органов по поводу экспертизы данных лиц, на предмет диагностики формирующейся парафилии.

Дисгармоничное или нарушенное половое самосознание, обнаруживает себя в психическом отражении индивида уже в оформленном и устойчивом состоянии и, ставя личность перед фактом своего существования, способно причинять тяжелые внутренние страдания, становясь порой трагедией на всю жизнь, и смысловым конфликтом, вокруг которого «закручивается» множество компонентов всего самосознания. В ходе развития, постоянно решается «задача на смысл», исход которой может быть порой аутодеструктивным либо гетеродеструктивным.

В связи с этим важно уделять внимание становлению полового самосознания уже с ранних лет. Сексуальное поведение в период детства можно рассматривать как квазисексуальное. Речь идет не только об инфантильной сексуальности, обозначенной еще З. Фрейдом. Естественная активность ребенка может восприниматься взрослыми как нежелательная, если взрослые атрибутируют ребенку эротические мотивы. При этом те, кто принимают участие в формировании личности ребенка могут недооценивать факт того, что именно в детстве закладываются основные программы психосексуального развития и половой Я-концепции. Реакции родителей (возмущение, страх, негодование, беспокойство) на половые рефлексы ребенка даже в младенческом возрасте неизбежно начинают закладывать основы его полового самосознания. В дальнейшем для становления идентичности ребенка и предпосылок становления полоролевого поведения,

стереотипов огромное значение отводится сюжетно-ролевой игре. Дети не плохо прогнозируют реакцию взрослых на невинные половые игры между собой и стремятся во время этих игр не попадать в их поле зрения. Роль игр еще не столь внятно сформулирована в целостной схеме формирующегося полового самосознания. В связи с этим С.Т. Агарков писал: «В контексте упомянутых базисных концепций значения игры в психогенезе личности остается только удивляться отсутствию современной структурированной теории роли игры в развитии сексуальности человека» (Агарков Т.С., 2013).

Такая концепция игры в контексте становления полового самосознания могла бы стать «сверхзадачей» для междисциплинарных исследований, особенно психолого-педагогических. Она также могла бы дать возможность лучше понять, как в процессе воспитания не только формировать будущую сексуальность более нормативно, но и как лучше диагностировать, а далее и адаптировать, социализировать тех детей, которые имеют предпосылки к аномальному становлению психосексуальной сферы, особенно это касается детей при различных формах дизонтогенеза, отставания соматосексуального развития, аномальной социальной ситуации развития.

Предварительные выводы:

1. Для лиц с девиантным сексуальным поведением общим «сквозным» фактором выявляется нарушение хотя бы одного из компонентов в иерархии системы полового самосознания, сочетающийся при этом с нарушением когнитивного, либо эмоционального компонента того или иного звена. Чем более глубинные базовые уровни полового самосознания несут на себе печать дизонтогенеза, чем больше звеньев охвачены дисгармоничностью, тем в более индивидуализированных, но гуманных мерах нуждается данное лицо.
2. Значительная часть - до половины - испытуемых будут иметь характерные признаки нарушения когнитивных и эмоциональных звеньев в структуре полового самосознания.

3. У основной группы в исследовании имеются такие особенности полового самосознания, которые отличают их от лиц, совершивших половые преступления собственно с детьми, не вошедшими в пубертатный возраст. Мотивы выбора недостаточно зрелого партнера могут к тому же иметь ряд особенностей: более высокий интерес самого подростка к теме секса, что облегчает контакт с ним, экспериментирование подростка с аномальными формами половой активности, отсутствие осуждения действий зрелого партнера из-за неопытности подростка (а, следовательно, меньшая угроза самооценке). Кроме того, подростковый объект ближе к нормативному, нежели собственно педофильный, что может влиять на тактику коммуникации с ним, блокировать психологические механизмы тормозящие противоправную деятельность, либо делать коммуникацию в ряде случаев более откровенной.

Литература

1. Агарков С.Т, Кащенко Е.А., Сексуальность от зачатия до смерти: онтогенез сексуальности М.: Издательские решения, 2018. – 296 с.
2. Агарков С.Т., Сексуальность. От инстинктов к чувствам: психогенез сексуальности. – М.: ООО ИПЦ «Маска», 2013. – 756 с.
3. Исаев Д.Н, Каган В.Е., Половое воспитание детей. Медико-психологические аспекты. – Ленинград: Медицина, 1988. – 160 с.
4. Радченко. Н.А., Клинико-социальная характеристика и судебно-психиатрическая оценка лиц, совершивших противоправные сексуальные действия в отношении несовершеннолетних. дисс... канд. мед. наук. – М., 2002. – 270 с.
5. Ткаченко А.А, Введенский Г.Е, Дворянчиков Н.В. Судебная сексология. – М.: Медицина, 2001. – 559 с.

Социально-психологические особенности приобщения несовершеннолетних к криминальной и девиантной интернет- активности

Ярошенко Е.И., Киселев К.А.

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского (г. Саратов)

Научный руководитель - Романова Н.М.

В настоящее время все более актуальным становится проблема приобщения к криминальной деятельности несовершеннолетних и их вовлечение в девиантные формы общения, осуществляемые посредством сети Интернет. В виду того, что действительное цензурирование сети Интернет не представляется возможным, появляется необходимость анализа социально-психологических особенностей противоправной деятельности медиапространства с целью создания эффективных средств психопрофилактики отклоняющегося поведения.

А.И. Долгова (Долгова А.И., 2010) выделяет типичные социально-психологические характеристики несовершеннолетних, которые используются взрослыми преступниками с целью их приобщения к девиантному поведению: эмоциональная возбудимость, сниженный самоконтроль, нехватка навыков разрешения конфликтов, потребность в самоутверждении; инфантильность.

Наиболее опасными формами криминальной и девиантной деятельности в сети Интернет, направленными против личности несовершеннолетних, являются приобщение молодежи к распространению наркотиков, вовлечение в экстремистские сообщества и сексуальная эксплуатация.

За последние годы существенно вырос уровень преступлений, связанных с противоправным распространением наркотических веществ, в том числе бесконтактным способом передачи – «закладок» (Смолякова А.С.,

2016). Так, в 2018 г. было совершено 200306 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических веществ (Динамика преступлений, 2019).

Процесс приобщения к криминальной деятельности преступника – «закладчика» может выглядеть следующим образом: в сети Интернет (в том числе в «даркнете») размещается объявление о работе курьером. Вовлекаемому подростку может гарантироваться мнимая безопасность, а также существенная материальная награда. Таким образом, осуществляется формирование направленности и установки молодого человека на допустимость совершения преступления. Усиливается приобщение вовлекаемого к преступному сообществу путем возбуждения азарта, желания улучшить свое финансовое состояние минимальными физическими и умственными затратами. В дальнейшем подросток вступает в онлайн коммуникацию с дилером, выполняющим в данном случае роль лидера. В ходе общения сторон сообщаются инструкции по дальнейшим действиям. Затем индивид вносит депозит через анонимные способы оплаты, либо отправляет данные своего паспорта, что представляет еще большую опасность для вовлекаемого, так как в дальнейшем он может стать объектом шантажа или мести. После чего, его информируют о месте нахождения «мастер-клада» (упаковки с относительно большим количеством наркотических веществ), который необходимо забрать и расфасовать для дальнейшего распространения до конечного потребителя путем закладки (размещения наркотического средства в скрытых местах, «прикопах») и передачи данной информации криминальному лидеру. Наградой для закладчика выступает процент от сделки, перечисляемый руководством преступного сообщества.

Другим социально-психологическим риском для несовершеннолетних, особенно девушек, является сексуальная эксплуатация и вовлеченных их в противоправные взаимоотношения и создание материалов порнографического содержания. По данным исследователей, в настоящее время происходит увеличения числа подобных преступлений,

осуществляемых через сеть Интернет (Сашенков С.А., 2015). Согласно современным данным, типичный возраст жертвы сексуальных домогательств, осуществляемых посредством сети Интернет, составляет 14-18 лет. Общее количество подростков, в отношении которых осуществлялись нежелательные сексуальные действия, в отдельных случаях, достигает порядка 70%. (Mitchell K.J., et al, 2014). Установлено, что лица, совершающие посягательства против половой неприкосновенности несовершеннолетних через сеть Интернет, также могут осуществить и настоящие насильственные действия сексуального характера (Wolak J. et al, 2008). Вовлечение в сексуальную эксплуатацию может выглядеть следующим образом: начиная с обычного знакомства, растлитель в дальнейшем просит несовершеннолетнего отправить ему фотографии самого подростка в откровенном виде, применяя различные меры психологического воздействия (например, обещание материального вознаграждения, апелляция к тому, что тот уже взрослый, «все так делают» и т.п.), впоследствии начиная использовать угрозы и шантажировать оглаской (Ярошенко Е.И., Киселев К.А., 2017).

Еще одной значимой социально-психологической проблемой является вовлечение молодых людей в экстремистские сообщества и движения посредством сети Интернет. Социальные психологи и психолингвисты подчеркивают наличие проблемы вербальной агрессии, а также проявления расовой и национальной нетерпимости, распространяемой посредством сети Интернет. В связи с нестабильностью современного общества у подростка возрастает чувство личной незащищенности и усиливается потребность в общности с референтной группой. Лидеры экстремистских сообществ могут использовать это явление для своих противоправных целей. Размещая в сети Интернет провокационные материалы, используя так называемый «язык ненависти» (hate speech), данные лица осуществляют впоследствии вербовку несовершеннолетнего в экстремистские сообщества.

Приобщение к экстремистскому образу поведения выглядит следующим образом. Индивид, идентифицируя себя с сообществом, которое он воспринимает как «особое» оценивает других лиц как представителей чужой и враждебной группы. Используя так называемый «язык ненависти», он приписывает определенные негативные черты всей чуждой для него социальной группе. Целью данных действий выступает утверждение превосходства своей группы над другими и приобщение к своим взглядам несовершеннолетних.

Таким образом, в основе механизма приобщения несовершеннолетних к девиантному и криминальному поведению посредством сети Интернет лежат, с одной стороны личностные качества, такие, как направленность и ценности личности, любопытство, склонность к риску, импульсивность, а с другой – непосредственная деятельность преступников, осуществляющих осознанное приобщение личности к противоправным действиям: использование наивности вовлекаемого лица, его установок, неосведомленности.

Литература

1. Динамика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Портал правовой статистики генеральной прокуратуры РФ. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 15.05.2019).
2. Сашенков С.А. Криминогенное влияние социальных сетей на несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. – 2015. – №3. – С. 215-219.
3. Смолякова А.С. К вопросу о сущности способа совершения наркопреступлений с использованием сети Интернет // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – №5 (13). – С. 110-116.

4. Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. А.И. Долговой. — М.: Российская криминологическая ассоциация, 2010. — 530 с.
5. Киселев К.А., Ярошенко Е.И. Проблема преступности против половой неприкосновенности несовершеннолетних в сети Интернет (социально-психологический аспект) // Сборник тезисов участников Всероссийского научно-практического семинара с международным участием «Актуальные проблемы и технологии юридической психологии детства: от девиантного развития к нормативному поведению». – М.: МГППУ, 2017. – С. 18-20.
6. Mitchell K.J., Ybarra M.L., Korchmaros J.D. Sexual harassment among adolescents of different sexual orientations and gender identities // Child Abuse & Neglect Journal. 2014. Vol 38. Iss. 2. P. 280-295.
7. Wolak J., Finkelhor D., Mitchell K.J., Ybarra M.L. [Электронный ресурс] Online “Predators” and Their Victims. Myths, Realities, and Implications for Prevention and Treatment. 2008. URL: <http://www.apa.org/pubs/journals/releases/amp-632111.pdf> (дата обращения 30.04.2019).

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Взаимосвязь мотивации и нравственных ценностей с особенностями правосознания выпускников юридических вузов

Байтимилова А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель: Коноплева И.Н.

Причины, повлиявшие на выбор профессии, нередко оказывают влияние и на качество ее выполнения. Данная тенденция имеет место и у специалистов в области юриспруденции. К кандидатам на должность в данной сфере предъявляется внушительный перечень требований, среди которых помимо медицинских показаний существует большой список необходимых личностно-деловых качеств. Не каждый желающий связать свою жизнь с данной специальностью может успешно и в соответствии с законом осуществлять данную деятельность.

К сожалению, не любой человек, желающий стать частью системы, преследует ту цель, что возложило на него государство, ставя на должность. В силу искаженной мотивации действующий сотрудник может пренебрегать законом, на который он, напротив, должен в первую очередь опираться при выполнении своих должностных обязанностей.

Нравственные ценности также играют значительную роль в работе. Они способны оказывать влияние на объективность воспринимаемой информации и принятие верного правового решения.

Возможные причины неправомерных действий людей, работающих в области юриспруденции, имеют большой спектр версий. Большая часть из них связана с непосредственной деятельностью сотрудника, уже работающего в системе продолжительное время. К ним относятся

профессиональная деформация, эмоциональное выгорание, неспособность справиться со сложными условиями работы и «властными» полномочиями.

Однако в данной работе хотелось бы рассмотреть предпосылки соблюдения законности людей, не успевших начать работу в структуре МВД, но уже имеющих юридическое образование, а именно - выпускников вузов.

Актуальность данной темы обусловлена значительным количеством правонарушений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов, и необходимостью повышения уровня воспитания законопослушного гражданина.

Цель работы - проанализировать взаимосвязь уровня развития правосознания выпускников юридических вузов с мотивацией выбора профессии и нравственными ценностями.

Предмет - правосознание, мотивация и нравственные ценности выпускников юридических вузов.

Объект – психологические особенности выпускников, окончивших вуз по специальности юриспруденция.

В качестве гипотезы взято положение о том, что у выпускников юридических вузов с высоким уровнем правосознания внутренние индивидуально-значимые мотивы положительно связаны с жизненной ценностью «Развития себя».

Выборку составили 47 выпускников юридических вузов: 14 выпускников Московского Государственного Юридического Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 21 выпускник Российского Государственного Университета Правосудия и 12 выпускников Российского Государственного Гуманитарного Университета. В исследовании принимали участие как девушки – 29 человек, так и молодые люди – 18. Средний возраст респондентов составил 23 года.

В нашем исследовании применялись следующие методики:

- Авторская анкета, позволяющая получить следующие данные:

пол, возраст, вуз и специальность респондентов.

- Тест «Мотивы выбора профессии» Р.В. Овчаровой, позволяющий определить ведущую мотивацию на этапе выбора человеком будущей профессии.
- Анкета «Уровень правового развития» (О.А. Гулевич) на основе теста незаконченных предложений. С использованием модели правового развития (Дж. Тапп и Ф. Левина) показывает уровень сформированности правовой социализации у респондента
- Морфологический тест жизненных ценностей МТЖЦ В.Ф. Сопова, Л.В Карпушиной.

Для статистической обработки данных был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Обработка происходила с помощью программы IBM SPSS Statistics 25, русскоязычная версия.

Исходя из полученных результатов исследования можно сделать следующие выводы:

- Конвенциональный уровень правосознания коррелирует с такими жизненными ценностями как «Развитие себя» (0,534) и «Достижение» (0,644), $p < 0,05$.
- Наблюдается сильная прямая связь между показателем «Креативность» и высоким уровнем правосознания (0,853), $p < 0,05$.
- Выявлена слабая прямая связь (0,456), $p < 0,05$ между правосознанием и ценностью «Сохранение собственной индивидуальности».
- Наблюдается средняя прямая связь между правотворчеством и ценностями «Развитие себя» (0,644) и «Достижение» (0,698), $p < 0,05$.
- Постконвенциональный уровень имеет сильную обратную связь (-0,763) с внешними отрицательными мотивами, и среднюю прямую связь (0,598) с внутренними социально значимыми мотивами субъекта, при уровне значимости $p < 0,05$.
- Отмечается средняя прямая связь (0,687), $p < 0,05$ между уровнем

правотворчества и внутренними индивидуально значимыми мотивами человека.

- Выявлена прямая связь между жизненной ценностью «активные социальные контакты» и внутренними социально значимыми мотивами (0,786), $p < 0,05$.
- Внутренние индивидуально значимые мотивы положительно коррелируют с жизненной ценностью «Развития себя» (0,547), $p < 0,05$.

Таким образом, мотивация, нравственные ценности и сформированность правосознания оказывают взаимное влияние друг на друга. Мы пришли к выводу, что обучение на юридическом факультете высшего учебного заведения способствует правовой социализации. Материальные ценности, активно ставящиеся в упрек современному обществу, действительно являются главенствующими среди других, но не оказывают влияние на правосознание респондентов конкретной выборки.

Подводя итоги нашего исследования, можно сделать вывод, что выдвинутая гипотеза подтвердилась. Проведенный анализ подтвердил наличие взаимосвязи между исследуемыми факторами.

Особенности формирования профессионального самоотношения личности сотрудников полиции

Богданович В.Я.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Коноплева И.Н.

На данный момент времени профессиональный отбор в Министерство внутренних дел претерпевает изменения. От кандидата на службу требуется не только наивысшая категория здоровья, но ещё и определенные личные и деловые качества, которые зачастую имеются только у тех, кто заканчивал Московский Университет МВД им. В.Я. Кикотя.

Из-за несоответствия необходимым параметрам человек может встретиться с множеством трудностей на своём профессиональном пути, которые, возможно, приведут его к решению об увольнении. Некомплект в территориальных отделах МВД имеет глобальные масштабы. Самой распространенной причиной для увольнения является низкая заработная плата, следом за ней идёт причина под названием «рыба гниёт с головы»: некомпетентный руководящий состав. На наш взгляд, ещё одной причиной такого массового оттока кадров из МВД является несформированный образ профессионала, который полезен тем, что в него входят как плюсы работы в МВД, относящиеся к мотивационной части профессиональной деятельности, так и минусы, издержки профессии, о которых нужно знать прежде, чем устраиваться на службу в органы.

В наше время тема профессионального самоотношения личности разработана на достаточном уровне. Исследованиями в данной области занимались философы, педагоги и психологи. Если на этапе получения высшего образования, т.е. будущей профессии, актуально исследовать самоопределение, причины, содержание принимаемого решения в сторону той или иной специальности, то структурные элементы профессионального самоотношения личности можно раскрыть непосредственно в процессе профессиональной деятельности.

Цель исследования: выявить структуру и содержание профессионального самоотношения сотрудников полиции.

Объект: профессиональное самоотношение сотрудников полиции.

Предмет: структура и содержание профессионального самоотношения сотрудников полиции.

Выборка. В исследовании приняли участие 71 человек (из них: 31 женщина и 40 мужчин). Возраст испытуемых от 20 до 49 лет, средний возраст по общей выборке - 34 года.

Все испытуемые входят в личный состав территориальных отделов МВД России по г. Москве и УВД ГУ МВД России по г. Москве.

Методы и методики:

Для исследования профессионального самоотношения личности сотрудников полиции использовался такой метод, как наблюдение.

Для исследования профессионального самоотношения личности сотрудников полиции использовались такие методики, как:

- 1) Тест Куна-Макпартленда (в модификации Т.В. Румянцевой).
- 2) Семантический дифференциал Ч. Осгуда.
- 3) Опросник профессионального самоотношения (Колышко А.М., Карпинский К.В.).
- 4) Опросник самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантилеев).
- 5) Тест на самоуважение М. Розенберга.

Исследование проходило в несколько этапов.

На первом этапе сформированным (по стажу службы) группам испытуемых было дано задание описать свои личностные качества из позиции сотрудника полиции и профессионально-важные качества.

На втором этапе с помощью полученного перечня профессионально-важных качеств был сформирована матрица семантического дифференциала для самооценки себя как сотрудника полиции, оценки «идеального» и «худшего» сотрудника полиции во всех трёх группах. По результатам методики А.М. Колышко и К.В. Карпинского «Опросник профессионального самоотношения» мы определили уровень позитивности профессионального самоотношения, а также выраженность внутренней конфликтности профессионального самоотношения и самоуважения в профессии.

На третьем этапе по методике В.В. Столина и С.Р. Пантилеева «Опросник самоотношения» и методике М. Розенберга «Тест на самоуважение» мы изучили глобальную самооценку личности и уровень самоуважения испытуемых.

В процессе исследования мы использовали метод включенного наблюдения, а в процессе обработки данных прибегли к факторному анализу, в частности, в момент интерпретации семантического дифференциала.

Выводы:

1. Структура профессионального самоотношения личности сотрудника полиции включает в себя такие компоненты, как профессионально-важные качества (Шадриков В.Д., 1996), образ себя как профессионала, отношение к себе как к профессионалу (Столяренко А.М., 2003).

2. Сотрудники со стажем от 5 до 15 лет службы испытывают неоднозначное отношение к себе и своей профессиональной деятельности (Свободный Ф.К., 2003).

3. Существуют особенности в формировании профессионального самоотношения личности сотрудников полиции в зависимости от половой принадлежности: у мужчин становление происходит более конгруэнтно, чем у женщин.

4. Сотрудники со стажем службы от 0 до 5 лет не идентифицируют себя с сотрудниками полиции. Это выражается в том, что их глобальное самоотношение оценивается выше, чем профессиональное.

5. У сотрудников со стажем от 15 до 25 лет происходит значительная деформация личности. По их мнению, образ «идеального» сотрудника полиции уже достигнут и разницы между «жизнью» и «службой» нет.

Литература

1. Свободный Ф.К. Исследование профессионального самосознания сотрудника ОВД [Электронный ресурс] // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2003. – №2 (20). – С. 42, 43. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12042183> (дата обращения: 27.02.2019).

2. Столяренко А.М. Энциклопедия юридической психологии [Электронный ресурс] // Изд-во: ЮНИТИ-ДАНА. – 2003. – 607 с. – URL:

https://lib.sale/yuridicheskaya-psihologiya_1332/professionalnoe-samosoznanie-sotrudnika-76144.html (дата обращения: 28.11.2018).

3. Шадриков В.Д. Психология деятельности и способности человека Психология деятельности и способности человека [Электронный ресурс] // Учебное пособие, 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательская корпорация "Логос". – 1996. – 320 с. – URL: [www.gpa.cfuv.ru/courses/os-ped-mast/Дос/Книги в формате \(pdf\)/Шадриков В. Д. Деятельность и способности.PDF](http://www.gpa.cfuv.ru/courses/os-ped-mast/Дос/Книги%20в%20формате%20(pdf)/Шадриков%20В.%20Д.%20Деятельность%20и%20способности.PDF) (дата обращения: 12.02.2019).

Коммуникативные навыки и представления об успешной социализации студентов факультета юридической психологии

Исаенко Т.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Шпагина Е.М.

Профессиональная деятельность требует от специалиста наличия специфических профессиональных качеств. Ганичева Е.М., опираясь на исследования Н.А. Аминова и М.В. Молоканова о связи социального интеллекта с профессиональной направленностью личности, указывает на такие качества как выраженная готовность к контактам; общая интеллектуальность; умение поддерживать контакты; стрессоустойчивость в общении; умение контролировать своё поведение, то есть сохранять эмоциональное самообладание в процессе общения; аттракция, эмоциональная заразительность, эмпатия, опора на себя в принятии решений (Ганичева Е.М., 2012). Большинство перечисленных качеств попадает в определение коммуникативной компетенции.

Наряду с этим, говоря о задачах современного профессионального образования, другие авторы указывают на необходимость развития у студента «способности быть личностью и действовать, социального

интеллекта, готовности транслировать конструктивные представления и модели поведения» (Щербакова Т.Н., Тамасханова Х.Х., Кладько А.И., 2015, с. 154). Выбор приемлемых моделей поведения зависит и от рефлексивности, ценностей, идей, смыслов и установок. Социальные представления и представления об успешности рассматриваются как вектор личностного и профессионального развития студента.

Динамичность социальных представлений ведет к «расширению рамок самоактуализации и самореализации человека, увеличению возможностей достижения профессионального и социального успеха и, вместе с тем, характеризуется повышением неоднозначности, сложности, социальных процессов, содержит достаточное количество рисков» (Щербакова Т.Н., Тамасханова Х.Х., Кладько А.И., 2015. С.153).

Целью нашего исследования стал вопрос изучения связи между коммуникативными навыками и представлением об успешной социализации в юношеском возрасте.

Гипотезой исследования стало предположение, что представления об успешной социализации будут различаться у лиц с различным уровнем коммуникативных навыков.

Исследование включало следующие этапы:

- 1) проведение открытого опроса, посредством сервиса Google; обработка данных методом контент-анализа и составление авторской анкеты представлений об успешности;
- 2) проведение анкетирования студентов факультета юридической психологии МГППУ (Тест коммуникативных умений Михельсона в адаптации Ю.З. Гильбуха; авторская анкета представлений об успешности);
- 3) обработка полученных результатов с помощью методов математической статистики, расчет Критерия согласия Пирсона.

В первой выборке исследования приняли участие 21 студент высших учебных заведений в возрасте 18-21 лет, из которых 4 юноши (19,05%) и 17 девушек (80,96%).

Студентам предлагалась продолжить 3 предложения:

- Успешный человек – это...
- Успешного человека отличает...
- Чтобы добиться успеха в современном обществе, нужно...

На основании контент-анализа, нами были сделаны следующие выводы:

1. Подавляющее большинство характеристик успешности связано с внутренним состоянием человека, а не с внешними признаками.
2. Ни разу не упоминается студентами слово «семья», а только «родители» и «близкие». Слово «друзья» так же не встречается в ответах (видимо, сейчас заменяют «связи»).
3. Всестороннее развитие важнее конкретных профессиональных характеристик.

Проведя данную часть исследования, нам удалось сформировать континуум представлений молодежи об успешной социализации. В итоговую анкету вошла 51 характеристика. Студентам предлагалось выбрать для каждой характеристики один из трех вариантов важности для достижения успеха: «не важно»; «важно»; «без этого нельзя обойтись».

Во втором этапе исследования приняли участие студенты 2, 4 и 5 курсов факультета юридической психологии МГППУ, в возрасте 18-23 года в количестве 39 человек. Среди которых 33 девушки (84,6%) и 6 юношей (15,4%). 11 студентов совмещают учебу в ВУЗе с работой (28,2%), 28 человек (71,8%) – не совмещают.

Результаты диагностики по методике коммуникативных умений Михельсона показали, что большинство студентов (32 чел., что соответствует 82,1 % выборки) имеют компетентный тип реагирования в общении, то есть

они умеют вступать в контакт с другим человеком и правильно реагировать на провоцирующее поведение со стороны собеседника.

Остальные студенты имеют зависимый и агрессивный тип реагирования в общении (по терминологии используемой методики). Преобладание показателей зависимого типа общения над остальными показателями выявлено у 6 чел. (15,4 %), преобладание агрессивного стиля общения - у 1 чел. (2,6 %), поэтому не стали делать выводы в отношении данной категории.

Далее нашей задачей стояло выявление связи между уровнем коммуникативной компетентности и представлениями об успешной социализации.

Для сравнения частоты встречаемости категорий, значимых для достижения успеха в обществе, испытуемых с разными уровнями коммуникативной компетентности использовался критерий χ^2 Пирсона.

Категории, в которые мы объединили характеристики успешности, следующие: счастье; профессионал; тайм-менеджмент; достижение цели; известность; саморазвитие; «позитив»; трудолюбие; креативность; здоровье; богатство; рефлексия; образование; личные качества; коммуникабельность; близкие; уверенность в себе.

Согласно проведенному анализу, статистически достоверно ($p < 0.05$) у испытуемых трех групп различается частота выбора ответов по категориям «известность», «саморазвитие», «позитив», «образование», «личные качества», «близкие».

По остальным категориям статистически значимых различий не выявлено.

Респонденты с зависимым стилем коммуникации считают группу характеристик «известность» не важной, компетентные и агрессивные считают ее более важной.

Если респонденты с зависимым стилем коммуникации считают категорию «саморазвитие» в равной степени не важной и важной и меньше

голосов отдают за то, что без этой категории нельзя обойтись, то компетентные респонденты считают, что эта категория важна и без нее нельзя обойтись.

Аналогично категории «саморазвитие» выглядит ситуация с категорией «позитив». В данной категории обнаружилось наибольшее отличие теоретических частот от эмпирических.

«Образование» респонденты с зависимым стилем коммуникаций считают важной категорией; в группе компетентных в общении респондентов мнения разделись: одни считают, что эта категория «важная», другие говорят, что без образования «нельзя обойтись» (практически одинаковая сумма частот).

«Личные качества» зависимые в общении респонденты считают «важными», тогда как компетентные респонденты считают, что без них «нельзя обойтись».

Категорию «близкие» зависимые в общении респонденты считают не важной, тогда как компетентные в общении респонденты считают ее важной категорией.

В целом, у компетентных в общении студентов более высокая потребность в достижениях и уровне притязаний.

Так же мы провели сравнение частоты встречаемости категорий успешности в зависимости от пола. Статистически достоверных различий частоты выбора ответов по категориям у мужчин и женщин не выявлено ($p > 0.05$).

Согласно проведенному анализу сравнения частоты встречаемости категорий у испытуемых с разным форматом совмещения работы и учебы, статистически достоверных различий в группах испытуемых, совмещающих и не совмещающих работу и учебу, не выявлено ($p > 0.05$).

Дополнительно мы провели исследование связи между полом испытуемых и их приверженности к разным типам общения. Статистически значимой связи между полом и типом общения не выявлено. Статистически

значимой связи между типом совмещения работы и учебы и типом общения не выявлено.

Таким образом, мы сделали вывод, что общая гипотеза нашего исследования о связи компетентности в общении и представлений об успешной социализации подтвердилась.

Литература

1. Ганичева Е.М. Формирование информационно-образовательной среды образовательного учреждения // Сборник статей III Межрегиональной научно-практической конференции (7-9 декабря 2011 г.). – Вологда: Издательский центр Вологодского института развития образования, 2012. – С. 147-158.
2. Щербакова Т.Н., Тамасханова Х.Х., Кладько А.И. Социальные представления, компетентность и успешность адаптации студентов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2015. – №4. – С. 153-157.

Особенности профессиональной идентичности у студентов факультета юридической психологии

Манджиева М.Л.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель - Щёткина Е.И.

В настоящее время исследования профессиональной идентичности в различных сферах труда становятся актуальными и анализируются как один из важных критериев профессионального становления личности как субъекта трудовой деятельности. Изменения, происходящие во всех сферах жизнедеятельности общества, в частности в трудовой сфере, связаны с появлением новых требований к системе профессиональной подготовки

специалистов, они должны быть динамичными, мобильными, пластичными и профессиональными в своей сфере (Нор-Аверян О.А., Шаповалова А.М., 2016). Особенно важным в профессиональном развитии специалиста является приобретение студентами знаний научных основ будущей профессии, овладение профессиональными навыками и умениями. Все это способствует тому, что уже на стадии получения высшего образования студент способен идентифицировать себя с профессиональным сообществом. Развитая профессиональная идентичность способствует выживанию профессионала в условиях современного рынка труда. В связи с этим проблема становления профессиональной идентичности студентов обуславливается интересом общества. Результаты исследования могут быть полезными для работы психологической службы вуза в оказании консультативной помощи студентам.

Исследование было направлено на изучение особенностей профессиональной идентичности студентов факультета «Юридической психологии» в зависимости от направления (специальности) и курса обучения, а также на проверку гипотезы о наличии различий в выраженности когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов профессиональной идентичности у студентов факультета «Юридической психологии» в зависимости от направления и курса обучения.

В исследовании приняли участие 90 студентов 1, 3, 4 и 5 курсов обучения факультета Юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета. Из них 30 студентов, обучающихся по направлению «Психология» (10 студентов первого курса, 10 студентов третьего курса и 10 студентов четвертого курса), 30 студентов, обучающихся по специальности «Клиническая психология» (10 студентов первого курса, 10 студентов третьего курса и 10 студентов пятого курса), и 30 студентов, обучающихся по специальности «Педагогика и психология девиантного поведения» (10 студентов первого курса, 10 студентов третьего курса и 10 студентов пятого курса).

В исследовании были использованы следующие методики: «Методика изучения профессиональной идентичности» (Шнейдер Л.Б., 2000), «Личный профессиональный план» (Климов Е.А. в адапт. Шнейдер Л.Б.) (Шнейдер Л.Б., 2000), «Опросник профессиональной идентичности студентов» (Родыгина У.С., 2007), «Мотивация профессиональной деятельности» Замфир К. в модиф. Реана А.А. (Реан А.А., 2000), «Методика определения основных мотивов выбора профессии» (Павлютенков Е.М., 1980).

После проведения исследования были получены следующие результаты:

По методике «Личный профессиональный план» (Климов Е.А. в адапт. Шнейдер Л.Б.) значимых различий в уровнях развития профессиональной идентичности между студентами, обучающимися по разным направлениям (специальностям) обнаружено не было. Однако стоит отметить, что в целом наиболее активно профессиональная идентичность выражена среди студентов, обучающихся по специальности «Педагогика и психология девиантного поведения».

Но были обнаружены статистически значимые различия в уровнях развития профессиональной идентичности между студентами, обучающимися на разных курсах. Процент студентов с высоким уровнем развития профессиональной идентичностью возрастает от первого к последним курсам (1 курс – 16,7%, 3 курс – 16,7%, 4/5 курс – 40,0%). Для студентов с высоким уровнем развития профессиональной идентичности характерен поиск дополнительных способов профессионального развития, стремление к практической деятельности. Они отличаются самоорганизованностью, формированием индивидуального стиля деятельности и осознанным выполнением деятельности.

По методике «Опросник профессиональной идентичности студентов» (Родыгиной У.С.), изучающей эмоциональное отношение к профессии и степени вовлеченности в процесс профессионального развития, значимых

различий между разными направлениями (специальностями) и курсами по шкалам «Эмоциональное отношение» и «Осознанная активность» выявлено не было. В целом для студентов характерно преобладание положительных эмоций и активной позиции по отношению к получаемой профессии. Для студентов характерно считать, что профессия психолога удовлетворяет все их жизненным потребностям. При любой возможности они стремятся получить практический опыт в данной профессиональной деятельности.

По «Методике изучения профессиональной идентичности» (Шнейдер Л.Б.) значимых различий между студентами, обучающимися по разным направлениям (специальностям) обнаружено не было.

Но были выявлены статистически значимые различия в статусах профессиональной идентичности между студентами, обучающимися на разных курсах. Было установлено, что среди студентов 1 курса доминируют студенты, обладающие псевдоидентичностью (30,0%), они либо отвергают свою уникальность, либо наоборот, подчеркивают ее. Для них свойственно нарушение механизмов идентификации, ригидность Я-концепции, болезненное перенесение критики в свой адрес, низкая рефлексия.

Доминирующим статусом среди студентов 3 курса является статус моратория (33,3%), т.е. для студентов на данном этапе характерно переживание кризиса профессиональной идентичности и активного поиска его разрешить.

И среди выпускных курсов доминирует статус диффузной профессиональной идентичности (40,0%). Это может быть следствием того, что студенты начинают задумываться о дальнейшем профессиональном пути, поиске места работы и в результате начинают пересматривать свои цели, ценности и убеждения относительно профессии.

По методике «Мотивация профессиональной деятельности» (Замфир К. в модиф. Реана А.А.) значимых различий между студентами, обучающимися на разных направлениях (специальностях) и курсах не обнаружено. В целом преобладает оптимальный мотивационный комплекс,

т.е. выявлено преобладание внутренней мотивации над внешней положительной, а в свою очередь, внешняя положительная мотивация преобладает над внешней отрицательной.

По «Методике определения основных мотивов выбора профессии» (Павлютенкова Е.М.) было установлено, что доминирующее значение для студентов, обучающихся по направлению «Психология», имеют социальные мотивы (средний балл - 8,2). Следовательно, для них свойственным является желание своим трудом способствовать развитию общества, они социально направлены на высшие общечеловеческие цели и потребности. Доминирующее значение для студентов, обучающихся по специальности «Клиническая психология», имеют познавательные мотивы (8,6). Доминирующее значение для студентов, обучающихся по специальности «Педагогика и психология девиантного поведения», имеют познавательные (8,4) и утилитарные мотивы (8,4).

В заключение следует сказать, что гипотеза была частично подтверждена, так как значимых различий в выраженности структурных компонентов профессиональной идентичности в зависимости от направления обучения не выявлено.

Литература

1. Бордовская, Н.В., Реан, А.А. Педагогика. Учебник для вузов. – СПб: Питер, 2000. – 304 с.
2. Нор-Аверян, О.А., Шаповалова, А.М. Факторы формирования профессиональной идентичности [Электронный ресурс] // Гуманитарий Юга России. 2016. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-formirovaniya-professionalnoy-identichnosti> (дата обращения: 06.12.2018).
3. Родыгина, У.С. Психологические особенности профессиональной идентичности студентов [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2007. №4. URL: <http://psyjournals.ru/files/6764/rodigina.pdf> (дата обращения: 09.10.2018)

4. Шнейдер, Л.Б. Экспериментальное изучение профессиональной идентичности. – М.: ООО “Принт”, 2000. – 128 с.

**К вопросу о социальной ответственности личности как фактора
законотворческой деятельности**

Пудина Е. А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Чиркина Р. В.

Любой вид деятельности человека неразрывно связан с ответственностью. Вследствие чего возникает проблема детерминированности ответственности, выявления условий и факторов, прямо или косвенно влияющих на ее проявление в системе общественных отношений.

Социальная ответственность личности, как фактор законотворческой деятельности, содержит в себе взаимосвязь социальных проблем, социальной деятельности индивида и его социальных обязательств перед обществом. Поскольку человек является не только объектом воздействия законов, но и создателем этих законов, он посредством законов совершенствует социальную действительность и несет социальную ответственность перед обществом. Так, по мнению К. Муздыбаева, главной чертой ответственности выступает ее социальный ориентир, как индикатор включенности личности в систему общественных отношений «...ответственность, прежде всего, есть качество, характеризующее социальную типичность личности» (Муздыбаев, К., 2012, с. 97). К. Муздыбаев рассматривает ответственность как качество личности, признаками которого является точность, пунктуальность, надежность личности при исполнении своих обязанностей и ее готовность отвечать за последствия своих действий «...склонность личности придерживаться в своем поведении общепринятых в данном обществе

социальных норм, исполнять ролевые обязанности и ее готовность дать отчет за свои действия» (Муздыбаев, К., 2012, с. 97). Для развития этих качеств автор указывает на необходимость развивать честность, принципиальность, справедливость, способность к сопереживанию, чуткость к чужой боли и радости, а также волевые качества личности (Муздыбаев К., 2012). Системный подход к исследованию ответственности как качества личности исследован в работах В. П. Прядеина, где проведен комплексный анализ ответственности и ее компонентов (динамический, эмоциональный, регуляторный, мотивационный, когнитивный и результативный), которые сопоставляются с блоком психологических и психофизиологических методик. Такой подход позволил рассматривать связь ответственности с личностными характеристиками личности, природными предпосылками ответственности, индивидуально-типическими особенностями ответственности личности (Прядеин В. П., 2001).

Определенные правила поведения прежде чем получить отображение в юридических нормах осмысливаются через волю и сознание людей, создающих законы.

Современная законотворческая деятельность парламента представляет собой специфический сложный, интеллектуальный процесс, направленный на создание, подготовку и принятие законов, регулирующих различные общественные отношения, отражает степень демократичности, цивилизованности и культурности общества и государства в целом. С одной стороны, это вид государственной деятельности, результатом которой становится создание новых или совершенствование уже имеющихся законов. С другой стороны, эта деятельность сама нуждается в постоянном внимании парламентария с точки зрения выявления предмета регулятивного воздействия, определения законодательной компетенции, регламентации процессуальных основ законотворчества.

Парламент как высший представительный и законодательный орган государственной власти представляет собой производную гражданского

общества и содействует установлению связи между государственными институтами власти и гражданским обществом. Парламентская деятельность осуществляется во взаимодействии с общественными и государственными институтами и строится на основе взаимоотношений ее субъектов.

Человек, избранный депутатом, приходит в парламент уже с жизненным опытом, ценностными ориентирами, убеждениями, мотивами, которые в совокупности составляют характеристику его личности. Парламентарии принимают решения, от которых зависит построение гражданского общества, создание правового и демократического государства. Это требует от них соответствующего уровня личностно-профессиональных качеств и высокого уровня социальной ответственности, осознания серьезности последствий принимаемых ими законов.

Видится, что ответственность личности, осуществляющей законотворческую деятельность, не должна быть только юридической, целесообразна социальная ответственность, которая являлась бы внутренним императивом поведения парламентария в законотворческой деятельности. Поэтому представляет большой интерес исследование социально-психологических аспектов личности парламентариев, их личностных свойств, мотивов, профессиональных ценностей и установок, профессиональной культуры и этики, изучение влияния законотворческой деятельности на проявление и трансформацию личностных характеристик парламентариев.

Привлечение внимания к данной проблеме обусловлено необходимостью:

- активизации сознательно ответственной роли парламентария в процессе реформирования современного гражданского общества посредством законотворческой деятельности;
- формирования чувства долга, актуализирующего осознание парламентариями своей ответственности перед каждым человеком, перед обществом в целом;

- комплексного анализа социальной ответственности с целью раскрытия ее общесоциального назначения в жизнедеятельности личности и общества.

Литература

1. Социальная психология. Практикум: учебное пособие для студентов вузов / Андреева Г. М., Аксенова Е. А., Базаров Т. Ю. [и др.]; под ред. Т. В. Фоломеевой. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 482 с.
2. Муздыбаев К. Психология ответственности: / К. Муздыбаев; под ред. В. Е. Семенова. изд. 2-е, доп. – М.: Либроком, 2012. – 248 с.
3. Прядеин В. П. Ответственность как системное качество личности: учебное пособие / В. П. Прядеин. – Екатеринбург: УрГПУ, 2001. – 209 с.
4. Сперанский В. И. Социальная ответственность личности: сущность и особенности формирования / В. И. Сперанский. – М.: МГУ, 1987. – 150 с.
5. Столяренко А. М. Социальная психология: учебное пособие / А. М. Столяренко. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 543 с.
6. Косопкин А. С. Психология парламентского законодательства: к столетию российского парламентаризма / А. С. Косопкин. – М.: Наука, 2006. – 182 с.

Профессиональная деформация как причина нарушений уголовно – процессуального законодательства

Сибилев И.А.

Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России) (г. Москва)

Научный руководитель - Кособродов В.М.

Профессиональные деформации как социальное явление отмечено в работах К. Маркса еще в начале 20 века и рассматривалось в качестве отсутствия у некоторых руководителей индустриального производства

интеллектуального, духовного контакта с миром, герметизацию разума в жестких стандартах.

В отечественной науке данное понятие было впервые введено социологом П.А. Сорокиным в 1921 году. Под ним предлагалось понимать некое негативное влияние профессиональной деятельности на поведение человека (Сорокин П.А., 2008). В своих работах П.А. Сорокин также указывал, что роль этого явления «громадна», и с этим высказыванием трудно не согласиться.

Начиная с середины прошлого столетия и по настоящее время данное явление активно изучается не только в социально-экономических науках, но и в различных отраслях психологического знания. Если изначально ученые рассматривали только негативные стороны профессиональной деформации, то позже стали проводиться комплексные исследования влияния профессии на личность, стали выделяться как позитивные профессионально важные качества, так и регрессивные направления в развитии субъекта профессиональной деятельности.

В рамках данной работы мы придерживались точки зрения исследователей, которые профессиональную деформацию рассматривают как следствие изменения личностных качеств человека (ценностных ориентаций, стереотипов восприятия, характера, способов общения и поведения и др.) из-за длительного воздействия его служебной деятельности, как негативное социально-психологическое явление, предстающее в виде разнообразных личностных поведенческих проявлений, оказывающих деструктивное влияние на процесс и результат деятельности юриста (Кроз М.В., Ратинова Н.А., 2016; Красинская, 2016).

Несмотря на разницу в определении данного феномена, почти все исследователи сходятся во мнении по некоторым основным положениям. Так виды деятельности, наиболее тесно связанные с профессиональной деформацией, чаще всего относят к социальным сферам (Зеер Э.Ф., 2003). Помимо этого, постоянное воздействие стрессовых ситуаций,

усиливает влияние негативных факторов и в конечном итоге приводит к эмоциональному выгоранию. Отрицательное воздействие оказывает и постоянное следование четко регламентированным нормам, установкам, правилам, без возможности каким либо образом изменять рутинные стороны профессиональной деятельности. Данные особенности мы вполне можем отнести к деятельности сотрудников правоохранительных органов, а значит их профессиональная деформация, на наш взгляд, должна рассматриваться не только как воздействие на сотрудников и изменение их личностных качеств, а как явление тесно связанное с ростом нарушений уголовно-процессуальных норм в процессе деятельности правоприменительных органов, как следствие указанной выше деформации.

Некоторые исследователи отмечают, что профессиональная деформация влечет за собой злоупотребление сотрудниками правоохранительных органов властными полномочиями, их равнодушное отношение к людям и их правам, часто жестокое обращение с гражданами, профессиональную некомпетентность, безответственность, пассивность и инертность, открытое пренебрежение действующими в подразделении уставными нормами (Романов В.В., 2017).

По мнению Е.А. Змановской и В.Ю. Рыбникова, профессиональная деформация сотрудников органов внутренних дел может проявляться в следующих синдромах: 1) психофизиологического истощения и психосоматических нарушений; 2) снижение профессиональных достижений; 3) нарушение адекватного восприятия себя и окружающего мира (Змановская Е.В., Рыбников В.Ю., 2010).

В работах некоторых ученых уже поднимались вопросы, касающиеся влияния профессиональной деформации на правовую сторону деятельности сотрудников правоохранительных органов. Так например, С.Е. Борисова выделяет следующие факторы: наличие установки на «обвинительный уклон» по отношению к другим людям, грубые ошибки в восприятии и оценке других людей, их действий и поступков; правовой нигилизм, который

проявляется в пренебрежительном отношении к требованиям закона, игнорировании требований закона и произвольном толковании закона и подзаконных нормативных актов; правовой ригоризм, представляющий собой выраженную установку на ужесточение наказания, применение к правонарушителю более жестких мер наказания безотносительно к особенностям его личности, к ситуации совершенного правонарушения; усвоение элементов криминальной субкультуры и их использование в своей деятельности; наличие установки на применение только властных методов воздействия на правонарушителей и других граждан, пренебрежение методами психологического влияния, достижения согласия, разрешения конфликта на основе вербального воздействия и т.д.; педантичность, излишний формализм в работе и затягивание вопросов о принятии конкретных решений в рамках своей компетенции (Борисова С.Е., 1998).

Особенно неблагоприятно профессиональная деформация отражается на личности молодых сотрудников правоохранительных органов, они не могут работать так эффективно, усердно и юридически грамотно, как того требует буква и дух уголовно-процессуального законодательства.

Обобщая изложенное, можно констатировать, что сформировавшиеся под влиянием профессиональной деятельности акцентуированные личностные качества могут оказать существенное негативное влияние на сотрудников правоохранительных органов при исполнении ими своих должностных обязанностей, что в свою очередь приводит к нарушениям уголовно-процессуального закона. Уменьшение воздействия профессиональной деформации на молодых сотрудников, по нашему мнению, приведет к снижению количества нарушений, повышению качества работы самих сотрудников, а также поспособствует соблюдению принципа законности в их деятельности.

Профилактика профессиональной деформации должна включать в себя комплекс мероприятий организационно-управленческого, воспитательного и психологического характера, направленных на

совершенствование методов управления, совершенствование системы воспитания и обучения сотрудников правоохранительных органов (Красинская Е.С., 2016; Усачев А.А., Котлярова Л.Н., 2018).

По нашему мнению, для нахождения действенного способа снижения воздействия рассматриваемого нами явления, необходимо объединить усилия не только правоведов, но и специалистов из области психологии и педагогики, образовав рабочую группу по разработке методических рекомендаций как для рядовых сотрудников правоохранительных органов, так и для руководства на всех уровнях.

Литература

1. Борисова С.Е. Профессиональная деформация сотрудников милиции и ее личностные детерминанты: автореф. дис.... канд. психол. наук – М., 1998. – 27 с.
2. Змановская Е.В., Рыбников В.Ю. Девиантное поведение личности и группы. – СПб.: Питер, 2010. – 352 с.
3. Зеер Э.Ф. Психология профессий: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Академический Проект, 2003. – 336 с.
4. Красинская Е.С. Профессиональная деформация личности сотрудника органов внутренних дел и её предупреждение // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2016. – №3. – С. 48-52.
5. Кроз М.В., Ратинова Н.А. Психологическое исследование профессиональной деформации прокурорских работников // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – № 3 (53). – С.68-74.
6. Романов В.В. Юридическая психология. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 537 с.
7. Сорокин П. А. Система социологии. – М. : Изд-во «Астрель», 2008. – 1008 с.

8. Усачев А.А., Котлярова Л.Н. Правовые основы психологического отбора претендентов при поступлении на службу в органы прокуратуры // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / отв. Ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлев. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. – С.1358-1365.

Особенности совладающего поведения у сотрудников силовых структур

Трубникова А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Щеткина Е.И.

Данное исследование направлено на выявление преобладающих типов совладающего поведения у сотрудников силовых структур и их возможной связи с личностными особенностями. В основу эмпирического исследования легла теория Р. Лазаруса, выделяющего несколько типов совладающего поведения (Вассерман Л.И., 2008). В отличие от защитных механизмов, описанных в психоаналитических теориях, эти виды совладания являются осознанными (Бехтер А.А., 2017; Либина А.В., 2008). Анализ исследований, изучающих различные аспекты применения копинг-стратегий выявил, что данный феномен рассматривается исследователями в контексте индивидуальных особенностей трудовой мотивации, Я-концепции, локуса контроля и т.д.

Гипотеза исследования – наиболее встречающимися типами совладающего поведения у сотрудников силовых структур являются: дистанцирование, самоконтроль и поиск решения проблемы.

Цель исследования – выявить преобладающие типы совладающего поведения у сотрудников силовых структур и их возможную связь с личностными особенностями.

Для исследования были использованы следующие методы и методики:

А) метод анкетирования, при котором использовались следующие методики:

1) «16-факторный личностный опросник» Кеттелла;

2) «Копинг-тест Лазаруса»;

Б) метод статистической обработки данных в пакете программ SPSS Statistics при помощи коэффициента Спирмена.

Объект исследования – совладающее поведение сотрудников силовых структур.

Предмет исследования – копинг-стратегии сотрудников силовых структур и их взаимосвязь с личностными особенностями.

Выборку составили сотрудники правоохранительных органов. Объем данной группы составил 15 человек. Мужчины и женщины в возрасте от 21 до 65 лет принимали участие в исследовании очно в рабочее время.

Группу сравнения составили испытуемые (15 человек), чья профессиональная деятельность не связана с работой в силовых структурах, и в частности с юриспруденцией. Совокупный объем выборки составил 30 человек.

По данным, полученным с помощью теста Кеттелла, был составлен среднегрупповой личностный профиль, по которому удалось установить, что ярко выраженными чертами личности силовика являются интеллект (шкала В – средние баллы высокие), эмоциональная стабильность (шкала С – средние баллы высокие), мечтательность (шкала М – средние баллы высокие), сдержанность (шкала F – средние баллы низкие) прямолинейность (шкала N – средние баллы низкие), расслабленность (шкала Q4 – средние баллы низкие). Свойственные большинству испытуемых из второй группы яркие личностные черты – тревожность (шкала O – средние баллы высокие), доминантность (шкала E – средние баллы высокие), смелость (шкала H –

средние баллы высокие), замкнутость (шкала А – средние баллы низкие), эмоциональная нестабильность (шкала С – средние баллы низкие), жестокость (шкала I – средние баллы низкие).

По тесту Лазаруса получилось, что преобладающими копинг-стратегиями у сотрудников силовых структур являются планирование решения проблемы, поиск социальной поддержки и самоконтроль. Ведущими типами копинг-стратегий у испытуемых из второй выборки являются планирование решения проблемы, конфронтационный копинг и бегство-избегание. Ведущими типами копинг-стратегий у испытуемых из второй выборки являются планирование решения проблемы, конфронтационный копинг и бегство-избегание.

Корреляционный анализ по коэффициенту Спирмена показал статистически значимую взаимосвязь между следующими факторами по тесту Кеттела и копинг-стратегиями:

- 1) фактор А (замкнутость – открытость) и поиск социальной поддержки ($r = 0,416$), дистанцирование ($r = -0,359$), принятие ответственности ($r = -0,363$), бегство-избегание ($r = -0,400$);
- 2) фактор В (интеллект) и положительная переоценка ($r = -0,385$);
- 3) фактор С (эмоциональная стабильность – нестабильность) и конфронтационный копинг ($r = -0,533$), принятие ответственности ($r = -0,456$), бегство-избегание ($r = -0,468$);
- 4) фактор Е (подчиненность – доминантность) и положительная переоценка ($r = 0,452$), самоконтроль ($r = -0,377$);
- 5) фактор F(сдержанность - экспрессивность) и конфронтационный копинг ($r = 0,363$);
- 6) фактор H(робость – смелость) и положительная переоценка ($r = 0,387$);
- 7) фактор I(жестокость – чувствительность) и положительная переоценка ($r = 0,384$);
- 11) фактор М (практичность – мечтательность) и положительная переоценка ($r = -0,382$);

12) фактор N (прямолинейность – дипломатичность) и поиск социальной поддержки ($r = -0,492$);

13) фактор Q1 (консерватизм-радикализм) и самоконтроль ($r = -0,500$);

14) фактор Q2 (конформизм – нонконформизм) и поиск социальной поддержки ($r = -0,482$);

8) фактор Q4 (расслабленность – напряженность) и конфронтационный копинг и бегство-избегание ($r = 0,511$);

Таким образом, ярко выраженными чертами сотрудников силовых структур являются высокий интеллект, эмоциональная стабильность, мечтательность, сдержанность, прямолинейность. Ведущие копинг-стратегии, применяемые сотрудниками силовых структур, - это планирование принятия решения, самоконтроль и поиск социальной поддержки. Корреляционный анализ полученных данных говорит о том, что высоко развитые абстрактное мышление и воображение уменьшают вероятность использования положительной переоценки. Высокая эмоциональная стабильность соответствует более низкой склонности к конфронтации, положительной переоценке проблемы и бегству от трудностей. Высоко выраженный фактор прямолинейности свидетельствует о низкой вероятности поиска социальной поддержки. Ярко выраженное качество сдержанности свидетельствует о низкой вероятности использования конфронтационного копинга. Такие качества, как смелость и чувствительность, способствуют положительной переоценке. Наличие напряженности у человека может говорить о частом избегании проблемы. Фактор экспрессивности увеличивает вероятность применения конфронтационного копинга. Доминантность человека может увеличивать вероятность применения типа совладания «положительная переоценка». Фактор открытости повышает вероятность поиска социальной поддержки.

Итак, нами были рассмотрены и систематизированы основные подходы к проблеме совладающего поведения и его видам, в частности, теорию когнитивных оценок стресса Р. Лазаруса, а также нами было

проанализировано множество исследований по проблеме совладающего поведения.

Исследование показало, что основными личностными чертами, характерными для сотрудников силовой структуры, являются: интеллект, эмоциональная стабильность, мечтательность, сдержанность, прямолинейность, расслабленность. Испытуемым присуще в стрессовых ситуациях использовать следующие виды копинг-стратегий: планирование решения проблемы, поиск социальной поддержки и самоконтроль. С помощью статистического анализа нам удалось установить взаимосвязь между способами совладающего поведения и личностными особенностями испытуемых.

Литература

1. Либина А.В. Совладающий интеллект: человек в сложной жизненной ситуации. - М.: Эксмо, 2008. – 400 с.
2. Методика для психологической диагностики совладающего поведения в стрессовых и проблемных для личности ситуациях / (Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Исаева Е.Р.; Трифонова Е.А., Щелкова О.Ю., Новожилова М.Ю., Вукс А.Я.) // Вассерман Л.И. – СПб.: Питер: Психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, 2008. – 35 с.
3. Ресурсы совладающего поведения специалиста : монография / А.А. Бехтер. - Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2017. – 180 с.

Психологическое воздействие в политическом процессе

Хвалева А. А.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель - Коноплева И. Н.

В настоящее время психологизация становится одной из основных тенденций в политических процессах. Она выражается в доминировании осознанного психологического воздействия на общественное сознание с целью достижения политических результатов (в частности, и в выборных процессах), а также в обостренном восприятии людьми политических событий.

Многообразие и неоднозначность политических программ и лозунгов приводит к осложнению выбора гражданами социальной и политической ориентации, что и влечёт за собой аполитичность, апатию, протест, агрессию, непонимание и разочарование. Поэтому эта тема в настоящее время очень актуальна.

В существующих условиях актуальность и научный анализ проблемы психологического воздействия на массовое сознание в различных сферах жизнедеятельности общества стремительно растёт, особенно в политической среде, где активно применяются различные методы информационного, психологического и технологического прессинга.

В случае выборных политических процессов, которые с высокой точностью отражают соотношение политических сил и уровень активности отдельных граждан и социальных групп, субъекты власти политических движений стремятся овладеть полной и достоверной информацией о социально-психологических явлениях и состоянии социальных групп, а также повлиять на них, используя методы воздействия (в том числе, манипулятивного характера).

Таким образом, **целью исследования** является изучение психологического воздействия на сознание в рамках политического процесса. Рассматривая цель курсовой работы можно определить объект и предмет исследования: **объект** - политические процессы; **предмет** - механизмы психологического воздействия в политических процессах.

В процессе написания данной работы по изучению психологического воздействия в политическом пространстве мы опирались на исследования

проблемы социального и личностного влияния в социальной среде как отечественных, так и зарубежных ученых.

Были выделены три иерархических уровня психологических особенностей воздействия-восприятия в политическом контексте: - первичные внутриличностные процессы; - межличностный; - социально-личностный (групповой).

Основные результаты работы:

1. Основой политического процесса является психологическое воздействие на социальные группы. Так как целью политического процесса является достижение цели той или иной области, им нужно знать внутреннюю среду в социальной группе, их интересы, их принадлежность к той или иной общности, чтобы воздействовать на них. Это единственный способ взаимодействия.

2. Сила и устойчивость государственного строя влияет на психологическое состояние человека и его ощущения себя в обществе. Если государство не удовлетворяет потребности и интересы индивида, то он ищет два пути выхода - либо в духовную сферу, которая дает ему смысл жизни, либо он живет без понимания будущего, смысла своего существования, возникают апатии, депрессии, чувство неопределенности, человек перестает чувствовать себя в безопасности.

3. История, мифология, религия, национальность народа влияет на построение политического процесса. У нас есть некий характер нации, который складывается как раз из исторического опыта страны, моральных норм, которые складываются из религиозных убеждений, мифов, сказок в которых нам показывали примеры хорошего и плохого.

4. На личность в состоянии когнитивного диссонанса подействовать легче, чем на личность с «чистым» разумом. Политический деятель должен найти правильный язык общения, вызвать доверие и стать авторитетом. На наш взгляд это легче, чем воздействовать на здоровый разум, так как в этом состоянии человек пытается найти твёрдый остов и обрести уверенность в

будущем. Но это несёт риски, так как при неправильно выбранном способе воздействия есть опасность присоединения личности к нелегальным общественным образованиям, уход в себя или возникновение массовых настроений.

5. Подражание как механизм формирования массового сознания может стать ключевым механизмом для получения большего числа голосов в ходе выборной кампании. Очень часто можно наблюдать, как за одним человеком, заслужившим внимание и уважение в социуме, идут миллионы. Сейчас очень много индивидов, которых читают, слушают, которым подражают. Возможно, при сближении кандидатов с такого рода личностью, при взаимодействии с ней, кандидат получит не только ее дружественное отношение, но и авторитетность в глазах «подражателей».

6. Примером информационно-психологического вида воздействия в политике может служить цвет преподносимой информации: презентаций, лозунгов, идей. На психофизиологическое состояние человека отчасти влияет и цвет того, что мы видим. К примеру, информация, получаемая с красных, пурпурных, желтых источников меняет состояние человека на возбуждённое, оно сравнимо со страхом, переживаниями, ожиданием чего-то опасного. Тогда как источники зелёного, синего, голубого или фиолетового цвета оказывают успокаивающее воздействие. Следовательно то, что вынесет человек для себя из увиденного, будет уже нести неосознанный эмоциональный окрас, что может существенно влиять на принятые им решения.

Подводя итоги из всего вышесказанного, можно сделать следующие

выводы:

1. Политические процессы в современной России в основном управляемы. В качестве субъектов власти могут выступать: партии, их лидеры и подготовленные группы специалистов, разрабатывающие выборные технологии.

2. Управление практически всеми политическими процессами, в которые вовлекается социум, осуществляется с помощью механизмов психологического воздействия.
3. Психологическое воздействие в политических процессах идет через изменение мотивационно-поведенческих структур личности посредством психологических механизмов.
4. Все психологические факторы, способные влиять на политические предпочтения, могут стать фундаментом для построения эффективного психологического воздействия в ходе политических избирательных компаний.
5. Главное место в политических установках принадлежит алгоритмам эффективного психологического воздействия.
6. Очень часто при бессознательном характере общественном сдвигов используется манипулятивный характер воздействия, однако есть определённые правило воздействия в каждом конкретном случае, важен правильный подход к обществу.
7. Противодействие манипулятивным технологиям возможно с использованием позитивного, лояльного алгоритма психологического воздействия.
8. Полученные результаты создают твёрдую основу для создания методов использования в практике алгоритмов психологического воздействие, направленных на повышение эффективности социальной сферы общества с учётом особенностей политики России.

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Роль семьи в реализации биопсихосоциального подхода к коррекции нарушений психического развития детей с ОВЗ

Абрамова С.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Русаковская О.А.

Во многих семьях, где растет ребёнок с нарушениями развития, он является основным предметом заботы семьи, а деятельность, направленная на коррекцию имеющихся у ребёнка проблем, становится для родителей ведущей (Абрамова С.С., 2016).

В настоящее время можно выделить два основных подхода к коррекции имеющихся у детей нарушений развития: медико-центрированный и пролонгированный психолого-педагогический.

Медико-центрированный подход предполагает использование ресурсов здравоохранения для оказания специализированной медицинской помощи детям с ограниченными возможностями здоровья. Информированность, вовлеченность и индивидуализация лечебно-диагностических мероприятий являются ключевыми требованиями к системе оказания медицинской помощи. Выбор наиболее рациональных и приемлемых для конкретного ребенка с отклонениями в развитии методов лечения является важным условием медико-центрированного подхода. Такой подход реализуется во многих государственных медицинских учреждениях. Однако при нем, в большинстве случаев, не уделяется достаточного внимания социальной реабилитации детей и психологической работе с семьей.

Психолого-педагогический подход в работе с детьми с нарушениями развития включает:

- психологическую поддержку ребенка;
- коррекцию и профилактику психических отклонений и нарушений у ребенка;
- подготовку к школе, социальную адаптацию в группе сверстников и, в целом, в обществе;
- проведение коррекционных занятий в соответствии с умственным развитием ребенка;
- обеспечение прохождения обучения ребенка в специализированных учреждениях;
- ориентацию на самостоятельную активность ребенка, стимулирование его развития.

Именно такой подход реализуется в РБОО «Центр Лечебной Педагогики», где реализуются базовые принципы лечебной педагогики, которые позволяют скорректировать путь развития каждого ребенка (Особый ребёнок, 2017). При этом в качестве недостатка можно отметить, что данные мероприятия часто не подкрепляются соответствующей фармакотерапией.

С нашей точки зрения, наиболее целесообразным является сочетание этих двух подходов в рамках биопсихосоциального, когда достигается баланс между медикаментозным лечением, психологической работой с семьей и лечебной педагогией.

Именно семья является главным ресурсом абилитации и социализации ребенка с ограниченными возможностями здоровья. Ни о каких успехах и результатах не может идти речи, если позиция родителей по отношению к помощи ребенку пассивна. Организация и реализация коррекционно-развивающего процесса с особенными детьми должна осуществляться совместно с их родителями. Включенность родителей в процесс восстановления здоровья ребенка не только медицинской, но и психолого-педагогической помощи, повышает эффективность

профилактических и реабилитационных мероприятий (Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М., 2014).

Качественные характеристики родительского отношения являются главным фактором, который оказывает большое влияние на развитие ребенка с ОВЗ. Для развития и социализации ребенка с особенностями развития очень важно, чтобы отношение родителей к нему было, с одной стороны, конструктивным, а с другой - принимающим и поддерживающим. Отношение семьи к ребенку и его проблемам определяет то, как будет ощущать себя ребенок в социуме (Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М., 2014). Конструктивное отношение родителя – это результат его эмоциональной адаптации, принятия проблемы ребенка. Семьи, в которых доминирует конструктивный характер отношения к болезни ребенка, не уходят в длительную депрессию, а стараются приспособиться к новым условиям, организовать семейный быт и по-другому смотреть на проблему. При конструктивном отношении родители вырабатывают положительные установки по отношению к ребенку, что способствует формированию у него навыков адаптации в семье и обществе (Абрамова С.С., 2016; Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М., 2014).

Стоит отметить, что коррекция и реабилитация детей с особенностями развития требует от родителей больших сил, постоянного сопровождения, изменения привычного семейного уклада.

Преыдущее наше исследование таких семей показало, что среди родителей, занимающихся психолого-педагогической коррекцией ребенка с особенностями развития, можно выделить тех, у кого данная деятельность носит конструктивный (смыслообразующий) характер, при котором отношение к ребёнку характеризуется высоким уровнем эмпатии и субъект - субъектным характером, и тех, у кого такая деятельность носит сверхценный характер, при котором ребёнок воспринимается родителем как объект педагогического воздействия (Абрамова С.С., 2016).

Исследования особенностей родительского отношения к детям с нарушениями развития необходимы для того, чтобы устранить препятствия на пути их социальной интеграции.

Литература

1. Абрамова С.С. Особенности родительского отношения к ребенку с ОВЗ // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. – М. : МГППУ, 2016. – С. 45–47.
2. Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М. Аутичный ребенок. Пути помощи. Изд. 8-е.– М.: Теревинф, 2014. – (Особый ребенок). – 288 с.
3. Особый ребенок. Исследования и опыт помощи. Вып.9: науч.-практ. сб.– М.: Теревинф, 2017. – 214 с.

Становление представлений о сексуальных отношениях в онтогенезе

Алехин А.Н., Бизюкова Е.С.

Российский государственный педагогический университет им А. И. Герцена
(г. Санкт-Петербург)

Действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних являются одними из самых тяжелых для психического и физического здоровья детей. Ситуация осложняется еще и тем, что большая часть преступлений являются латентными, так как в основном насильственные действия сексуального характера происходят в семье, в сферах ближайшего окружения ребенка (Головач А.А.,2017).

В уголовном судопроизводстве по сексуальным преступлениям в отношении несовершеннолетних часто назначаются судебно-психологические экспертизы (СПЭ). Основной целью СПЭ является определение способности потерпевшего ребенка понимать характер и

значение совершаемых с ним действий. Традиционно перед судебным психологом-экспертом ставятся следующие вопросы (Горьковая И.А., 2003) :

1. Мог ли потерпевший в силу своих индивидуально психологических особенностей и содержания исследуемой ситуации понимать характер и значение совершаемых с ним действий?

2. Мог ли потерпевший в силу своих индивидуально психологических особенностей и содержания исследуемой ситуации оказать сопротивление?

Если объективная оценка судебным экспертом-психологом способности ребенка к сопротивлению не вызывает особых сложностей, ввиду наличия разработанных методов оценки психофизиологического состояния потерпевшего, то выяснение способности понимать характер и значение действий сексуального характера, совершаемых с ребенком, создает для эксперта целый ряд сложностей, вызванных несовершенством методологической базы, в том числе – понятийного аппарата СПЭ.

В ряде работ способность несовершеннолетних потерпевших правильно понимать характер и значение совершаемых с ними действий трактуется как совокупность психологических особенностей, обеспечивающая понимание сексуальной направленности действий преступника, возможных биологических и социальных последствий этих действий (Ситковская О.Д., Конышева П.П., Коченов М.М., 2000).

Под пониманием потерпевшим ребенком характера и значения совершаемых с ним действий, в свою очередь, подразумевается правильное отражение содержательной стороны этих действий в сознании, которое определяется осведомленностью ребенка в вопросах пола (Кудрявцев И.А., 1988).

Согласно сложившемуся, в том числе, в экспертной среде традиционному подходу, неспособность детей младше 7—8 лет понимать характер и значение совершаемых с ними действий никогда не вызывает сомнений, в то время как в отношении детей в возрасте 9—12 лет этот вопрос

эксперту приходится специально выяснять. Еще сложнее определить уровень понимания важных для дела обстоятельств потерпевшими старше 12 лет.

Возникает необходимость разграничения содержания понятий осведомленности и понимания. Под *осведомленностью* следует понимать общую информированность ребенка о вопросах отношений полов, в то время как *понимание* в данном контексте следует рассматривать как совокупность осведомленности и *личного опыта* конкретного ребенка.

Заслуживает отдельного внимания наличие у эксперта познаний в области становлений представлений о сексуальных отношениях у детей разных возрастов, определяющих в конечном итоге степень понимания ребенком совершенных с ним действий.

Таким образом, представляется целесообразным и своевременным формирование устойчивого единообразного понятийного аппарата для описания, оценки и квалификации состояния потерпевшего ребенка в нормативной и методической документации, регулирующей деятельность судебных экспертов-психологов при проведении СПЭ в отношении детей, потерпевших от сексуальных деликтов.

Нами были опрошены 12 совершеннолетних лиц обоих полов в возрастном диапазоне от 19 до 33 лет, имеющих опыт сексуальных отношений. В ходе проведенных ретроспективных интервью предпринята попытка проследить динамику развития представлений о сексуальных отношениях, начиная с первых проявлений интереса к собственной сексуальности, а также проследить онтогенез понимания сексуальных отношений.

Вопросы для интервью базировались на стандартных вопросах психолога-эксперта при проведении СПЭ. В ходе интервью рассматривались такие этапы онтогенеза понимания сексуальных отношений, как возраст начала изучения своей сексуальности, появления влечения/возбуждения, возраст появления интереса к противоположному полу, время возникновения интереса к вопросам сексуальных отношений, возраст первого сексуального

опыта, готовность к началу половой жизни на момент первого сексуального опыта, возраст начала понимания сути сексуальных отношений.

Благодаря раскрытию респондентами указанных выше проблем удалось выявить наиболее распространенные трактовки значений слов «знание» и «понимание», а также установить основное принципиальное различие между ними.

В ходе интервью получены следующие количественные показатели:

- средний возраст изучения своей сексуальности -10 лет;
- средний возраст начала полового влечения -12 лет;
- средний возраст начала половой жизни -17 лет;
- средний возраст начала понимания сути сексуальных отношений - 14 лет;

Выявлены следующие познания собственной сексуальности: изучение собственного тела, его отражения в зеркале, мастурбация. Начало интереса к противоположному полу увязывается с потребностью во внимании, любопытством и наличием морфологических отличий. Критерии психологической готовности к началу половой жизни: наличие ответственности, доверие к партнеру и осознанность происходящего. В формировании представлений о сути сексуальных отношений можно выделить два этапа: предшествующее первому сексуальному опыту проявление интереса к вопросам секса (поиск информации на тему секса - общение со сверстниками, просмотр фото и видео контента, чтение специализированной литературы) и переосмысление полученных ранее теоретических знаний на основе анализа собственного сексуального опыта.

В ходе выяснения нами интерпретации значений слов «понимать» и «знать», респонденты указали на возможность знания без понимания значения, а понимание определили как знание, базирующееся на собственном опыте. Таким образом под знанием понимается обладание совокупностью базовых теоретических представлений (первичная

осведомленность), а понимание представляет собой знание, подкрепленное собственным непосредственным опытом.

В ходе бесед с несовершеннолетними, не имеющими сексуального опыта, использование экспертом категории «понимание» с целью выяснения особенностей восприятия несовершеннолетними характера совершаемых с ними действий является ошибочным. Представляется целесообразным проведение масштабных исследований онтогенеза представлений о сексуальных отношениях, во-первых (ретроспективно), - среди совершеннолетних, имеющих опыт сексуальных отношений, во-вторых, - в отношении несовершеннолетних, не имеющих опыта действий сексуального характера, совершенных в отношении них, и далее - среди несовершеннолетних, подвергшихся действиям сексуального характера.

Литература

1. Головач А.А. «Анализ преступлений сексуальной направленности в отношении несовершеннолетних» //Студенческий научный электронный журнал «StudArcticForum» [Электронный ресурс] – 2017 –№ 3(7) – URL: <http://saf.petsu.ru/journal/article.php?id=1662> (дата обращения: 16.03.2019).
2. Горьковая И.А. Основы судебно-психологической экспертизы: Учебное пособие. Санкт-Петербургский юридический институт генеральной прокуратуры Российской федерации [Электронный ресурс] – URL: <http://docplayer.ru/32238442-Osnovy-sudebno-psihologicheskoy-ekspertizy.html> (дата обращения: 16.03.2019).
3. Ситковская О.Д., Коньшева П.П., Коченов М.М. «Новые направления судебно-психологической экспертизы» // Издательство «Юрл-итинформ» Москва-2000 [Электронный ресурс] – URL: <https://studfiles.net/preview/6707219/page:10/> (дата обращения: 16.03.2019).
4. Кудрявцев И.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. – М.: Юридическая литература, 1988. – 224 с.

Возможности анализа пресуицидального контента в социальных сетях

Жеребцова А. С., Дворянчиков Н. В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

По данным ВОЗ каждые 40 секунд человек сознательно прерывает собственную жизнь, ежегодно эта цифра достигает 800.000 человек. Но благодаря некоторым источникам, таким как социальные сети, у нас существует возможность определить, что подросток находится в крайне шатком эмоциональном состоянии. Нашему обществу повезло жить в эру цифровых технологий с доступом к различным мессенджерам и социальным сетям. Благодаря содержащемуся контенту в интернет-профилях социальных сетей, нам доступен анализ эмоционального состояния подростков и отслеживание появления пресуицидального контента, транслируемые в интернет-профилях подростков.

Рассматривая концепции отечественных ученых, хотелось бы осветить вклад Айны Григорьевны Амбрумовой, определявшей суицидальное поведение как *«следствие социально-психологической дезадаптации личности в условиях переживаемого микросоциального конфликта»* (Амбрумова А. Г., 1980). Говоря о значении социально-психологической дезадаптации, Амбрумова А. Г. выделяла несколько проявлений и уровней данного понятия: *субъективные проявления и объективные проявления, патологический уровень и непатологический уровень.*

В динамике социально-психологической дезадаптации, ведущей к суициду выделяются две фазы: *предиспозиционная фаза* (входят антивитальные переживания, пассивные суицидальные мысли, суицидальные замыслы и суицидальные намерения) и *суицидальная фаза* –

процесс устранения конфликта за счет саморазрушения, проходящий через «критический пункт».

Любой суицид формируется на значимом *конфликте*. По видам конфликты бывают *внутренними* и *внешними*. По типам выделяются *локализованный – генерализованный, трансформация конфликта, перенос конфликта*.

Таким образом, пресуицидальная фаза – это лишь внутреннее стремление человека уйти из жизни, но так как это происходит в рамках стремления, а не действия, то стремление можно купировать, воздействуя на антисуицидальные факторы личности, такие как: интенсивная эмоциональная привязанность к значимым близким; родительские обязанности; выраженное чувство долга; концентрация внимания на боязни причинения себе физического страдания и ущерба; зависимость от общественного мнения и избежание осуждения со стороны окружающих; представление о неиспользованных жизненных возможностях; наличие творческих планов; наличие эстетических критериев (нежелание выглядеть некрасиво после смерти).

При рассмотрении правового аспекта суицидального поведения хотелось бы отметить важность закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании» (пункт «а» статьи 29), приказ Минздрава РФ «О скорой психиатрической помощи» от 8 апреля 1998 года, статьи 110 Уголовного кодекса за «доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путём угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего». 120-ФЗ в УК статьи 110.1 и статьи 110.2 «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства», распространение на территории РФ «информации о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства» запрещено в соответствии с 139-ФЗ от 28 июля 2012 года.

Характеристика выборки: 10 суицидентов, из которых 5 человек – женского пола и 5 человек – мужского пола, в возрасте от 15 до 28 лет.

При обработке данных использовался контент-анализ текста со страниц суицидентов в социальной сети.

Анализ интернет-профилей показал, что существует возможность отследить начало пресуицидальной фазы. В среднем у испытуемых она длилась меньше полугода, но даже за такой короткий промежуток времени были сделаны записи с антивитальными переживаниями, картинки с выбором наиболее предпочитаемого способа суицида и так далее. Также испытуемых объединяет низкая самооценка, ряд из них оставили предсмертные записки, в которых описали свой жизненный неуспех и извинения за то, что доставляют боль своим родным. Помимо этого, можно отследить, что почти все суициденты так или иначе сообщали о своем состоянии различными записями. Поэтому у психологов и педагогов существует возможность отследить начало такого состояния и, по возможности, скорее его купировать, чтобы не произошла даже первая суицидальная попытка.

Выводы. Таким образом, по страницам в социальной сети «ВКонтакте» можно определить течение пресуицидального периода по суицидогенным факторам суицидального поведения и стадиям пресуицидального поведения, истинность суицида, состояние суицидента. Можно предположить возможные мотивы совершенного суицидального поступка, но точно определить их в социальной сети не является возможным в силу недостатка информации.

Также на основании анализа записей в соцсети можно отследить предположительный выбор способа самоубийства: в нашей выборке у 6 из 10 суицидентов на странице присутствовала информация о нём.

Литература

1. Амбрумова А.Г., Ковалёв В.В., Тихоненко В.А. Диагностика суицидального поведения. – М.: Изд-во Московского НИИ психиатрии МЗ РСФСР, 1980. – 30 с.

Родительская компетентность матери, страдающей шизофренией, на примере клинического случая

Журавлева Е.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель - Русаковская О.А.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00921 А.

В психологической и психолого-психиатрической практике большой объем исследований посвящен проблеме жестокого обращения с детьми наряду с повышением интереса к проблеме эффективности выполнения родителями с психическим расстройством своих функций. Данные проблемы изучались на специфической выборке женщин, уже совершивших общественно-опасное деяние, что способствовало распространению предубеждений у социальных служб в представлении об опасности, а в некоторых случаях и недопустимости оставления детей с родителями, имеющими психическое расстройство (Русаковская, О. А., 2019). Воспитание такими родителями детей часто рассматривается как «девиантное родительство», и большое количество исследований посвящено выявлению психологических и социальных факторов, негативно сказывающихся на воспитании и развитии ребенка (Русаковская, О. А., 2019).

В то же время анализ российской экспертной практики по судебным спорам о воспитании показывает, что родители, имеющие психическое

расстройство, часто не представляют опасности для ребенка и не оказывают негативного влияния на его психическое здоровье (Журавлева Е. В., 2016; Русаковская О. А., 2019). По результатам зарубежных исследований, в большинстве случаев родители, страдающие психическими расстройствами, имеют достаточный уровень *родительской компетентности* (Русаковская, О. А., 2019). В связи с этим актуальным представляется оценка компетентности родителей, страдающих психическими расстройствами. Категория «родительская компетентность» в последние десятилетия изучалась отечественными психологами А. А. Бодалёвым, М. А. Евдокимовой, Р. В. Овчаровой, В. В. Столиным, В. В. Селиной, Г. Г. Филипповой, Д. Я. Грибановой, А. А. Мининой и другими (Грибанова Д. Я., 2018; Данилова И. С., 2018). Обобщённый теоретический анализ научных подходов к определению сущности категории «родительская компетентность» позволяет говорить о нем как о «социально-психолого-педагогическом феномене, представляющим собой совокупность взаимосвязанных качеств личности родителя (его когнитивная, ценностно-мотивационная, эмоциональная и поведенческая составляющие), задаваемых по отношению к своему ребенку, и необходимых для качественной реализации воспитательного воздействия на ребенка».

Для иллюстрации высокого уровня родительской компетентности матери, страдающей параноидной шизофренией, приведем описание следующего клинического случая.

Испытуемая В. (45 лет) воспитывает 15-летнего сына. Имеет 2 высших образования. Работала по специальности. До 23 лет ее психическое состояние оставалось стабильным. В 23 года перенесла депрессивное состояние. Жаловалась на внезапные и беспричинные уходы из дома и «отсутствие смысла в жизни», совершила несколько суицидальных попыток, в связи с чем была госпитализирована в психиатрическую больницу. Был установлен диагноз: «Параноидная шизофрения, приступообразный тип течения с нарастающим эмоционально-волевым дефектом». На протяжении

всего периода заболевания посещала диспансер, принимала поддерживающую терапию, работала, в период ремиссий ее состояние было стабильным.

Проживала в гражданском браке, в 30 лет родила сына. В связи с ухудшениями состояния на фоне конфликтов с гражданским мужем, которые проявлялись тревожно-депрессивной симптоматикой, бредовыми идеями отношения, после рождения ребенка дважды лечилась в стационаре. Когда мальчику было 3 года, с гражданским мужем рассталась, с этого времени стала проживать с ребенком и своей матерью. В 2017 г. в период обострения заболевания проходила лечение в дневном стационаре, где ей была оформлена 2 группа инвалидности.

В настоящий момент состояние В. можно охарактеризовать становлением медикаментозной ремиссии с остаточной тревожно-депрессивной симптоматикой со стойкой инсомнией, формированием критики к перенесенному психотическому эпизоду, так и к заболеванию в целом. В клинической картине на первом плане эмоционально-волевые изменения личности в виде маловыразительности.

Родительская компетентность подэкспертной оценивалась в клинико-психологической беседе, направленной на выявление ее осведомленности об особенностях развития и жизни ребенка, вовлеченности в его жизнь и воспитание, поведенческих стратегий взаимодействия с ним. В качестве методики использовался полуструктурированный анамнестический опросник, разработанный О. А. Русаковской.

В. показала свою полную осведомленность о здоровье сына, о его интересах и увлечениях в разном возрасте. Она дифференцированно описывала сына по характеру активным, решительным, сильным, умным, спортивным, самостоятельным, общительным; с удовольствием рассказывала конкретные случаи из его жизни; подробно сообщала о том, чем и как занималась с ребенком в ходе его роста и развития (совместное чтение книг, обучение письму, счету, посещение бассейна). В шесть лет ребенок

пошел в школу, занимался тхэквондо, футболом и плаванием, любил читать, гулять, смотреть мультфильмы, самостоятельно делал домашние задания. Говоря о сыне, она отзывалась о нем с теплотой, гордостью, была хорошо осведомлена о том, как он проводит время, с кем общается. Сообщала, что раз в два года она ездит с сыном на море в Анапу; они вместе посещают театры, музеи, ходят в гости, путешествуют.

Анализ родительской компетентности испытуемой, на наш взгляд, позволяет отметить следующее: наличие достаточного уровня знания и навыков применения психолого-педагогических основ воспитания, особенностей роста и развития ребенка; успешность, как в удовлетворении базовых потребностей сына, так и в создании атмосферы доверия, принятия, психологической безопасности. Она успешна в установлении сотрудничества с ребенком и организацией совместной досуговой и развивающей деятельности. Имеет активную родительскую позицию. Данные характеристики позволяют считать В. «хорошей» и достаточно компетентной матерью.

Как указывает Р. В. Овчарова, наличие у родителя тревожности и неуверенности в собственной родительской компетентности, опасения, что ты являешься недостаточно хорошим родителем, снижает способность видеть реальную ситуацию роста и развития ребёнка и вносить изменения в модель воспитания. На наш взгляд, именно такая тревога есть у В. Из-за этого, по нашему мнению, В. иногда излишне опекает ребенка. Мы предположили, что данные проявления тревожности и страха обусловлены как наличием у нее психического расстройства со склонностью к развитию тревожно-депрессивной симптоматики, так и, в не меньшей степени, стигматизацией и опасениями по поводу возможного вмешательства в дела ее семьи со стороны органов социальной защиты.

Таким образом, по нашему мнению, В. нуждается в психологической помощи, мишенями которой могут быть повышение ее родительской

уверенности, поддержание родительской компетентности и расширение социальных контактов.

Литература

1. Грибанова Д. Я., Минина А. А. Компоненты родительской компетентности по отношению к детям раннего и дошкольного возрастов // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. – 2018. – № 4 (35). – С. 52–58.
2. Данилова И. С. Компетентное родительство: вызов современного европейского общества // Актуальные тенденции и инновации в развитии российской науки. Сборник научных статей под ред. А. С. Старун, М. : Изд. «Перо». – 2018. – С. 36–41.
3. Журавлева Е. В. Исследование особенностей родительского отношения у матерей, больных шизофренией, в отечественной и зарубежной психологии // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. – М.: МГППУ, 2016. – С. 66–68;
4. Русаковская О. А., Костюк Г. П., Голубев С. А., Дрыкина Л. Л., Галкина А. О. Материнство и отцовство родителей, страдающих интеллектуальными нарушениями (обзор литературы) // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. – СПб.: Издательский дом «Арс меденти». – 2019. – № 1. – С. 16–25.

Особенности агрессивных проявлений у девушек с гомосексуальной ориентацией

Зверева Е.А., Дворянчиков Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

С 17 мая 1990 года Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) перестала относить гомосексуальность к группе психосексуальных расстройств в Международной классификации болезней десятого пересмотра (МКБ-10). На данный момент в МКБ-10 остался такой диагноз, как эгодистоническая половая ориентация (F66.1), подразумевающий стремление пациента изменить свою сексуальную ориентацию, вследствие наличия у него поведенческих и психологических расстройств.

Несмотря на формальное принятие факта о «нормальности» гомосексуальности в психиатрическом плане, существуют множество взглядов о том, каким образом (и нужно ли?) вписывать гомосексуальность в рамки психической нормы. Подобные вопросы в контексте данной темы являются отличной почвой для споров и разногласий как в психиатрии, так и в психологии, что порождает потребность в более детальном изучении разных форм полового поведения, в том числе, и нетрадиционного.

Несмотря на большое количество научных исследований, посвященных гомосексуальности, в современной психологии эта тема остается значимой. Стоит также отметить неоднозначность взглядов ученых как на само явление гомосексуальности, так и на производные от него вопросы (Кон И.С., 1989, Геодакян, С. В., 2011, Ильин Е. П., 2010).

Данное явление в нынешнем российском обществе требует переосмысления теоретического материала и разработки новых методических путей к его изучению.

В настоящий момент гомосексуальность сложно отнести к «запретным» темам в психологическом и социальном контексте, однако, имеются некоторые напряженные аспекты в плане отношения к людям с «нетрадиционной» направленностью, что уже может служить почвой для конфликтных и психологически неблагоприятных ситуаций, проявления агрессивных тенденций с деструктивным исходом, что в последствии порождает психологические травмы. Равным образом, данный контекст объясняет специфичность тематики изучения различий уровня агрессивности

у людей с «традиционной» и «нетрадиционной» сексуальной ориентацией. Впоследствии изучение данной проблематики может способствовать уменьшению уровня «сенситивности» в вопросах, связанных с гомосексуальностью, и увеличения выборки доступных индивидов для исследователей.

Цель исследования - изучить особенности проявления агрессии у девушек с гомосексуальной ориентацией.

Материалы и методы исследования. Исследование проводилось посредством личных контактов в сети Интернет. Методами исследования были анкетирование и тестирование. Девушкам предлагалось пройти опросник в Google форме со встроенными в него: кратким опросником, составленным специально для исследования, на выявление субъективного определения у себя гомо- или гетеросексуальной ориентации, тестовыми методиками (Оценка сексуального профиля (Потемкиной О.Ф., 1993), опросник «Субъективная оценка межличностных отношений» (Духновского С.В), опросник «Оценка агрессивности в отношениях» (Ассингера А.), Опросник ВРАQ-24 (Buss-Perry Aggression Questionnaire, 1992), опросник по изучению маскулинности-фемининности (Sandra L. Bern, 1974)) и проективной методикой «Hand test» (адаптация Курбатовой Т.Н).

Описание выборки. Экспериментальную группу составили 24 девушки в возрасте от 17 до 28 лет, относящие себя к группе людей с гомосексуальной ориентацией. Возраст получения первого сексуального опыта в этой группе варьируется от 13 до 19 лет. На вопрос: «Имели ли Вы когда-либо гомосексуальные связи?» положительно ответили 23 человека. На момент прохождения опросника 16 девушек состоят в отношениях.

В контрольную группу вошли также 24 девушки в возрасте от 18 до 29 лет, относящие себя к группе людей с гетеросексуальной ориентацией. Возраст получения первого сексуального опыта в этой группе варьируется от 14 до 21 года. На вопрос: «Имели ли Вы когда-либо гомосексуальные связи?»

отрицательно ответили 22 человека. На момент прохождения опросника 15 девушек состоят в отношениях.

В результате корреляционного анализа данных выявлены сходства и различия групп «Гомо» и «Гетеро», по которым можно сделать следующие выводы:

- у девушек вне зависимости от сексуальной ориентации с повышением андрогинности повышается стремление к разнообразию способов и форм проявления сексуальности;

- с повышением враждебности наблюдается увеличение напряженности, конфликтности, отчужденности и агрессии в отношениях;

- девушки группы «Гомо» менее ориентированы на материальную выгоду в сексуальных контактах и в меньшей степени признают нежелательность сексуальных контактов на работе/учебе и т.д.

В специфике сексуального профиля девушек с «нетрадиционной» сексуальной ориентацией можно выделить следующее:

- испытуемые, склонные к реакциям, сопровождающимся негативными эмоциями и негативными оценками, проявляют в большей мере избирательность в выборе сексуального партнера (это может быть связано с внутренними установками на защиту от публичного неодобрения);

- респондентки, выражающие такое качество как смелость в рамках общения со своим полом, будут проявлять и демонстративность в поведении;

- девушки, проявляющие жертвенность в отношениях, также стремятся к разнообразию форм и способов проявления сексуальности;

- выражение напряжения проявляется у участниц исследования в виде жертвенности по отношению к сексуальному партнеру;

- у респонденток прослеживается тенденция к действиям, которые в большей мере направлены на адаптацию к партнеру, где щепетильность может выступать в качестве своеобразного критерия комфорта взаимоотношений.

Специфика в структуре межличностных отношений у гомосексуальных девушек отражается в том, что в социальном взаимодействии девушки, имеющие высокий уровень напряженности внутри партнерских отношений, в меньшей степени проявляют демонстративность и смелость. В связи с чем, можно предполагать важность гармонии партнерских отношений для данной группы.

В специфике агрессивных проявлений у девушек с гомосексуальной ориентацией были выявлены определенные тенденции:

- с повышением общего уровня агрессии в большей мере проявляется и гнев, как самоотчет о склонности к раздражительности;
- проявлению физической агрессии будут сопутствовать демонстративные черты в поведении;
- девушки придерживаются стратегии привлечения внимания с помощью инструментального выражения агрессии в поведении.

Исходя из средних значений в тесте руки Вагнера, у гомосексуальных испытуемых отмечается также наличие повышенного уровня агрессии, что согласуется с представленной в работе гипотезой. Но данный уровень все же не позволяет подтвердить ее окончательно. Необходим более глубокий анализ, на большей выборке для получения значимых данных.

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что девушки с гомосексуальной ориентацией обладают спецификой в сексуальном профиле и в структуре межличностных отношений, а также некоторыми отличительными признаками агрессивных проявлений.

Данная работа может быть полезна для формирования более полного представления о людях с гомосексуальной ориентацией. Это, в свою очередь, может стать значимой ветвью развития гендерной психологии, так как исследования, направленные на изучение связи агрессивности с гендером, нельзя назвать однозначными.

Литература

1. Ениколопов С.Н. Понятие агрессии в современной психологии / С.Н. Ениколопов // Прикладная психология. – 2001. – № 1. – С. 60-71.
2. Ильин Е. П. Пол и гендер – СПб.: Питер, 2010. – 688 с.
3. Козлов, В.В., Шухова Н.А. Гендерная психология: учебник для вузов. – М.: Речь, 2010. – 270 с.
4. Кон, И. С. Введение в сексологию –М.: Медицина, 1989. – 336 с.
5. Методическое пособие «Использование Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, десятого пересмотра (МКБ-10) в практике отечественной медицины»: Под ред. Кокорина Е.П., Максимова М.В., Мишнева О.Д. и др. – М., 2012.

Особенности отношения к болезни у больных психотическими формами шизофрении на разных этапах заболевания

Малыш Т.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Бородина Л.Г.

Больные шизофренией так же, как и психически здоровые люди, порой совершают правонарушения. Для успешной профилактики агрессивного поведения и, как следствие, сокращения случаев правонарушений у больных шизофренией важно в первую очередь знать, какими особенностями отношения к своему состоянию обладают данные больные и способны ли они в какой-либо степени относиться к некоторым своим переживаниям как к болезненным. Особенности внутренней картины болезни при шизофрении очень активно исследуются разными авторами (Иржевская В.П., 2009; Крупченко Д.А., 2014; Минаков А.А., 2013; Напреенко А.К., 2013; Романов А.Д., 2010). Однако, данные исследователи

также указывают на недостаток теоретических и эмпирических данных, который подтверждается наличием некоторых противоречий в уже проведенных исследованиях. Так, с одной стороны, в одном исследовании у больных шизофренией были выявлены такие преобладающие защитные механизмы, как «отрицание» и «замещение» (Иржевская В.П., 2009), а с другой стороны, в другом исследовании - «отрицание» и «рационализация». Также в одном из исследований были выявлены типы отношения к болезни без выраженного нарушения социальной и психической адаптации (Напреенко А.К., 2013), а в другом - дезадаптивные типы отношения к болезни и дезадаптивные копинг-стратегии (Назаркин Д.М., Новиков В.В., 2015). Поэтому целью данного исследования стало выявление особенностей отношения к болезни у больных психотическими формами шизофрении.

Было опрошено 30 пациентов (14 мужчин и 16 женщин в возрасте от 22 до 59 лет) государственного бюджетного учреждения здравоохранения «Психиатрической клинической больницы №4 им. П.Б. Ганнушкина Департамента здравоохранения города Москвы», проходящих амбулаторное лечение. Испытуемые были разделены на 2 группы в зависимости от стажа заболевания: ранняя стадия (срок заболевания < 9 лет, 17 человек) и поздняя стадия (срок заболевания > 9 лет, 13 человек). Были использованы методы контент анализа и полуструктурированного интервью.

Необходимо сразу обозначить следующую особенность обследованного контингента: у больных психотическими формами шизофрении с отсутствием критики к своему состоянию говорить об отношении к болезни можно было лишь условно, подразумевая отношение к факту госпитализации и прохождению лечения в стационаре и амбулаторно.

Чаще всего у больных шизофренией встречались выраженные нарушения психической и социальной адаптации (80%). У больных шизофренией были выявлены следующие типы отношения к болезни: смешанный, сенситивный, эргопатический и диффузный. Полученные

данные подтверждают часть проведенных ранее исследований (Нарзакина Д.М., Новиков В.В., 2015).

У большинства пациентов (90%) критика к состоянию была нарушена. Были выделены следующие варианты нарушения критики: отсутствие критики (37%), формальная (20%), частичная (16%) и неинтегрированная (17%) критика. Примерно у половины больных психотическими формами шизофрении критика к своему состоянию отсутствовала. У испытуемых, отнесенных в группу формальной критики, оценка своего состояния звучала заученно и неискренне. К группе с неинтегрированной критикой были отнесены испытуемые, чьи ответы содержали противоречие: объяснение своего состояния как болезни, а через некоторое время предоставление совершенно другого объяснения. При этом данное противоречие в своих высказываниях испытуемые не отслеживали, даже если вопросы шли практически подряд. К группе с частичной критикой были отнесены испытуемые, у которых одна часть проявлений заболевания признавалась ими как болезнь, тогда как для другой предлагалось некоторое стороннее объяснение.

Наиболее интересным стало выявление нескольких испытуемых с сохранной критикой к своему состоянию (10%). Общими для их ответов было беспокойство за дальнейшее продолжение карьеры, наличие нескольких близких родственников, имеющих психическое отклонение, а также наличие близких родственников, работающих психиатрами.

На ранней стадии заболевания у больных психотическими формами шизофрении достоверно чаще, чем на поздней, критика к своему состоянию отсутствовала. На поздних этапах заболевания появлялись варианты, отсутствовавшие на ранних: сохранная и частично сохранная критика. Анализ возможных психологических механизмов предлагаемых пациентами объяснений своего состояния позволил выделить следующие их варианты: мегаломанизация (осознание собственной уникальности), обесценивание (уменьшение значимости болезни) и

положительная стигматизация (отнесение себя к особой, но традиционно пользующейся положительным отношением в обществе, группе).

Таким образом, гипотеза о связи между стадией заболевания и адекватностью отношения к заболеванию частично подтвердилась. На более поздних стадиях заболевания, в отличие от ранних стадий, у больных психотическими формами шизофрении встречалась сохранная критика к своему состоянию. Возможно, это объясняется наличием опыта лечения, образовательной работой со стороны медицинского персонала и психологической работой.

Литература

1. Иржевская В. П. Нарушение осознания психической болезни и характеристик эмоционально-волевой сферы пациентов с шизофренией // Научно-теоретический журнал «Учебные записки». – 2009. – Том 47, №1. – С. 47-52.
2. Крупченко Д. А. Клиническое значение нарушений инсайта при шизофрении // Медицинские новости. – 2014. – Том 1, №1. – С. 57-60.
3. Минаков А. А. Осознание психического расстройства. Методологические проблемы / А. А. Минаков, С. В. Гречаный // Прикладные информационный аспекты медицины. – 2013. – Том 16, №1. – С. 100-104.
4. Назаркина Д. М. Внутренняя картина болезни пациентов с параноидной шизофренией / Д. М. Назаркина, В. В. Новиков // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – 2015. – Том 4, №11. – С. 71-80.
5. Напреенко А. К. Особенности клинко-психопатологической структуры и социального функционирования больных шизофренией с различными типами отношения к болезни / А. К. Напреенко, Г. М. Зильберблат, Н. Е. Иващенко // Таврический журнал «психиатрия». – 2013. – №3. – С. 37-45.

б. Романов А. Д. Отношение к болезни у больных параноидной шизофренией, их лечащих врачей и способы улучшения комплаенса// Аспирантские чтения на всероссийской конференции «Молодые учёные – медицине». – 2010. – С. 136-139.

Деструктивное влияние на личность в рамках секты

Савина К.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Дворянчиков Н.В.

Проблема деструктивного влияния на личность человека в тоталитарных сектах стоит достаточно остро в РФ и в мире, в особенности в США.

Актуальность исследования проблемы деструктивного влияния на личность человека в тоталитарных сектах обусловлена тем, что так называемой вербовке в секту подвергаются люди, оказавшиеся в тяжелой жизненной ситуации, т.е. дезориентированные, со сниженным эмоциональным фоном, и сниженной критичностью, которые также зачастую не обладают специфическими знаниями о деятельности таких организаций, что и используют в своих целях последователи сект (Дворкин А.Л., 2002).

Также острая проблема стоит в реабилитации людей, вышедших из сект. Т.к. нет четкого понимания механизмов и последствий влияния на личность человека в секте, в связи с чем построение реабилитационных программ так же значительно затруднено (Волков Е.Н., 1996).

Таким образом, недостаточное изучение проблемы влияния на личность в самой секте влечет за собой существенные трудности в дальнейшей работе с человеком, после его выхода из секты, а также трудности в профилактике обращения людей в подобные организации.

Целью данной работы стало выявление основных мишеней и механизмов деструктивного влияния на личность человека в рамках секты.

Исследование было направлено на выявление основных мишеней влияния на личность человека в секте, а также на выявление механизмов данного влияния.

В нашем исследовании мы рассмотрели статьи с интернет-ресурсов таких организаций, как: Международное общество сознания Кришны, Международная церковь Саентологии, Церковь Объединения (секта Муна). Нами были выявлены основные мишени влияния сект. Всего нами было выделено 7 основных мишеней и 13 векторов воздействия в этих мишенях:

1. Образ «Я»;
 - 1.1. Оценка своего физического состояния и возможностей;
 - 1.2. Оценка своего эмоционального состояния и возможностей;
 - 1.3. Понятие болезни и здоровья;
 - 1.4. Самооценка.
2. Социальные контакты;
 - 2.1. Понятие дружбы.
3. Семейные и родственные отношения;
 - 3.1. Брачные отношения и брачные узы;
 - 3.2. Детско-родительские отношения.
4. Установки, связанные со смертью и смыслом жизни;
 - 4.1. Конечность жизни;
 - 4.2. Жизненное предназначение;
 - 4.3. Жизненные цели.
5. Сексуальные отношения;
6. Установки, связанные с самореализацией и достижением благополучия
 - 6.1. Социальное и духовное благополучие;
 - 6.2. Материальное благополучие;
 - 6.3. Профессиональная самореализация.
7. Образ мира.

При помощи контент-анализа мы выявили самые предпочитаемые мишени, а также основные механизмы влияния. Для более точных результатов нами был вычислен удельный вес каждой категории по формуле: $K = (\text{число единиц, фиксирующих категорию}) / (\text{общее число единиц анализа}) * 100\%$

В ходе проведения исследования было выявлено, что, в своих публикациях, секты апеллируют к тому, в настоящий момент человек несовершенен, подвержен «порочным» желанием, стремлениям и пр., что не позволяет ему достичь необходимого благополучия для обретения счастья, а также, что помощь могут оказать только внутри секты, что самостоятельно справиться человек не способен. Данные утверждения направлены, в первую очередь, на людей, которые входят в группу риска. В основном, это люди дезориентированные, находящиеся под воздействием сильного психо-эмоционального стресса и, в связи с этим, потерявшие способность критически оценивать ситуацию.

Подводя итоги, проведенной, работы мы пришли к таким выводам:

Секты оказывают влияние на различные сферы жизни и психики человека.

Секты используют специфические психотехники, такие как конверсия основных понятий, изменение смысловой части основных понятий, а также подмена представлений о способах самореализации и пр.

У каждой секты есть как свое основное направление воздействия на человека, так и общие мишени воздействия, например Церковь Объединения оказывает воздействие, в основном на сферу брачных отношений (21,9% от всего объема исследованных статей ресурса организации), Церковь Саентологии - на эмоциональную сферу (32,3%) и сферу самооценки (27,6%), Общество Сознания Кришны - на сферу детско-родительских отношений (13,5%) и социального и духовного благополучия (14%) .

Полученные результаты указывают на то, что проблема влияния в секте требует более тщательного изучения с целью выявления возможных

негативных последствий такого влияния и наиболее подробного изучения механизмов воздействия.

Литература

1. Волков Е.Н. Методы вербовки и контроля сознания в деструктивных культах // Журнал практического психолога. – 1996. – № 3. – С. 76-82.
2. Дворкин А.Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования / А.Л. Дворкин. – Издание 3-е, переработанное и дополненное. – Нижний Новгород : Издательство братства во имя св. князя Александра Невского, 2002. – 702 с.

Инновационная технология для позднего этапа когнитивной нейрореабилитации

Семенова А.Р.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Луковцева З.В.

В когнитивной реабилитации выделяют три основных стадии восстановления: ранняя, средняя, и поздняя. Для них не существует жестких временных критериев, но они различны своим наполнением. Для ранней стадии характерно применение сенсомоторной стимуляции, на средней стадии особенное внимание уделяют тренировке отдельных нарушенных когнитивных функций. Что же касается позднего этапа когнитивной реабилитации, то здесь основной задачей становится возвращение пациента в общество, уменьшение его зависимости от посторонней помощи в повседневной жизни. Другими словами, на данной стадии происходит соединение всех ранее натренированных функций в одну деятельность в контексте жизненных ситуаций. Иными словами, любая жизненная задача является, по сути своей, сложной программой действий, которые подчинены

конечной цели, т.е. представляет из себя то, что обеспечивается управляющими функциями.

В условиях нашей страны такая тренировка доступна ограниченному числу пациентов. Это связано с нехваткой специалистов и оборудования, с материальными проблемами отдельно взятого больного. Кроме того, добавление моторного компонента в решение бытовой по сути когнитивной задачи (например, совершить покупки в магазине) на позднем этапе реабилитации утяжеляет задачу и нередко дезорганизует пациента. Поэтому, в нашем понимании, становится необходимым предоставление альтернативного вида занятий, удовлетворяющего потребности пациентов и учитывающего все вышеуказанные трудности. Такой альтернативой могут стать разработанные нами «Квесты», представляющие из себя программу, включающую комплексную тренировку когнитивных функций с бытовым контекстом. Иными словами, мы изолируем когнитивный компонент решения сложносоставных бытовых задач, тренируем его отдельно с тем, чтобы в дальнейшем пациент смог соединить его с моторным компонентом.

Технология «Квест» включает в себя контекст различных бытовых ситуаций: выход из дома, поход до почты, поход до магазина, поход до поликлиники и т.п. Перед пациентом в начале занятия ставится задача (например, дойти до почты), которую путем выбора вариантов действий необходимо выполнить. Так, например, в «Квесте» «Выход из дома», перед больным стоит задача выйти из якобы своей квартиры на улицу. Пациенту необходимо совершить ряд определенных действий, подкрепленных визуальным контекстом в виде фоновых рисунков экрана. Помимо этого, на экране каждый раз всплывают так называемые «кнопки», при нажатии на которые пациент совершает ход. На каждом ходу есть определенный набор «кнопок», предлагающих пациенту различные варианты развития событий. Так, например, на этапе нахождения на лестничной клетке, пациенту предлагается выбор: спуститься по лестнице, вызвать лифт, закрыть тамбурную дверь. При верном выборе (закрыть тамбурную дверь), ситуация

остается такой же, но «кнопку» становится меньше: вызвать лифт, спуститься по лестнице. Пациенту в данном случае необходимо оценить ситуацию, заметить, например, что он находится на 13 этаже (это указано на контекстном фоновом рисунке).

Помимо прочего, больному на различных этапах предъявляются социальные ситуации. Например, в ситуации застрявшего лифта, необходимо не только верно выбрать кнопку на панели, но и, при общении с оператором, ответившим на вызов, выдать правильную информацию о ситуации. Это может происходить в форме выбора кнопки с правильной репликой для сложившейся ситуации, либо в виде устного или письменного ответа специалисту, который находится непосредственно рядом при прохождении «Квеста».

При выполнении некоторых «Квестов», пациенту предлагается зарисовать предполагаемый маршрут, записать некоторые важные данные (название улицы, номер дома, номер автобуса). В процессе выполнения задачи пациент может обращаться к своим записям.

Так же, в нашей технологии возможно раннее завершение прохождения задания. В случае, если пациент несколько раз нажал на неверную «кнопку» или выбрал неверный вариант развития событий относительно происходящего на экране контекста, то на экране появляется надпись, гласящая о неуспешном прохождении задания, а также немедленное прекращение прохождения «Квеста». После этого происходит беседа специалиста и пациента, направленная на оценку произошедшего, разработку новой стратегии выполнения задания. В случае же успешного прохождения всех этапов методики, на экране высвечивается надпись с поздравлениями об успешном выполнении поставленной задачи, а также контекстное фоновое изображение, отображающее контекст перспективного задания. Так, например, при завершении «Квеста» «Выход из дома», на экране появляется изображение улицы, которое в последствии будет использовано в следующих «Квестах».

В нашем понимании, все это направленно на некоторую имитацию повседневной деятельности, которая представляет собой целую систему последовательных действий, подкрепленных одной контекстной ситуацией и поставленной задачей.

Данная реабилитационная технология внедряется в реабилитационную программу восстановления когнитивных функций как дополнение к классической программе.

Нами было проведено пилотное исследование. Была сформулирована следующая гипотеза: между результатами группы пациентов, в реабилитационную когнитивную программу которых была включена новая нейрореабилитационная технология «Квест», представляющая из себя комплексную тренировку различных когнитивных функций с бытовым контекстом, изолированную от моторного компонента, и результатами пациентов, прошедших классическую программу когнитивной реабилитации, существуют различия.

В выборке приняли участие 7 пациентов с сосудистыми катастрофами в анамнезе, со средней степенью когнитивного дефицита, находящихся на поздней стадии когнитивной реабилитации.

В результате проведенного исследования гипотеза была отклонена. Но нам удалось убедиться в том, что классическая реабилитационная когнитивная программа так же эффективна, как и классическая программа с добавлением инновационной технологии «Квест», поскольку все пациенты, участвующие в исследовании, объективно улучшили показатели своих когнитивных функций.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что новая нейрореабилитационная технология «Квест» требует дальнейшей разработки, модификации, апробации на большей выборке и на пациентах с различным этиопатогенезом.

Литература

1. Григорьева В.Н., Ковязина М.С., Тхостов А.Ш. Когнитивная нейрореабилитация больных с очаговыми поражениями головного мозга: Учебное пособие. М.: УМК «Психология»; Московский психолого-социальный институт, 2006. – 256 с.
2. Захаров В. В., Вахнина Н. В. Инсульт и когнитивные нарушения // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2011. №2. [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/insult-i-kognitivnyie-narusheniya> (дата обращения: 14.04.2019).
3. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. 3-е изд. – М.: Академический проект, 2000. – 512 с.
4. Микадзе Ю.В. Нейропсихологический контекст понятия "регуляция психической деятельности" [Электронный ресурс]: // Медицинская (клиническая) психология: традиции и перспективы (К 85-летию Юрия Федоровича Полякова). URL: <http://psyjournals.ru/medpsytrad/issue/61095.shtml> (дата обращения: 19.12.2018).
5. Мозг, познание, разум: введение в когнитивные нейронауки: в 2 ч. Ч. 1 / под ред. Б. Баарса, Н. Гейдж ; пер. с англ. под ред. проф. В. В. Шульговского. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014. – 552 с.
6. Прокопенко С. В., Можейко Е. Ю., Корягина Т. Д. Возможности когнитивного тренинга с использованием специализированных компьютерных программ у больных, перенесших инсульт [Электронный ресурс]: // Неврологический журнал. – 2014. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-kognitivnogo-treninga-s-ispolzovaniem-spetsializirovannyh-kompyuternyh-programm-u-bolnyh-perenessih-insult> (дата обращения: 21.01.2019).

Особенности буллинг-поведения учащихся классов с повышенной учебной нагрузкой

Андреева А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бусарова О.Р.

Для современных школ в России буллинг – одна из самых актуальных проблем. На сегодняшний день число жертв буллинга растет быстрыми темпами. Так, ученые из Института образования ВШЭ провели в конце 2017 - начале 2018 года, наверное, первое масштабное исследование проблемы буллинга в России. Опрошено больше 1200 учеников 7 - 11-х классов из Москвы и Подмосковья. В результате констатировано следующее: 70% опрошенных говорят, что им приходилось наблюдать травлю, 60% признались, что жертвой был один из их знакомых и 12% заявили, что сами участвовали в травле. И это явно заниженная цифра - мало кто (пусть и анонимно) готов признаться, что он выступал агрессором по отношению к другому человеку (Агрессия и буллинг ..., 2018).

Рассмотрим два важных (по нашему мнению) аспекта буллинга: особенности проявления агрессии в подростковом возрасте и особенности буллинга в исследованиях отечественных и зарубежных авторов. Первое было необходимо для того, чтобы более тщательно изучить подростковый возраст с позиции возрастной психологии, гендерные отличия в возникновении и развитии агрессии у подростков. Теоретическое изучение этих пунктов позволило нам взглянуть на проблему буллинга более глубоко. Например, говоря об агрессии подростков, важно отметить что агрессивное поведение – норма для данного возраста. Оно также имеет ряд важных

функций, которые необходимы для более успешной социализации подростка. В норме агрессивное поведение – лишь способ избавиться подростка от его страхов и неуверенности, инструмент в отстаивании своих границ и интересов, а также способ адаптироваться в современном обществе. При этом ребенок научается самоконтролю, у него происходит развитие нравственных и моральных ценностей (Басс А., 2003). Сравнительный анализ особенностей буллинга в исследованиях отечественных и зарубежных авторов показал, что проявления буллинга связаны с полом участников и не столь прямо – с возрастом школьников. Так, мальчики используют физический буллинг, а девочки – косвенный (психологический) (Казанская В.Г., 2010); буллинг может проявляться в любом возрасте, при этом с возрастом возрастает интенсивность буллинг-агрессии (Аверьянов А. И., 2013). При этом национальность и этнос не являются основными причинами буллинга, исследования указывают на то, что причины многочисленны и индивидуальны для каждого конкретного случая (Воликова С.В., Нифонтова А.В., Холмогорова А.Б., 2013).

Эмпирическое исследование мы проводили в школе, где существуют классы как с повышенной учебной нагрузкой, так и с обычной. Классы с повышенной учебной нагрузкой в этой школе значительно превосходят по количеству учебных часов классы с обычной нагрузкой. Также в таких классах в зависимости от направления (точные науки, естественные науки, иностранные языки, словесность и т.д.) увеличивается количество различных предметов. Например, в классах естественно-научного профиля увеличено количество уроков биологии, географии и химии. Кроме того, добавляются дополнительные уроки (независимо от направления) по основному иностранному языку (английский, немецкий или французский).

Исследование состояло из трех этапов: получение педагогической оценки с проведением социометрии (параллельно шло наблюдение), проведение основных методик и методов, обработка и статистический анализ

полученных данных. В результате проведенного исследования мы получили следующие результаты:

- Лицеисты так же, как и обычные школьники, подвержены буллинг-агрессии. Это дало нам понимание того, что в группу риска может попасть абсолютно любой ученик, из любого класса, с любым развитием и жизненным анамнезом. Это показало важность профилактики буллинга в любых классных коллективах.
- Чем больше учеников имеют индивидуалистический и/или прагматический, т.е. не коллективистический, тип восприятия собственного класса, тем выше вероятность буллинга. Это также приводит к тому, что такие психологические признаки, как восприятие группы как помехи своей деятельности, уклонение от совместных форм деятельности, предпочтение индивидуальной работы, ограничение контактов, становятся нормой и воспринимаются как сами собой разумеющиеся. В нашем случае все буллеры, как из пятого, так и из седьмого классов, имеют именно такие типы восприятия своего класса.

По результатам исследования нами составлены антибуллинговые рекомендации. Таким образом, используя иностранный и собственный опыт, проведя собственное эмпирическое исследование с последующим статистическим анализом, мы создали рекомендации, которые могут быть использованы специалистами школ как основной или дополнительный к антибуллинговым программам материал. Но, по нашему мнению, останавливаться на достигнутом не стоит – данная проблема достаточно обширна и нуждается в дальнейших исследованиях.

Литература

1. Басс А. Концепция агрессии / враждебности / А. Басс, А. Дарки. - Екатеринбург: Феникс, 2003. – 585 с.

2. Воликова С.В., Нифонтова А.В., Холмогорова А.Б. Школьное насилие и суицидальное поведение детей и подростков / Вопросы психологии. – 2013 – №2 – С. 25-30.
3. Агрессия и буллинг в школьной среде. Исследование ВШЭ. [Электронный ресурс] – URL: <https://ypok.pf/discussion/526914.html> (дата обращения: 05.05.19).

**Психологические профили подростков группы риска
виктимизации среднего школьного возраста с учетом половой
принадлежности**

Афони́на Ю.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Булыгина В.Г.

Социальная и научно-практическая значимость изучения проблемы виктимизации в подростковом возрасте обусловлена динамикой показателей преступности в отношении несовершеннолетних. По данным Генеральной прокуратуры РФ, возрастает число преступлений, совершенных против подростков: с 2017 года на территории Российской Федерации совершено свыше 500 тыс. преступлений, из которых более 40 тыс. – в отношении несовершеннолетних, при этом 4,5 тыс. классифицированы как действия сексуального характера (официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ, 2019).

Противоправные действия, совершенные против несовершеннолетних, увеличивают риск нарушений эмоционально-волевой, потребностно-мотивационной сферы, искажений полоролевой идентичности и самосознания, формирования индивидуально-психологических особенностей, препятствующих успешной социализации. В сочетании с

неблагоприятными микро- и макросоциальными условиями перечисленные нарушения являются факторами или триггерами криминального и виктимного поведения у несовершеннолетних, формирования химических и нехимических зависимостей, беспорядочных половых связей, занятий проституцией, вступления в преступные группы, совершения правонарушений, в том числе и по умыслу других лиц (Булыгина В.Г., Афонина Ю.С., Казаковцев Б.А., Григорьева А.А., 2018; Стуколова Л.С., Волкова Н.С., 2016).

Были проанализированы результаты обследования 61 несовершеннолетнего, обучающихся в общеобразовательных школах г. Чехова, в возрасте от 12 до 15 лет ($n=61$). Средний возраст обследованных $13,57 \pm 2,70$.

В исследовании применен следующий **методический комплекс**. Опросники: «Опросник индивидуальных ценностей» (Шварц, 2013), «Исследование волевой саморегуляции» (Зверьков А.В., Эйдман Е.В.), для исследования уровня импульсивности (Лосенков В.А.); методики: модификации тела и самоповреждения (Польская Н.А., 2017), «Наркориск» (ПДО «Наркориск» Сыркин Л.Д. с соавторами, 2015), «Склонность к виктимному поведению» (Андронникова О.О., 2003); анкета, включающая социально-демографические данные по параметрам: «возраст», «пол», «семейное положение», «количество человек в семье», «вероисповедание», «собственная/съемная квартира», «отдельная комната», «проживание с прародителями», «материальное положение», «случаи суицидов в семье», «злоупотребление алкоголем», «злоупотребление наркотиками», «случаи насилия в семье», «частота конфликтов в семье».

Статистическая обработка данных производилась в программе IBM Statistics v20 с применением факторного анализа, таблиц сопряженности. Критерием статистической достоверности полученных результатов является общепринятая в психологии величина $p \leq 0,05$. Обследование проходило анонимно, бланки кодировались специальным образом.

По данным самоотчетов обследуемых проведен частотный анализ социально-демографических характеристик. Получены данные, свидетельствующие о том, что 33,9% обследуемых указывают на низкий материальный семейный доход (менее 10 тыс. рублей в месяц). Факты злоупотребления алкоголем в семье отмечены у 27,4% обследуемых, злоупотребления наркотиками – 1,6%. О насилии в семье свидетельствуют 8,1%, при этом у 11,3% обследуемых конфликты в семье возникают более 3-5 раз в неделю.

Между подростками мужского и женского пола был проведен сравнительный анализ социально-демографических, психологических переменных с применением критерия Манна-Уитни (Mann-Whitney (U)). По результатам критерия Манна-Уитни выявлены значимые различия ($p < 0,05$) между двумя группами подростков, а также различия на уровне тенденций ($p < 0,1$): на уровне статистической значимости у лиц женского пола чаще происходят конфликты в семье ($p = 0,026$), для них характерны более высокие показатели импульсивности ($p = 0,015$), нейтрального отношения к модификациям ($p = 0,041$) и суицидального поведения ($p = 0,025$).

На уровне тенденций у лиц женского пола выявлены факты злоупотребления алкоголем в семье ($p = 0,057$), наличия модификаций тела и самоповреждения ($p = 0,062$; $p = 0,053$).

Для определения значимых различий средних значений относительно всех количественных переменных между группами подростков применен однофакторный дисперсионный анализ. Подростков мужского пола характеризуют высокие значения переменных, отражающих уровень волевой саморегуляции ($p = 0,014$), настойчивости ($p = 0,018$) и самообладания ($p = 0,043$), при этом несформированность иерархии ценностей, смыслов и низким уровнем притязаний ($p = 0,074$). Также у подростков мужского пола средние значения по параметрам гиперсоциального поведения достоверно выше, чем у лиц женского пола ($p = 0,005$). У несовершеннолетних женского

пола получены результаты, свидетельствующие о преобладании зависимого беспомощного поведения ($p=0,031$).

Таким образом, несмотря на то, что по результатам обследования подростковый возраст является относительно благополучным, превентивные мероприятия по выявлению групп риска виктимизации должны быть направлены именно на эту возрастную категорию.

Литература

1. Андронникова О. О. Методика исследования склонности к виктимному поведению [Электронный ресурс]. – URL: spsi.narod.ru/5.htm (дата обращения: 06.05.2019).
2. Булыгина В.Г., Афолина Ю.С., Казаковцев Б.А., Григорьева А.А. Несовершеннолетние беременные как группа риска криминализации и виктимизации // Психическое здоровье. – 2018. – №3. – С. 46-52.
3. Официальный сайт Генеральной прокуратуры. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – апрель 2017 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://genproc.gov.ru/upload/iblock/454/Ежемесячный%20сборник%20июнь%202017%20с%20характеристикой%20вар%202.pdf> (дата обращения: 05.05.2019).
4. Падун М.А., Котельникова А.В. Методика исследования базисных убеждений личности // Лаборатория психологии и психотерапии посттравматического стресса ИПРАН. – М., 2007. – 15 с.
5. Пашукова Т. И., Допира А. И., Дьяконов Г. В. Психологические исследования: практикум по общей психологии для студентов педагогических вузов. – М.: ИПП, 1996. – 177 с.
6. Польская Н.А. Феноменология и функции самоповреждающего поведения при нормативном и нарушенном психическом развитии: дис. ... д-ра психол. наук: М., МГППУ, 2017. – 422 с.

7. Стуколова Л.С., Волкова Н.С. Психологические основы виктимности личности в юношеском возрасте // Символ науки. – 2016. – №7(2). – С. 24-126.
8. Сыркин Л.Д., Ляпин А.С., Зуйкова А.А., Сафронов А.И. Использование методики «Психодиагностический опросник «Наркориск» в социально-психологическом тестировании в образовательных организациях // Интернет-журнал «Мир науки». – 2016. – Т. 4. – № 1. – URL: <http://mir-nauki.com/PDF/20PSMN116.pdf> (дата обращения: 06.05.2019).
9. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 490 с.
10. Федорова Н.И. Виктимность жертв насильственных преступлений в сфере семейно-бытовых отношений и совершенствование мер предупреждения // Виктимология – 2014. – №1(1). – С. 45–50.

**Особенности представлений о семейных ценностях у девушек в
юношеском возрасте**

Бабаханова К.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель - Моисеева Л.П.

В настоящее время социокультурная среда создает условия для пересмотра традиционных представлений о семье. Можно наблюдать, как происходит изменение приоритетов в ценностных представлениях о семье у молодых людей. В молодежной среде представления о семейных ценностях часто не совпадают у девушек и юношей. Это приводит к нежеланию регистрировать отношения при совместном проживании молодых людей, и предпочтение отдается другим вариантам договоренности регулирования отношений. Совместное проживание, необремененное гражданской

ответственностью, приводит к тому, что процесс официальной регистрации отношений происходит в более позднем возрасте. Это подтверждает статистика, представленная данными Росстата. Доля заключенных браков, в которых невесте от 18 до 24 лет, в 2017 году составила 32 % от общего количества всех браков этого года. Это на 6 % меньше чем в 2013 году, поэтому можно отметить, что за последние 5 лет браки, в которых невеста в возрасте от 18 до 24 лет стали заключаться меньше (2013 – 38%, 2014 – 35%, 2015 – 34,5%, 2016 – 33%, 2017 – 32%) (Федеральная служба государственной статистики).

Популярность такой формы отношений, как сожительство, обусловлена социокультурными особенностями юношеского возраста и ранней молодости. Увеличение продолжительности периода получения образования и отсрочка начала профессиональной деятельности объясняют предпочтение молодыми людьми формы сожительства и отсрочки в принятии всей полноты ответственности за семью и воспитание детей. (Соловьева Е.А., 2018)

Форма совместной жизни во внебрачном союзе обеспечивает каждому партнеру определенную степень индивидуальной свободы, которую он может использовать в любой момент. Сожительство не влечет за собой никаких правовых последствий, партнеры не приобретают никаких взаимных прав и обязанностей. Законодательно урегулированы только родительские права и обязанности в отношении совместных детей. (Докукина Д.Д., Шумов П.В., 2017)

По мнению И.П. Лотовой, семейные ценности – это положительные и отрицательные показатели значимости объектов, относящихся к основанной на единой совместной деятельности общности людей, связанных узами супружества - родительства - родства, в связи с вовлеченностью этих объектов в сферу человеческой жизнедеятельности, человеческими интересами, потребностями, социальными отношениями.

Совпадение представлений о семейных ценностях у молодых людей является ключевым пунктом при выборе спутника жизни и определяет ценностную направленность их будущей семьи.

В данной работе был сделан акцент на категории ценностей связанные с супружеством, родительство и родством.

К ценностям супружества можно отнести такие основные ценности, как ценность брака, ценность равноправия супругов/ценность доминирования одного из них, ценности различных половых ролей в семье, ценность межличностных коммуникаций между супругами, отношений взаимоподдержки и взаимопонимания супругов.

Ценности родительства включают в себя ценность детей (многодетность или малодетность), а также ценность воспитания и социализации детей в семье.

К ценностям родства относятся ценность наличия родственников (например, братьев и сестер), ценность взаимодействия и взаимопомощи между родственниками, ценность расширенной или нуклеарной семьи. (Лотова И.П., 2015)

Для рассмотрения понятия «Семейные ценности» было проведено исследование, цель которого - изучение представлений о семейных ценностях у девушек в юношеском возрасте.

Объект: ценностные ориентации в области семейных отношений.

Предмет: представления о семейных ценностях у девушек в юношеском возрасте.

Гипотезы:

1. Девушки в юношеском возрасте в своих представлениях рассматривают для себя приоритетными из супружеских ценностей – равноправие супругов, из родственных – ценность нуклеарной семьи, из ценностей, относящихся к эмоциональной составляющей благоприятного внутрисемейного климата, – любовь, взаимопонимание и уважение.

2. Представления о семейных ценностях значимо не отличаются у девушек в юношеском возрасте в зависимости от места их проживания.

В исследовании приняли участие 40 человек, из них 20 студенток первого курса Рязанских и Тамбовских вузов и 20 студенток первого курса МГППУ. Все девушки в возрасте от 17 до 20 лет, не состоящие в браке.

Для проведения исследования были выбраны следующие методики и анкеты:

- Методика «Дифференциальная оценка отношений» А.Я. Волковой.
- Опросник «Ценностные ориентации в области семейных отношений», разработанный Центром социально-психологической помощи семье (Москва, 1984).
- Анкета «Семейные ценностные ориентации молодежи».
- Анкета о семейной ситуации в родительской семье, составленная исследователем.

В результате исследования было выявлено, что главными семейными ценностями для девушек выступают любовь, взаимопонимание, уважение, равноправие супругов и ценность нуклеарной семьи.

Девушки из регионов **готовы заключать брак с подходящим партнером вне зависимости от возраста и предпочитают находиться в официально зарегистрированных отношениях.** Для девушек из Москвы в приоритете стоит получение образования и самореализация, и только потом вступление в брачные отношения.

Девушки из Москвы не рассматривают отношения между своими родителями как образец построения своих собственных отношений с противоположным полом, что можно связать с их недостаточно благожелательной оценкой внутрисемейного климата в родительской семье, по сравнению с оценкой девушек из регионов. Среднее значение оценки внутрисемейного климата в родительской семье у девушек из регионов равно

67,7. У девушек из Москвы среднее значение по этому же критерию равно 55,4.

Девушки из обеих групп определяют границы своей семьи в рамках нуклеарной. **А остальные родственные связи не воспринимаются ими как наиболее важные при построении благоприятной семейной жизни.**

В целом по выборке представления о семейных ценностях значимо не отличаются у девушек в юношеском возрасте в зависимости от места их проживания. Это было доказано в процессе статистического анализа результатов по U - критерию Манна-Уитни. Значимыми различия являются лишь по шкале «Самовыражение личности». Из этого можно заключить, что личностное самовыражение как во внутрисемейном взаимодействии, так и в любых других сферах взаимоотношений, является более значимым для девушек из Москвы, чем для девушек из регионов.

Таким образом, исходя из всех результатов, обе гипотезы нашли свое подтверждение.

Полученные в данной работе результаты можно использовать при организации и проведении коррекционной и профилактической работы специалистами среди девушек подросткового и юношеского возраста, имеющих девиантные формы поведения, в частности, склонных к беспорядочным половым связям. Также данные результаты помогут в разработке коррекционно-развивающих программ для молодых людей обоих полов старшего подросткового и юношеского возраста с целью популяризации института семьи, формированию представлений у молодежи их роли во внутрисемейных отношениях в соответствии с современными социальными условиями.

Литература

1. Докукина Д.Д., Шумов П.В. Гражданский брак и незарегистрированный брак: проблема соотношения юридических понятий //

Актуальные вопросы права, экономики и управления – 2017. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29278399> (дата обращения: 31.03.2019).

2. Лотова И.П. Системный подход к изучению семейных ценностей в современном российском обществе Статистика и Экономика: электронный научный журнал. — 2015 — №5 — С. 62-66. — URL: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2015-5-32-40> (дата обращения: 14.02.2019).

3. Соловьева, Е. А. Психология семьи и семейное воспитание : учеб. пособие для вузов / Е. А. Соловьева. — М. : Издательство Юрайт, 2018. — 255 с.

4. Федеральная служба государственной статистики. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 07.02.2019).

Особенности смысловой сферы свидетелей буллинга подросткового возраста

Вакуленко А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

В данной работе мы постараемся описать особенности смысловой сферы свидетелей буллинга подросткового возраста. В 2019 году была опубликована статья Горловой И.Ю., Кузнецовой О.З. «Буллинг в образовательных учреждениях», в ней приводятся результаты анонимного опроса, которые показывают, что почти половина 48,7% опрошенных лично не сталкивались с травлей, примерно такое же количество опрошенных 45,72% сталкивались с буллингом в школе или в сети Интернет; 72,29% (почти $\frac{3}{4}$ респондентов) были жертвами буллинга или кто-либо из близких

подвергались травле (Горлова И. Ю., Кузнецова О. З., 2019). Это наглядно показывает распространенность травли и важность исследования данного феномена.

Цель работы состоит в выявлении и описании особенностей смысловой сферы подростков, являющихся свидетелями травли в школе.

Наиболее часто цитируемым ученым при изучении темы буллинга является психолог из Норвегии Олвеус Д., чье определение травли детей и подростков стало общепризнанным. Он пишет о том, что это умышленное, систематическое агрессивное поведение, содержащее неравенство социальной власти или физической силы (Olweus D., 1987). Проявляться буллинг может по-разному, он может быть разделен на такие виды, как прямой и косвенный. В свою очередь, прямой буллинг можно разделить на физический (применение физической силы на постоянной основе, порча вещей, отбирание денег) и вербальный (словесное унижение, поддразнивание и т.п.), а к косвенному относится социальное игнорирование, избегание, сплетни, заговоры, бойкоты, манипуляции. Стоит отметить, что данные проявления имеют некоторые особенности: они происходят на постоянной основе, умышленно и могут вариативно чередоваться.

В своей работе мы придерживаемся ролевой структуры травли, которую предложила О.Л. Глазман, где есть следующие фигуры: обидчик (инициатор), помощники, защитники, жертва(ы) травли, свидетели (наблюдатели) (Глазман О.Л., 2009). Д. Олвеус предлагал более подробную ролевую классификацию, но наиболее важным для нас является его положение о динамичности травли и выделение такого понятия, как «Круг буллинга».

Следует еще раз сделать акцент на том, что выстроенная система личностных смыслов и ценностей выполняет именно регулятивную функцию. «Проблема смысла – это последнее аналитическое понятие, венчающее общее учение о психике так же, как понятие личности венчает всю систему психологии» (Леонтьев Д.А., 2003). Мы понимаем смысл как

индивидуально-психологическое образование сознания, которое формирует отношение к любым другим сферам жизни человека. Смысловая сфера личности – это набор смыслов, выстроенных в единую систему, она выполняет регулирующую функцию в психической жизни человека.

В период подросткового возраста перед личностью впервые появляется такая цель, как личностное означивание мира, то есть происходит активное встраивание смыслов и ценностей в индивидуальную и неповторимую систему, которая подчеркивает направленность подростка и его уникальность, так как здесь перестраивается система «Я и Общество» (Почтарева Е. Ю., 2017). От того, как выстроена система в этот возрастной период, будет зависеть дальнейшее развитие личности. Перестройка смысловой сферы очень часто сопутствует возрастным кризисам и новообразованиям. Именно в подростковом возрасте большое значение имеет формирование ценностно-смысловой сферы, что впоследствии влияет на поведение подростка.

Основной гипотезой исследования послужило предположение том, что у подростков, являющихся свидетелями в ситуации буллинга, структура и содержание ценностно-смысловой сферы будет иметь качественные отличия. Выборка исследования состояла из 48 подростков в возрастном диапазоне 13-14 лет. В экспериментальную группу вошли 23 подростка, в контрольную – 25 подростков. Все участники исследования являются учащимися 7-8 классов общеобразовательных школ города Донецка (ДНР).

В исследовании использовались следующие методики: 1. Методика-опросник риска буллинга (ОРБ) (Бочавер А.А. и др.). Методика включает в себя 4 шкалы, две шкалы-предикторы (небезопасности, разобщенности) и две шкалы-антипредикторы (благополучия и равноправия) буллинга. Данная методика послужила инструментом для распределения выборки на экспериментальную и контрольную группы. Группа с высокими баллами по шкалам-предикторам является экспериментальной. В случае отсутствия таких баллов по шкалам-предикторам, и /или, напротив, с высокими баллами

по шкалам благополучия и равноправия, группа определялась как контрольная.

2. Методика, направленная на выявление «буллинг-структуры» (Норкина Е.Г.). Данная методика послужила инструментом для понимания ролей участников буллинга в экспериментальной группе и выделения непосредственно категории свидетелей буллинга. Было выделено 23 подростка, являющихся свидетелями травли в образовательной среде.

3. «Тест смысложизненных ориентаций» (адаптирован Д. А. Леонтьевым). Данная методика имеет в себе пять шкал (Цели в жизни, Процесс жизни, Результат жизни, Локус контроля - Я, Локус контроля – Жизнь) и общий показатель Осмысленности жизни.

В исследовании были получены следующие результаты.

Подростки, выступающие свидетелями в ситуации буллинга, имеют низкие баллы по субшкале «Процесс жизни», это может свидетельствовать о том, что подростки-свидетели травли неудовлетворены жизнью: воспринимают ее как неинтересную, в ней мало эмоционально положительной насыщенности. По шкале «Локус контроль-Я» у подростков-свидетелей буллинга также баллы значительно ниже, что может говорить о том, что данная категория подростков не верит в то, что они могут контролировать ситуации и то, что происходят у них в жизни.

Относительно результатов по субшкале «Локус контроль-жизнь» можно отметить, что подростки, находящиеся в ситуации буллинга и выступающие в условной роли свидетелей, имеют уверенность в том, что жизнь невозможно контролировать сознательно, и не имеет смысла что-либо планировать, так как человеку неподвластен контроль событий и свобода условна.

Таким образом, ситуация буллинга откладывает свой отпечаток на развитие личности не только на жертв и буллеров, но и на свидетелей травли. Содержание ценностно-смысловой сферы у подростков, являющихся свидетелями травли в школе, качественно отлично от подростков, не

наблюдающих ситуации травли в классе. Однако, следует отметить тот факт, что смысловая сфера должна исследоваться с учетом социальной ситуации развития. В данной работе выборкой являются жители территории, где существует военное положение. Данный факт мог оставить свой отпечаток на формировании смысловой сферы подростков, что имеет значение для оценки репрезентативности исследования. Для полного понимания особенностей смысловой сферы свидетелей буллинга в подростковом возрасте необходимо проведение аналогичного исследования смысловой сферы подростков в иных условиях.

Литература

1. Глазман О.Л. Психологические особенности участников буллинга // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – № 105. – С. 159-165.
2. Горлова И. Ю., Кузнецова О. З. Буллинг в образовательных учреждениях // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. – 2019. – Спецвыпуск №6. – URL: http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2019/S06/00665_1.pdf. -ISSN 2413-4066 (дата обращения: 07.05.2019).
3. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности /Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.
4. Почтарева Е. Ю. Ценностно-смысловая сфера личности: сущность, детерминанты, механизмы развития // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2017. – № 4 (32). – С. 563-575.
5. Olweus D. Bully/victim problems among school children in Scandinavia. /In J.P. Myklebust, R. Ommundsen (Eds.) – Oslo, 1987. – p. 395-413.

Факторы социальной дезадаптации у подростков с дисграфией

Дубинский А.А.¹, Ичмелян М.А.²

¹ – Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского Минздрава России (г. Москва)

² – Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Булыгина В.Г.

Трудности овладения письмом часто являются причиной снижения способностей к обучению, учебной мотивации и школьной дезадаптации. Нарушение навыков письма и чтения приобретает все большую распространенность среди подростков. А.Н. Корневым (2003) приводятся сведения о том, что в европейских школах, в среднем, около 10% детей имеют трудности с письмом и чтением. В отечественных исследованиях показано, что у 20-30% учащихся начальной школы имеются трудности в процессе формирования навыков письма, а у учеников 7-9 классов – в усвоении письменных навыков (Безруких М.М., Ефимова С.П., 1991). Помимо успешности обучения речевые нарушения влияют на самооценку подростка, его социализацию. Наиболее часто, среди подростков, встречается нарушение письменной речи – дисграфия, возникающая на фоне нарушений языкового анализа и синтеза, при которой наблюдаются замены букв, пропуски и перестановки букв и слогов, слияние слов.

Наличие коммуникативных нарушений у учащихся подросткового возраста обуславливает значимость изучения особенностей целенаправленного формирования коммуникативной компетентности. Эмпирическое исследование было проведено с *целью* изучения и выявления факторов нарушения коммуникативной компетентности и социальной дезадаптации у подростков с дисграфией.

Материалы и методы. В основную группу вошло 17 подростков с дисграфией в возрасте 12-17 лет (ср. возраст – 15,0 лет), в группу сравнения

– 46 подростков школьников в возрасте 13-15 лет (ср. возраст – 13,9 лет) без дисграфии.

Методический комплекс состоял из: 1) о. коммуникативных умений Л. Михельсона, диагностирующий выраженность компетентного, зависимого и агрессивного коммуникативного стиля; 2) о. Г. Айзенка (подростковая версия, 60 вопросов), включающий такие показатели, как экстраверсия-интроверсия, нейротизм-эмоциональная устойчивость и ложь; 3) о. личностной тревожности А.М. Прихожан (форма Б), включающий шкалы: магическая, межличностная, школьная, самооценочная тревожность; 4) о. Т. Ахенбаха (метод экспертных оценок), предназначенный для исследования особенностей поведения, отклоняющихся от принятых социальных норм (заполняли специалисты нейропсихологии); 5) стандартизованной методики исследования навыка чтения (СМИНЧ).

Статистическая обработка проводилась с использованием дескриптивной статистики, однофакторного дисперсионного анализа, корреляционного анализа r-Пирсона и кластерного анализа (метод k-средних). Критерием статистической достоверности выводов считалась величина $p \leq 0,05$.

Результаты и обсуждение

Подростки с дисграфией, по сравнению с подростками без дисграфии, значимо отличались выраженной школьной, самооценочной и межличностной тревожностью, низкой экстраверсией, зависимой коммуникативной позицией, низкой коммуникативной компетентностью. Наблюдаемыми нарушениями социальной адаптации у подростков с дисграфией являлись: тревожность, различные нарушения внимания и замкнутость.

В группе подростков с дисграфией наибольшее количество связей обнаружено с параметром «экстраверсия», который положительно взаимосвязан с соматическими проблемами, проблемами с мышлением и вниманием, тревожностью, нарушениями социализации, деликвентным и

агрессивным поведением, что можно связать с расторможенностью детей (что в опросниках оценивается как черты экстраверсии) с большим числом признаков социальной дезадаптации.

Показатель «нейротизм» положительно связан с самооценочной и межличностной тревожностью, агрессивным коммуникативным стилем, указывая на выраженную эмоциональную неустойчивость и агрессию при общении у подростков с дисграфией. Параметр «ложь» отрицательно связан с агрессивным стилем общения и самооценочной тревожностью. Показатель «соматические проблемы» отрицательно взаимосвязан с количеством пройденных букв и слов в методике СМИНЧ, отражая снижение когнитивных способностей при выраженных соматических нарушениях.

Далее были выделены 3 гомогенных профиля на обобщенной выборке подростков на основе параметров коммуникативных умений (кластерный анализ). Выявлено, что лица 1 кластера ($n=8$) отличались выраженностью зависимого коммуникативного стиля, низкой представленностью компетентного стиля общения. Им соответствовала выраженность всех компонентов личностной тревожности, интроверсия, высокая откровенность ответов (низкие показатели лжи).

Подростки 2 кластера ($n=28$) отличались средними значениями компетентного и зависимого коммуникативного стиля. У них преобладал агрессивный стиль общения. Выявлялись низкие значения школьной, межличностной и магической тревожности, высокая эмоциональная неустойчивость. Стоит отметить, что группа с признаками коммуникативных нарушений в виде агрессивных тенденций в общении была самой многочисленной, что отражает высокую встречаемость коммуникативных нарушений среди подростков и указывает на высокий риск их социальной дезадаптации.

У подростков 3 кластера ($n=27$) отмечались максимальные значения компетентного коммуникативного стиля и низкие значения зависимого и агрессивного стиля общения. В данной группе отмечались низкие значения

самооценочной тревожности, высокий уровень экстраверсии. Уровень лжи был самым высоким в этой группе, что указывает на тенденцию к социальной желательности ответов.

На заключительном этапе анализа выделены коммуникативные профили внутри группы подростков с дисграфией (кластерный анализ). Выделено 3 профиля (кластера). Выявлено, что у подростков с дисграфией, вошедших в 1 кластер ($n=6$), отмечались высокие значения агрессивного стиля общения и средние значения – зависимого и компетентного коммуникативного стиля. Им соответствовали высокие значения всех компонентов личностной тревожности и эмоциональная неустойчивость. На обобщенной выборке подростков агрессивному коммуникативному стилю соответствовали, наоборот, низкие значения тревожности. Что, в данном случае, указывает, скорее, на защиту в виде агрессивных реакций подростков с дисграфией, на фоне высокой тревожности, а не агрессии, как способа самоутверждения при низком уровне личностной тревожности среди общей, с преобладанием нормативной, выборки подростков.

У подростков с дисграфией во 2 кластере ($n=6$) выявлялись высокие значения компетентного стиля общения и низкие значения зависимого и агрессивного коммуникативного стиля. У них выявлен низкий уровень всех компонентов личностной тревожности, высокая экстраверсия, эмоциональная устойчивость, повышенные показатели лжи.

У подростков с дисграфией, включенных в 3 кластер ($n=6$), отмечалась выраженность зависимой коммуникативной стратегии при средней выраженности компетентного и агрессивного стиля общения. У них выявлены высокая самооценочная тревожность, высокие показатели интроверсии и низкие значения переменных «ложь», что в целом указывает на признаки низкой самооценки и избегание социального взаимодействия.

Таким образом, профили, выделенные как в обобщенной выборке подростков, так и внутри группы подростков с дисграфией, которые соответствовали компетентному и зависимому коммуникативному стилю,

были схожи относительно друг друга и характеризовались выраженностью компонентов личностной тревожности и особенностями темперамента.

Резюмируя, отметим, что выявленные особенности подростков с дисграфией указывают на наличие у них признаков социальной дезадаптации. Предрасполагающими для этого факторами являются: высокая личностная тревожность, агрессивный и зависимый стиль общения, замкнутость, нарушения внимания, выраженность соматического неблагополучия.

Литература

1. Корнев А.Н. Нарушения чтения и письма у детей – СПб.: Речь, 2003. – 330 с.
2. Безруких М.М., Ефимова С.П. Знаете ли вы своего ученика? – М.: Просвещение, 1991. – 176 с.

Связь мотивации достижения успеха и копинг-стратегий у подростков, занимающихся спортом

Ефимочкина К. М.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель - Дегтярёв А. В.

Одной из особенностей спортивной деятельности является постоянное нахождение спортсмена в состоянии высокого психического напряжения и стресса, устранить которое принципиально невозможно – это является одним из основных факторов достижения успеха, профессионального развития и установления новых рекордов.

Классификаций и подходов к изучению стратегий совладающего поведения было разработано множество, и единого взгляда на данную проблему пока не существует. В данной исследовательской работе была

использована наиболее известная модель копинг-стратегий, предложенная Р. Лазарусом.

По мнению исследователей, занимавшихся разработкой проблем психологии спорта (Г.Д. Горбунов, П.А. Рудик, Ю.М. Орлов, Х. Хекхаузен, Р. Уэйнберг и др.), мотивация достижения (её характер, уровень и содержание) является одним из самых существенных свойств личности. Мотивация служит основой для постановки и реализации целей. Это особое состояние личности спортсмена, когда происходит соотнесение собственных потребностей и возможностей с предметом спортивной деятельности.

В зарубежной и отечественной психологии учёные придерживаются разных подходов в отношении постановки и решения проблемы мотивации. Но несмотря на это, многие исследователи как зарубежной, так и отечественной школы сходятся во мнении, что мотивация составляет основу личности и определяет её поведение. В данной исследовательской работе была использована модель процесса мотивации деятельности, предложенная к.п.н. Т.О. Огородовой. Данная обобщающая модель состоит из четырёх основных блоков: эмоциональный, когнитивный, поведенческий и ценностно-целевой.

Таким образом, нам представилось интересным проследить наличие связи между двумя значимыми конструктами – уровнем мотивации достижения успеха и стратегиями совладающего поведения.

Целью исследования является выявление связи между совладающим поведением (копинг-стратегиями) и уровнем мотивации достижения успеха у подростков, профессионально занимающихся спортом. Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

- Рассмотреть современные представления о феномене мотивации достижения успеха в психологии.
- Описать основные механизмы совладающего поведения в подростковом возрасте.

- Выявить связь между особенностями мотивации достижения успеха и копинг-стратегиями у подростков, занимающихся спортом.

Объект исследования: личность в подростковом возрасте

Предмет исследования: связь мотивации достижения и копинг-стратегий у подростков, занимающихся спортом

Основной гипотезой исследования является предположение о том, что существует связь между копинг-стратегиями и уровнем мотивации достижения успеха.

Для уточнений основной гипотезы были выдвинуты дополнительные:

1. У подростков-спортсменов с высокой мотивацией достижения успеха преобладают проблемно-ориентированные, адаптивные копинг-стратегии;
2. У подростков, профессионально занимающихся спортом, преобладает высокий уровень мотивации достижения успеха.

Методы исследования:

1. Теоретический (анализ литературных источников, обобщение);
2. Эмпирический (психодиагностический метод);
3. Метод статистической обработки полученных данных.

Методики исследования:

1. Методика диагностики уровня мотивации личности на достижение успеха Т. Элерса;
2. Опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса (адаптация Психоневрологического института им. В. М. Бехтерева под руководством д. м. н. профессора Л. И. Вассермана)

Выборка:

В исследовании приняли участие 94 подростка в возрасте 14-15 лет. Контрольную группу составили учащиеся 8-9 классов ГБОУ школа №1534 г. Москвы в количестве 41 человек; экспериментальную группу – учащиеся 8-9 классов ГБОУ МСС УОР №2 Москомспорта в количестве 53 человек.

При исследовании копинг-стратегий значимые отличия между группами испытуемых были получены по 2 шкалам – дистанцирование и

принятие ответственности. Такие результаты можно объяснить, во-первых, особыми условиями проживания спортсменов – респонденты проживают отдельно от родителей, самостоятельно, часто вдали от дома; во-вторых, спецификой профессиональной деятельности, т.к. постоянное столкновение с чувством предстартового стресса и фрустрации способствуют развитию стратегии дистанцирования из-за необходимости сохранять «ясный ум» и спокойствие, уметь контролировать эмоциональную вовлеченность в ситуацию.

Статистический анализ результатов по методике Т. Элерса выявил значимые отличия в уровне мотивации достижения спортсменов и школьников. Такие показатели можно объяснить тем, что для исследуемой группы спортсменов достижение успеха в своей деятельности имеет приоритетное значение – от этого зависит вся дальнейшая спортивная карьера спортсмена. Спортсмены уже в подростковом возрасте знают цену успеха, что предполагает формирование высокого уровня мотивации достижения как личностной черты.

При анализе корреляционных связей была замечена интересная особенность – у школьников мотивация достижения имеет средний уровень выраженности и только одну положительную корреляционную связь со стратегией конфронтации. У спортсменов же мотивация достижения успеха имеет высокий уровень и три корреляционные связи со стратегиями совладающего поведения: конфронтация, принятие ответственности, избегание (обратная корреляционная связь). При этом мотивация достижения имеет положительную корреляционную связь со стратегией конфронтации в обеих исследуемых группах. Стратегия конфронтации нацелена на отреагирование негативных эмоций в связи с возникшими трудностями и проявляется в импульсивности поведения, конфликтности, враждебности, в трудностях планирования своих действий и прогнозирования их результата. Такие черты в поведении характерны для подросткового возраста и

проявляются независимо от специфики деятельности подростка. Связь мотивации достижения и копинга избегания обратная, а со стратегией принятия ответственности прямая, что позволяет говорить о наличии тенденций к преобладанию адаптивных стратегий совладающего поведения при высоком уровне мотивации достижения.

На основе полученных результатов можно сделать заключение о том, что занятия спортом влияют на развитие уровня мотивации достижения успеха, которое, по мнению многих ученых, необходимо для включения человека в жизненный мир. Также проведенное исследование поможет обратить внимание на занятия спортом и средства физического воспитания как на большой ресурс для развития психологических качеств, обеспечивающих жизненную адаптацию личности. В области юридической психологии полученные экспериментальные данные также могут быть использованы в таких направлениях деятельности психолога как реабилитация, коррекция и профилактика.

Литература

1. Дружинина Ю.А. Особенности совладающего поведения в подростковом возрасте // Омский научный вестник — 2012. – № 5. – С.172-176.
2. Кравцова Т.Г. Структура и динамика развития мотивации достижения успехов в юношеском возрасте : дис.... канд. психол. наук / Т.Г. Кравцова. – Хабаровск, 2003. – 126 с.
3. Огородова Т.В. Мотивация в подростковом спорте / Т.В. Огородова, А.А. Моисеева // Психология - наука будущего : материалы V Международной конференции молодых ученых, 28-29 ноября 2013 года, Москва / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко, Н.Е.Харламенковой, К.Б. Зуева. – М.: Институт психологии РАН, 2013. – С. 459-461.

4. Рассказова Е. И., Гордеева Т. О. Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы исследований // Психологические исследования: электрон. науч. журн. — 2011. — № 3. — С.4. — URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2011n3-17/493-rasskazova-gordeeva17.html> (дата обращения - 04.05.2019).

**Особенности копинг-стратегий у лиц юношеского возраста,
принадлежащих к субкультуре «рейверы»**

Калимуллина Л.Г.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Моисеева Л.П.

В настоящее время в России возрождается молодежная субкультура под названием «рейверы». Рейвер – это член молодёжной субкультуры, без определенных целей для самореализации, пристрастием которого является проведение времени в группе. Для удовлетворения потребности в переживании разнообразных эмоций представители данной субкультуры используют такие средства, как прослушивание музыки в стиле «техно» и выражение себя в танце. Посещение ночных вечеринок позволяет им погрузиться в мир, где отсутствует социальное давление, в мир упрощенных современных реалий. Это - способ забыть о взрослых бедах, заботах и переживаниях. В данной субкультуре имеется склонность к употреблению психоактивных веществ.

Объект исследования: стратегии совладающего поведения у лиц юношеского возраста, принадлежащих к субкультуре «рейверы».

Предмет исследования: особенности копинг-стратегий у лиц юношеского возраста, принадлежащих к субкультуре «рейверы».

Цель исследования: определить особенности копинг-стратегий у лиц юношеского возраста, принадлежащих к субкультуре «рейверы».

Гипотеза исследования:

У лиц юношеского возраста, принадлежащих к субкультуре «рейверы», преобладают непродуктивные копинг-стратегии.

В эмпирическом исследовании были использованы следующие методики: «Преодоление трудных жизненных ситуаций (ПТЖС). Опросник SVF120, В. Янке, Г. Эрдманн, адаптация Н. Е. Водопьяновой», опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, методика субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона.

Эмпирическое исследование проводилось в центре современного искусства «Винзавод», место сбора членов субкультур на площади Маяковского, в парке «Горка» на Китай-Городе и на базе государственного бюджетного общеобразовательного учреждения города Москвы «Школа № 1363» (корпуса 3, 4). Выборку составили 150 человек в возрасте от 15 до 17 лет в составе 3-х групп (представители субкультуры «рейверы» – 50 человек; представители субкультуры «скейтеры» – 50 человек; контрольная группа – юноши, которые не относятся к субкультурам – 50 человек).

По результатам методики «Преодоление трудных жизненных ситуаций» (ПТЖС). Опросник SVF120, В. Янке, Г. Эрдманн, адаптация Н. Е. Водопьяновой установлено:

1. У представителей субкультуры «рейверы» обнаруживается высокий уровень следующих копинг-стратегий: самоутверждение, поиск социальной поддержки, бегство от стрессовой ситуации и высокие баллы по шкале «заезженная пластинка», отражающей неумение отвлекаться мысленно, постоянно раздумывать над ситуацией.

2. У представителей субкультуры «скейтеры» высокий уровень копинг-стратегий такого рода: контроль над ситуацией, самоконтроль, бегство от стрессовой ситуации, «заезженная пластинка».

3. У лиц юношеского возраста, которые не относят себя к субкультурам, выявлен высокий уровень следующих копинг-стратегий: отвлечение, контроль над ситуацией, агрессия.

По результатам методики «Способы совладающего поведения» Лазаруса:

1. У представителей субкультуры «рейверы» высокий уровень копинг-стратегий: дистанцирование, поиск социальной поддержки.

2. У представителей субкультуры «скейтеры» высокий уровень копинг-стратегий: конфронтация, дистанцирование, принятие ответственности.

3. У лиц юношеского возраста, которые не относят себя к субкультурам, высокий уровень копинг-стратегий: планирование решение проблемы, положительная переоценка.

По показателю субъективного чувства одиночества выявлены следующие результаты испытуемых:

1. Выявлены низкие показатели значения одиночества у представителей субкультуры «рейверы» – 64 %.

2. Средние показатели одиночества у представителей субкультуры «скейтеры» – 50 %.

3. Высокие показатели одиночества у представителей контрольной группы, которая не относится ни к каким субкультурам – 48%.

В течение двух месяцев была проведена тренинговая программа «Познай себя с помощью арт-терапии», целью которой является самопознание, изучение своих внутренних ресурсов и потенциала, развитие коммуникативных навыков. Тренинг проходил один раз в неделю, проведено девять занятий. В тренинге участвовали две группы: представители субкультуры «рейверы» (13 человек) и группа лиц юношеского возраста, которая не относят себя к субкультурам (13 человек).

После тренинга была проведена повторная диагностика, с использованием указанных выше методик. Для проверки эффективности тренинга был использован статистический критерий Вилкоксона.

По результатам опросника «Преодоление трудных жизненных ситуаций (ПТЖС). Опросник SVF120, В. Янке, Г. Эрдманн, адаптация Н. Е.

Водопьяновой» у представителей субкультуры «рейверы» значимых различий между пробами в начале и конце тренингов не выявлено. У юношей, не относящихся к субкультурам, имеются значимые различия ($p < 0,05$).

У представителей субкультуры «рейверы» выявлены корреляционные связи между разными копинг-стратегиями и стратегиями совладающего поведения по методикам «Преодоление трудных жизненных ситуаций (ПТЖС). Опросник SVF120, В. Янке, Г. Эрдманн, адаптация Н. Е. Водопьяновой и «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Связь между копинг-стратегиями и стратегиями совладающего поведения (коэффициент корреляции Спирмена)

	Дистанцирование	Бегство/избегание	Планирование решения проблемы
Прием лекарств	-,305*	,298*	
Замещение		-,296*	
Контроль над ситуацией			-,305*

Заключение

1. У представителей субкультуры «рейверы» преобладает высокий уровень следующих копинг-стратегий: самоутверждение, поиск социальной поддержки, бегство от стрессовой ситуации, «заезженная пластинка».

2. Прием «лекарств» (психоактивных веществ) у «рейверов» является вариантом ухода от проблем, но позволяет получить контакты с другими людьми, при этом стратегию замещения они не используют.

3. У «рейверов» затруднена организация поведения, ощущение контроля над ситуацией не предполагает планирования действий.

4. Групповая коррекционная программа методами арт-терапии имеет низкую эффективность в группе «рейверов», так как значимые изменения выявлены только в группе лиц юношеского возраста, которая не относится к субкультурам (контрольной). Лица юношеского возраста, которые относятся к субкультуре «рейверы», имеют серьёзные деструктивные особенности, такие как употребление психоактивных веществ. Поэтому для них более эффективной будет комплексная работа различных специалистов (социальный педагог, клинический психолог, нарколог), направленная на повышение психологических ресурсов и адаптационных возможностей молодых людей, гармонизацию психического развития, реабилитацию и профилактику наркоманий и других форм зависимости от психоактивных веществ.

Литература

1. Логвинов И.Н., Логвинова М.И., Логвинова Т.И. Ценностные ориентации представителей современных молодежных субкультур досуговой и учебно-профессиональной направленности // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2014. – Т.26. – С. 236-240. – Режим доступа: <https://e-koncept.ru/2014/54797.htm> (дата обращения: 15.05.2019).
2. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ. – М.: Флинта, 2006. Серия: Библиотека зарубежной психологии. – 342 с.
3. Lazarus, R.S. Stress, appraisal, and coping. [Электронный ресурс] / R.S. Lazarus, S. Folkman, 1984. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/302391637_Stress_Appraisal_and_Coping (дата обращения: 15.05.2019).

Развитие психологической границы личности как фактор профилактики отклоняющегося поведения у подростков

Мишакова С.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Богданович Н.В.

В настоящее время разработка методов профилактики девиантного поведения среди подростков сохраняет свою востребованность и актуальность: одними из самых острых проблем в школах на данный момент являются популяризация суицидов и активное распространение наркотических средств среди учащихся. А так как дети стали гораздо больше времени общаться виртуально, а непосредственного, живого общения в их жизни становится значительно меньше, подростки нередко становятся крайне замкнутыми и закрытыми даже в отношениях со своими близкими. Подобная ситуация мешает своевременному выявлению у подростков нарушений психического здоровья и тяжелых эмоциональных состояний, что зачастую ведёт к серьезным и необратимым последствиям.

Целью нашего исследования являлось определение возможности развития психологической границы личности как фактора профилактики девиантного поведения у детей подросткового возраста.

В исследовании приняли участие 36 человек подросткового возраста (25 мальчиков и 11 девочек), выборка представлена учащимися седьмого класса средней общеобразовательной школы.

В качестве основного метода исследования использовался формирующий эксперимент, в рамках которого была проведена программа по развитию психологической границы личности.

Данная развивающая программы была нацелена на:

1. Отработку способности выражать себя, свои эмоции и чувства в окружающем мире.

2. Развитие самоконтроля поведения, эмоциональной устойчивости в ходе общения, отработка умений при необходимости сдерживать внутреннюю энергию.
3. Отработку умений просить о помощи, предъявлять и удовлетворять свои потребности при взаимодействии с другим человеком.
4. Развитие способности пропускать и не пропускать внешние воздействия в зависимости от состояния окружающей среды и актуальной ситуации.

Для оценки эффективности проведенной программы было проведено эмпирическое исследование в двух группах: экспериментальной и контрольной. Занятия проводились один раз в неделю в форме тренинга в течение 2,5 месяцев.

По итогам проведения развивающей программы были получены следующие данные:

1. По результатам статистического анализа на предмет значимых изменений по t-критерию Стьюдента для парных выборок в экспериментальной группе было выявлено значимое изменение ($p = 0,01$) по шкале социально обусловленное поведение в тесте склонности к девиантному поведению Леус Э.В.: после проведения программы ответы учащихся в диагностике стали более откровенными и искренними. А также значимое изменение ($p = 0,01$) по шкале аутоагрессивное поведение: после проведения тренинговой программы стремление причинить себе боль и/или физический вред в данной группе снизилось.

2. При сопоставлении данных до и после проведения программы в экспериментальной группе было выявлено значимое ($p = 0,05$) изменение по шкалам «проницаемая, вбирающая, отдающая функции» психологической границы личности согласно критерию Вилкоксона: после проведения развивающей программы в экспериментальной группе подростки стали испытывать большее доверие к окружающим, стали более уверенными в

себе, улучшилась способность корректно заявлять о собственных потребностях, а также выражать собственное Я при наличии для этого адекватных условий. Кроме того, согласно данному критерию после проведения программы в данной группе значимо ($p = 0,05$) снизились показатели по шкале спокойно-нейтральная функция границы, что может также свидетельствовать о увеличении искренности ответов подростков при повторной диагностике, а значит подростки стали более откровенно говорить о своём беспокойстве и неудовлетворённости, возникающих у них в определённых ситуациях.

3. Рассчитав коэффициент корреляции Пирсона, была выявлена связь ($p = 0,00$) между показателями «сдерживающая функция границы» и «агрессивное поведение» ($r = -0,427$). Таким образом, мы можем сделать вывод, что лучшая реализация сдерживающей функции психологической границы связана с меньшим проявлением агрессивного поведения, другими словами, развивая данную функцию, мы способствуем профилактике агрессивного поведения среди подростков.

При проведении исследования помимо опросников была использована рисуночная методика «Контур человека», характеризующая ситуативные психоэмоциональные состояния испытуемых. В экспериментальной группе до проведения программы, чаще всего использовались чёрные, зеленые и синие цвета, а после в рисунках преобладали белый и меньшее количество черного. Подобный результат свидетельствует о том, что в обеих выборках неудовлетворенность текущей ситуацией, упорство, настойчивость и потребность в эмоциональном спокойствии сменились на большую уравновешенность, склонность к размышлениям, спокойствие духа и более позитивный эмоциональный фон.

По итогам можно утверждать, что данная форма работы по развитию психологической границы личности является перспективной для её использования в профилактической и коррекционной деятельности среди подростков.

Литература

1. Леви Т.С. Пространственно-телесная модель развития личности // Психологический журнал – 2008. – Том 29 – №1 – с. 23-33.
2. Леви Т.С. Динамика психологических границ в процессе личностно-развивающей работы, основанной на телесном движении // Культурно-историческая психология. – 2009. – № 1. – С. 36–41.
3. Миронов Д.Д. Сущность понятия «Девиантное поведение подростков» // Вестник ЧГПУ. – 2016. – №10. – С.70-74. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-ponyatiya-deviantnoe-povedenie-podrostkov> (дата обращения: 19.03.2019).
4. Сахарова Н.А., Щукина Ю.В. Феномен «психологические границы личности» в психологии / Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна» –2014 – №– 3 – С. 1-9.

Социальные установки подростков, склонных к аддиктивному поведению

Новокрещенова Г.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Власова Н.В.

Проблема аддиктивного поведения в современном обществе приобретает все большую значимость и является одной из самых актуальных в психологической науке и практике. Несмотря на многообразие профилактических мер, предпринимаемых в настоящее время как на уровне государства, так и на уровне отдельных специализированных организаций темпы роста и распространения аддиктивных форм поведения химического и нехимического характера не снижаются. Это несет реальную угрозу

физическому, эмоциональному, моральному и психическому здоровью детей и молодежи.

В отечественных исследованиях аддиктивное поведение рассматривают как форму девиантного поведения, которая характеризуется формированием зависимости от объекта, условий или отношений (Менделевич В.Д, 2007).

Для изучения аддиктивного поведения как социально-психологического явления большое значение имеет анализ особенностей подросткового возраста, так как именно в этот период предшествующий социальный опыт трансформируется в личностные особенности, способствующие влиянию на выбор подростком той или иной формы отклоняющегося или социально одобряемого поведения. Установка формирует привлекательный образ и положительное эмоциональное отношение подростка к тому или иному предмету аддикции, то есть формирует психологическую готовность проявлять аддиктивные формы поведения.

Исследования показывают, что в подростковом возрасте чаще всего встречаются такие формы аддиктивного поведения как табакокурение, алкоголизация, наркомания, компьютерная аддикция, интернет-аддикция, пищевая аддикция, адреналиномания и другие (Власова Н.В., Новокрещенова Г.А., 2019). Основным мотивом поведения подростков, склонных к аддиктивному поведению, является непреодолимое желание уйти от невыносимой реальности окружающего мира и чаще всего этому способствуют внутренние причины, такие как переживание неуспешной учебы, постоянных ссор и конфликтов с родителями, учителями и сверстниками, которые впоследствии приводят к чувству одиночества, утрате смысла жизни. Все это и определило выбор темы проведенного исследования.

Цель исследования: выявить особенности социальных установок подростков, склонных к аддиктивному поведению.

Гипотеза исследования: социальные установки подростков, склонных к аддиктивному поведению, отличаются направленностью на реализацию эгоистических потребностей, стремлением к самоутверждению и свободе от социальных ограничений.

Материалы и методы исследования: обследованы 91 обучающийся средней общеобразовательной школы г. Москвы в возрасте 13–14 лет. Склонность к зависимому поведению у подростков выявлялась по методике Г.В.Лозовой, которая позволяет диагностировать склонность к 13 видам аддикций, а также показывает общий уровень склонности к аддиктивному поведению. По данным, полученным по указанной методике, были сформированы 3 группы подростков, которые имеют значимые различия в общем показателе склонности к аддиктивному поведению. Социальные установки изучались с помощью методики О.Ф. Потемкиной «Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» и методики Д.А. Леонтьева «Тест смысла жизненных ориентаций».

Согласно результатам проведенного исследования, система социальных установок у подростков с высоким и средним уровнем склонности к аддиктивному поведению характеризуется направленностью на «процесс жизни», ориентацией «на свободу и власть». В тоже время система социальных установок у подростков с низким уровнем склонности к аддиктивному поведению отличается направленностью на «результат в жизни» и «ориентацией на труд».

Также можно отметить, что подростки с низкой склонностью к аддиктивному поведению обладают большей уверенностью в своих поступках, осмысленностью целей в жизни и способностью к решению поставленных перед собой задач. Они больше ориентируются на социальные нормы и трудовую деятельность.

Для подростков со средним и высоким уровнем склонности к аддиктивному поведению характерна направленность на самоутверждение и

свободу от социальных ограничений, связанных со следованием общепринятым нормам. Они стараются контролировать окружающих, предъявляя к ним завышенные требования, и в своих действиях ориентируются только на собственные интересы. В любой деятельности они стремятся к получению удовольствия. Им важно, чтобы занятие было интересным и увлекательным, а над достижением поставленных целей они мало задумываются. Подростки со средним и высоким уровнем склонности к аддиктивному поведению характеризуются направленностью на удовлетворение собственных желаний и потребностей, а отсутствие четких личных целей приводит их к ориентации на свободное времяпрепровождение и развлечения. Они стремятся к самоутверждению в обществе путем отрицания и нежелания соблюдать принятые нормы и правила.

При формировании аддиктивного поведения значительно страдают социальные и духовные потребности, а основополагающими становятся материальные, направленные только на удовольствие потребности. Устанавливаются эмоциональные отношения с неодушевленными предметами, а отношения с окружающими теряют свою значимость, становятся поверхностными. Аддиктивная направленность постепенно искажает и вытесняет истинные человеческие ценности. (Власова Н.В., 2014.)

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась. Можно констатировать, что социальные установки подростков с разным уровнем склонности к аддиктивному поведению имеют значимые различия. Для подростков со средним и высоким уровнем склонности к аддиктивному поведению характерна направленность на гедонистические ценности. Они стремятся получать как можно больше сиюминутных удовольствий, ничего не планируя на будущее, низко оценивают свои возможности, ценность и потенциал своей жизни, характеризуются как люди, живущие сегодняшним или вчерашним днем. При этом у них наблюдаются признаки неудовлетворенности жизнью как в прошлом, так и в настоящем (Новокрещенова Г.А., 2018). Свою личную жизнь и окружающую среду

такие подростки воспринимают как «скучную», «обыденную», «серую». Подростки с высоким уровнем склонности к аддиктивному поведению с трудом находят в реальной действительности какие-либо сферы деятельности, способные привлечь их внимание, увлечь и вызвать эмоциональный отклик. И зачастую только после употребления различных психоактивных веществ или погружения в виртуальный мир они достигают чувства удовлетворенности, эмоциональной насыщенности и радости.

Результаты проведенного исследования можно использовать при составлении профилактических и коррекционных программ по предупреждению и разрешению проблем, связанных с аддиктивным поведением в подростковом возрасте.

Литература

1. Власова Н.В. Психологический аспект исследования интернет-зависимого поведения подростков.// Актуальные проблемы и перспективы развития современной психологии. – Саранск, 2014. – №1. – С.49-54.
2. Власова Н. В., Новокрещенова Г. А. Сравнительный анализ ценностных ориентаций подростков с разными видами аддиктивного поведения// Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2019. – Т. 24 – № 4(79). С. – DOI: 10. 24411/1999-6241-2019-14001.
3. Менделевич В.Д. Руководство по аддиктологии / Под ред. проф. В.Д. Менделевича. – СПб.: Речь, 2007. – 768 с.
4. Новокрещенова, Г. А. Ценностные ориентации подростков с аддиктивным поведением // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. – М.: МГППУ, 2018. – С. 185-187.

Когнитивные и личностные особенности у несовершеннолетних беременных и юных матерей

Орлова К.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель - Делибалт В.В

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения ежегодно в мире 16 миллионов девушек в возрасте от 15 до 19 лет становятся матерями (Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения, 2019). Причинами этого феномена исследователи называют повышение сексуальной активности подростков, раннее начало половой жизни, неблагоприятные социальные условия, др. Актуальность данного исследования заключается в том, что в пространстве отечественной психологии отмечаются дефициты работ, посвященных изучению личностной незрелости и когнитивных искажений у несовершеннолетних беременных и юных матерей. Таким образом, целью нашего исследования является описание и обобщение когнитивных и личностных особенностей юных матерей.

Объектом исследования выступает феномен ювенильного материнства, предметом являются когнитивные и личностные особенности у юных матерей. Гипотезой нашего исследования послужило предположение о том, что возможно выделить специфические психологические особенности в виде когнитивных искажений и компонентов личностной незрелости у юных матерей. А именно: 1) могут наблюдаться такие когнитивные ошибки, как “эффект статуса-кво”, “сверхообщение”, “наклеивание ярлыков”; 2) проявления личностной незрелости в виде трудностей саморегуляции, поверхностности смысловой сферы, низкого чувства ответственности.

В нашем исследовании участие приняли 32 испытуемых женского пола в возрасте от 15 до 21 года. Средний возраст девушек в

экспериментальной группе – 17.9, в контрольной – 18.3. Экспериментальную группу составили 10 участниц - воспитанниц специализированного дома ребенка “Маленькая мама”, семеро из которых являются мамами детей в возрасте от 9 месяцев до 3х лет, а трое из них находятся на последних неделях беременности. Контрольная группа представлена 12 учащимися 11 класса ГБОУ города Москвы “Школа № 1363” и 10 студентками 1 и 3 курсов факультета Юридической психологии МГППУ.

Исследование проводилось с помощью следующих психодиагностических методик: «Опросник когнитивных ошибок» Е.С. Иванова, Е.М. Ратникова; опросник “Многомерно-функциональная диагностика ответственности” В.П. Прядейна; методика исследования волевой саморегуляции А.Г. Зверьков, Е.В. Эйдман; тест смысловых ориентаций Д.А.Леонтьева. Полученные нами количественные результаты комплекса методик были обработаны в программе SPSS с помощью применения U критерия Манна-Уитни.

Гипотеза нашего исследования в отношении наличия когнитивных ошибок “Эффект статуса-кво”, “Сверхообобщение”, “Наклеивание ярлыков” у экспериментальной группы не подтвердилась. В отношении феномена личностной незрелости гипотеза статистически не подтверждается, однако, обнаруживаются значимые различия в смысловых ориентациях между экспериментальной и контрольной группами. Таким образом, гипотеза о личностной незрелости юных мам подтверждается частично.

Причинами полученных нами результатов могут выступать особенности жизненного пути девушек и их социальная ситуация развития, низкий уровень рефлексивности девушек. Отдельно необходимо принимать во внимание возможность пониженной чувствительности применяемых нами методов, а также вероятность того, что причинами ювенильной беременности являются другие психологические характеристики.

Литература

1. Здоровье матерей, новорожденных, детей и подростков [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения URL: https://www.who.int/maternal_child_adolescent/topics/maternal/adolescent_pregnancy/ru/ (дата обращения: 7.04.2019).

Характеристика самоповреждающего поведения подростков с разным уровнем социальной тревоги

Платонова И.Д.

Северо-Восточный федеральный университет

(г. Якутск)

Научный руководитель - Алексеева П.С.

Изменения во всех индивидуальных и личностных структурах ребенка подросткового возраста приводят к изменениям поведения и эмоциональной сферы подростка. Для подростка характерна повышенная эмоциональность, возбудимость, чувствительность и низкий самоконтроль, также критичность, потребность в самоутверждении, в самосовершенствовании. Приобретая характер личностного смысла, они могут привести к различным рискованным действиям и поступкам.

Самоповреждающее поведение охватывает спектр различных действий, целью которых является снятие дистресса, оно тесно связано с половозрастными, психологическими и социальными факторами [1, 2]. Самоповреждающее поведение - это поведение, направленное на намеренное нанесение себе телесного вреда, характеризующееся малой вероятностью суицидальной направленности: порезы, проколы и расчесывание кожи, самоожоги, удары по телу и твердым поверхностям. С точки зрения Н.А. Польской, самоповреждение объединяет в себе неосознаваемые и

сознательные действия. Оно прямо направлено на повреждение тела и не прямой вред здоровью (Польская Н.А., 2014а).

Как показывают исследования Т. Джойнера, частые акты самоповреждения понижают чувствительность к боли и тем самым повышают вероятность появления суицидального поведения (Польская Н.А., 2014б).

Мы предполагаем, что уровень социальной тревоги, испытываемый подростками, влияет на выраженность самоповреждающего поведения.

Цель: выявить связь выраженности социальной тревоги и самоповреждающего поведения у подростков.

Объект исследования – подростки 15-17 лет.

Предмет исследования – самоповреждающее поведение.

В исследовании приняли участие 69 школьников. 43% - представители женского пола, 57% - мужского пола.

Эмпирическое исследование осуществлено с помощью следующих методик: Опросник социальной тревоги и социофобии Сагалакова О.А., Труевцев Д.В.; Шкала причин самоповреждающего поведения Польской Н.А.

Обработка полученных в ходе эмпирического исследования данных проводилась в статистическом пакете SPSS ver.22. Для оценки достоверности различий использовались U-критерий Манна – Уитни, H-критерий Краскела-Уоллеса.

В результате получилось следующее распределение выборки по уровню социальной тревоги: невыраженная социальная тревога - 5% детей, промежуточная зона - у 26%, умеренно повышенная социальная тревога - 23% школьников, повышенный уровень социальной тревоги - 13%, у высокий уровень социальной тревоги - 23% детей, клиническая социофобия - 10% школьников.

Промежуточная зона (26%) – это зона между социальной смелостью во многих ситуациях оценивания и эпизодическими проявлениями социальной тревоги в экспертных ситуациях оценивания (формальных и/или интимно-личностных). В этой зоне преобладают мальчики.

Умеренно повышенная социальная тревога (23%) – это значит, что в ситуации сильного стресса у человека выраженность социальной тревоги может увеличиваться. Значимых различий по половому составу нет.

Высокая социальная тревога (23%), тенденции к избеганию социальных ситуаций, сильное напряжение при участии в специфических социальных ситуациях, вероятно декомпенсация в значимых ситуациях критики, потенциально негативного оценивания. По критерию «пол» преобладают девочки.

Существуют достоверные различия между показателями социальной тревоги у девушек и юношей на уровне значимости $p=0,05$. Подростки женского пола показывают более высокие уровни переживания социальной тревоги.

Распределение средних значений проявления актов самоповреждения по каждой экспериментальной группе показывает следующие результаты.

У подростков промежуточной зоны среднее значение проявления актов самоповреждающего поведения в данной группе равняется 15,8. Наибольшее количество утвердительных ответов были получены по таким показателям самоповреждающего поведения, как обкусывание губ, обкусывание ногтей, также расчесывание кожи, сквыривание болячек.

В группе подростков с умеренно повышенной социальной тревогой – 18. Часто используют обкусывание ногтей, прикусывание щек или языка, обкусывание губ.

У подростков с высоким уровнем переживания социальной тревоги количество актов самоповреждения равно 21,7. Используются такие акты, как обкусывание губ, расчесывание кожи, обкусывание ногтей, прикусывание щек или языка, удары по собственному телу, удары по твердой поверхности, выдергивание волос.

Между показателями самоповреждающего поведения у школьников и уровнем социальной тревоги существует статистически значимая связь. Корреляция значима на уровне $p=0,01$

Результаты исследования показывают, что основными видами самоповреждения подростков являются обкусывание губ, ногтей, расчесывание кожи.

Ранжирование мотивов самоповреждения у девочек показывает, что чаще всего девочки прибегают к самоповреждающему поведению, чтобы успокоиться, взять себя в руки, избавиться от плохих мыслей, освободиться от всего плохого внутри, не чувствовать душевной боли, почувствовать облегчение и т.д. Ранговая последовательность у мальчиков - чтобы взять себя в руки, успокоиться, избавиться от плохих мыслей, стать лучше.

Литература

1. Амбрумова, А.Г. К вопросу о саморазрушающем поведении подростков / А.Г. Амбрумова, Е.Г. Трайнина // Саморазрушающее поведение у подростков. – Л., 1991. – С. 29–36.
2. Польская Н.А. Причины самоповреждения в юношеском возрасте (на основе шкалы самоотчета) // Консультативная психология и психотерапия. – 2014. – № 2 (81). – С.140–152.
3. Польская Н.А. Структура и функции самоповреждающего поведения // Психологический журнал – 2014. – Т. 35. – № 2. – С. 45–56.

Пресуицидальное состояние несовершеннолетних: когнитивный аспект

Пономарева Е.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Проблема изучения когнитивного компонента пресуицидального состояния несовершеннолетних в настоящий момент является актуальной. По результатам анализа электронных ресурсов Web of Science Core Collection и Elibrary, наблюдается дефицит публикаций на указанную тему. Это выражается в том, что на ресурсе Elibrary из 304 публикаций, найденных по запросу «когнитивные искажения», 5 были посвящены суициду среди подростков. А на ресурсе Web of Science из 72497 статей, найденных по запросу «suicide» за все время, 10 рассматривало когнитивные искажения у несовершеннолетних. Следовательно, обозначенная проблема требует более подробного рассмотрения со стороны исследователей.

Объектом исследования стало пресуицидальное состояние, а **предметом** – когнитивный компонент пресуицидального состояния несовершеннолетних.

Целью стало выявление и описание маркеров когнитивного компонента пресуицидального состояния.

Были сформулированы **задачи** исследования:

1. Описать феномен пресуицидального состояния, понятие «суицидальное поведение» и подходы к их изучению.
2. Раскрыть компоненты пресуицидального состояния.
3. Рассмотреть психологические особенности несовершеннолетних и специфику пресуицидального состояния у подростков.
4. Систематизировать подходы к изучению когнитивного компонента суицидального поведения и когнитивного маркера пресуицидального состояния.

5. Обобщить и проанализировать особенности когнитивного компонента пресуицидального состояния несовершеннолетних.

Гипотеза: существуют характеристики, описывающие когнитивный компонент пресуицидального состояния несовершеннолетних, а именно – наличие когнитивных искажений и выраженность сверхобобщающего стиля автобиографической памяти. Они оказывают влияние на процесс принятия решения в стрессовой ситуации, сужая диапазон доступных альтернатив.

Для выработки представления о когнитивном компоненте пресуицидального состояния мы изучили работы Г.С. Банникова, который отдельно обращал внимание на этот компонент, описывая маркеры пресуицидального состояния (Банников Г.С., 2013); и концепцию А. Бека, выделившего 5 факторов уязвимости, влияющих на развитие суицидального кризиса на фоне стресса (Wenzel A.A., 2008).

В ходе анализа литературы были выделены следующие положения.

Когнитивные схемы – гипотетические когнитивные структуры, которые помогают людям организовать и осмыслить стимулы, с которыми они сталкиваются каждый день. Кроме этого, и сами стимулы оказывают влияние на эти схемы (Wenzel A.A., 2008). А. Бек отмечает, что существуют схемы характерные для психических расстройств, свойственные суицидальному кризису (они активируются под влиянием стрессовых факторов и усиливают искаженную обработку информации), но их наличие не является достаточным для появления суицидального поведения. Более определяющее значение имеют суицидальные схемы, базовым компонентом которых является ситуативное чувство безнадежности, возникающее также в контексте стрессовой ситуации. В совокупности с искаженной обработкой информации оно влияет на возникновение суицидальной идеации.

Когнитивные искажения – эволюционно сложившиеся «систематические ошибки в ходе мыслительного процесса (в противовес случайной ошибке, вызванной невежеством)» (Мозжухина Ю.Н., 2017). Это одна из форм искаженной обработки информации. Считается, что существует

2 системы обработки информации: система 2-го типа – «медленная», осознаваемая, предполагающая использование умственных усилий для решения сложных задач; и система 1-го типа – «быстрая», автоматизированная, менее ресурсоемкая, предполагающая быстрое принятие решений или оценку (в том числе, эмоциональную) ситуации. Соответственно, из-за недостатка критичности и осознанности именно эта система подвержена влиянию когнитивных искажений (Канеман Д., 2014). В теориях, посвященных изучению суицидального поведения, наиболее часто встречается такое когнитивное искажение, как дихотомическое мышление.

В рамках исследования депрессивных расстройств (следует уточнить, что депрессивное состояние соотносится с возникновением суицидальных мыслей) обращалось внимание на сверхобобщающий стиль автобиографической памяти, для которого характерны трудности в извлечении информации о конкретных событиях (однократные события, длящиеся не более 1-го дня), происходивших в жизни (Van Daele T., 2014). В свою очередь, обобщенные воспоминания включают категорию одинаковых повторяющихся событий, а также событий, имеющих длительную протяженность во времени (более 1-го дня). Такой стиль памяти снижает вариативность альтернативных выборов в специфической ситуации.

Представленные особенности процессов мышления оказывают влияние на возникновение пресуицидального состояния. Это специфическое состояние человека, обуславливающее проявление суицидального поведения, зависящее, от актуальной стрессовой ситуации; наличия факторов суицидального риска, отражающих уровень сформированности суицидальных намерений; депрессивного состояния и чувства безнадежности (авторское определение). Следует отметить, что на актуализацию пресуицидального состояния в подростковом возрасте оказывают влияние возрастные факторы: активное формирование психических процессов (главным образом, мышления), копинг-стратегий (наиболее интенсивное развитие – 7–11 лет, далее – увеличение количества

продуктивных копинг-стратегий), неадекватное восприятие своей смерти (сформированность указанного понятия на абстрактном уровне, при этом отрицание собственной уязвимости).

Выводы:

1. Подростковый возраст характеризуется периодом активного формирования копинг-стратегий и неадекватным восприятием своей смерти. Для суицидального поведения свойственна более низкая вариативность адаптивных копинг-стратегий.

2. Когнитивные особенности пресуицидального состояния оказывают влияние на поведение и эмоциональную оценку стрессовой ситуации, что в совокупности увеличивает вероятность проявления суицидального поведения.

3. В качестве характеристик когнитивного компонента пресуицидального состояния были рассмотрены когнитивные искажения (в большей степени, дихотомическое мышление) и сверхобобщающий стиль автобиографической памяти.

Заключение. Было выделено несколько предположений о специфике когнитивного компонента пресуицидального состояния несовершеннолетних.

А. Бек указывает, что когнитивные искажения имеют характеристики детского мышления по Ж. Пиаже. Можно предположить, что здесь имеется в виду мышление на уровне конкретных операций. Соответственно, допускается, что молодые люди (от 12 лет) имеют задержки в переходе к формально-логическим операциям или по какой-то причине не используют гипотетико-дедуктивное мышление, рассуждая на более низком уровне, при поиске способов справиться со стрессовой ситуацией.

Так как для суицидального поведения характерно сужение вариативности доступных копинг-стратегий, можно допустить, что у молодых людей от 12 лет указанный механизм не до конца сформирован.

Литература

1. Банников Г.С. Кризисные состояния абонентов Телефона доверия: вопросы диагностики и психологической помощи [Электронный ресурс] / Г.С. Банников, А.В. Ермолаева // Психологическая наука и образование [www.psyedu.ru](http://psyedu.ru). – 2013. – № 4. – С. 34–46. – Режим доступа: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n4/65710.shtml (дата обращения: 04.05.2019).
2. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро / Д. Канеман. – М.: АСТ, 2014. – 653 с.
3. Мозжухина, Ю.Н. Когнитивные искажения как свойство поведенческих моделей // Проблемы педагогики. – 2017. – № 9. – С. 22–25.
4. Overgeneral autobiographical memory predicts changes in depression in a community sample / T. Van Daele et al. // Cognition and Emotion. – 2014. – Vol. 28, № 7. – P. 1303–1312. – doi: 10.1080/02699931.2013.879052.
5. Wenzel, A. A cognitive model of suicidal behavior : theory and treatment / A. Wenzel, A.T. Beck // Applied and preventive psychology. – 2008. – Т. 12. – № 4. – P. 189–201. – doi: 10.1016/j.appsy.2008.05.001.

**Оценка эффективности психолого-педагогической программы для
родителей с детьми до трёх лет
в ГБОУ «школа №1564»**

Сковычева О.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Гарифулина Э.Ш.

В связи с Распоряжением правительства РФ № 1375-р от 6.07.18 "Об утверждении плана основных мероприятий до 2020 г., проводимых в рамках Десятилетия детства", в котором намечено сделать доступным дошкольное образование 100% детей до 3 лет, возросла актуальность проблемы

адаптации детей раннего возраста к детскому саду. Ниже приводятся результаты оценочного исследования программы ранней социализации, за основу которой взята психолого-педагогическая программа Е.В. Ларечиной “Счастливый малыш” (Ларечина Е.В., 2015). Психологическая поддержка облегчает малышам и родителям переход от домашнего воспитания к воспитанию в условиях детского сада и является профилактикой насильственных родительских практик в ответ на протестное поведение ребёнка, проходящего через кризис отделения.

Оценка программ помогает повысить их качество, обосновать необходимость их продолжения и\или корректировки, выйти на тиражирование опыта (Кузьмин, 2009). В государственных образовательных учреждениях (ГБОУ) недостаточно распространены адаптационные программы для детей с родителями и практика оценки их результатов.

Цель исследования: оценка эффективности психолого-педагогической программы для родителей с детьми раннего возраста в ГБОУ «Школа №1564».

Задачи исследования:

1. Проанализировать современные теоретико-методологические подходы к проведению оценки программ в сфере детства.
2. Разработать теорию изменений и логическую модель исследуемой программы для изучения её проектной логики и оценки её результатов.
3. Разработать инструментарий для оценочного исследования данной программы.
4. Провести оценочное исследование программы и проанализировать его результаты.
5. Сформулировать рекомендации по повышению эффективности программы, целесообразности её продолжения и тиражирования опыта.

Объект исследования: оценка эффективности социальных программ в сфере детства.

Предмет исследования: оценка эффективности психолого-педагогической программы для родителей с детьми раннего возраста ГБОУ «Школа №1564».

Теоретико-методологические основания исследования: теория программной оценки (А. Кларк, Д. Мертенс, Б. Уильямс, Р. О'Салливан, А.И. Кузьмин, Н.А. Кошелева), культурно-исторический подход (Л.С. Выготский, М.И. Лисина, Д.Б. Эльконин), методология качественных и количественных исследований (Н.П. Бусыгина), клиент-центрированный подход в игровой терапии (В. Экслейн, Г. Лэндрет, Л. Х. Макэлрит, Т.Х. Эйзенштадт), методология групповой работы с детско-родительскими парами (Е.В. Ларечина, К. Пакеринг)

Вопросы, поставленные перед оценочным исследованием:

1. Обоснована ли логика программы?
2. Каковы потребности целевой группы и её ожидания от программы?
3. Что им нравится в программе и что хотелось бы изменить?
4. Используют ли родители и дети практики, которым научились на занятиях, в повседневной жизни дома?
5. Какие изменения родители связывают с участием в программе?
6. Видят ли сотрудники детского сада разницу между детьми и родителями, прошедшими данную программу, и не проходившими её?

Методы и методики:

-теоретическое моделирование

-полуструктурированное интервьюирование 10 матерей, 3 сотрудников ГБОУ «Школа №1564», которые работают с детьми, прошедшими программу и 3 экспертов в области реализации детско-родительских программ

- опрос 25 родителей, завершивших программу в этом году и в предыдущие годы

- структурированное наблюдение 10 детско-родительских пар в процессе занятий.

При подборе системы кодировочных категорий для наблюдения за малышами (привязанность, забота, указывание, делёжка, согласие с

правилами, активный протест, агрессия) мы опирались на исследования Э. Э. Вейл (Приводится по Бусыгина, 2017. С. 259-262), а коды поведения для наблюдения за родителями взяты из методики «Направляемой ребёнком интеракции» (НРИ): отражение, имитация действий ребёнка, похвала, угрозы, физическое наказание (Макэлрит Л.Х., Эйзенштадт Т.Х., 2000). Анализ интервью проводился с помощью феноменологического анализа и контент-анализа, к данным опроса и наблюдения применялся статистический анализ.

Наиболее существенные результаты исследования:

Разработаны теория изменений и логическая модель программы для родителей с детьми раннего возраста ГБОУ «Школа №1564», а также гайд интервью родителей, сотрудников ОУ, экспертов и анкета для обратной связи о влиянии программы для родителей.

Получено насыщенное описание жизненной ситуации благополучателей, их ценностей, потребностей и ожиданий от программы.

Получено мнение о программе экспертов в области реализации детско-родительских программ.

Результаты опроса родителей показали, что 91,7% малышей стали ощущать себя комфортнее в детском саду, 79,2% улучшили навык поддержания порядка, 87,5% повысили умение следовать правилам, 91,7% стали лучше общаться с другими детьми.

В отношении себя 87,5% родителей отметили повышение уровня понимания ребёнка, 83,3% улучшение умения договариваться с ребёнком, 81,1% родителей отмечают, что благодаря программе им стало легче ограничивать нежелательное поведение ребёнка, 95,8% расширили репертуар совместных занятий.

По результатам наблюдения, у малышей значительно возросли проявления просоциального и саморегулируемого поведения на 42,4%, а проявления агрессии и несогласия с нормами снизились на 24,7%. Родители в конце программы стали на 33,8% чаще проявлять конструктивные

способы взаимодействия и на 21,3% реже использовать критику, угрозы и физическое наказание.

Анализ результатов интервью и опроса позволил сделать выводы о целесообразности продолжения программы и внедрения накопленного опыта в практику других ГБОУ, а также сформулировать рекомендации по дополнению программы лекциями по психологии развития и воспитания, упражнениями на телесное взаимодействие детско-родительских пар и совместное творчество.

Практическая значимость исследования:

Результаты оценочного исследования программы для родителей с детьми раннего возраста ГБОУ «Школы № 1564» в форме отчета по оценке с практическими рекомендациями представлены администрации ОУ.

Дизайн оценочного исследования может быть использован для мониторинга и оценки других программ для родителей с детьми дошкольного возраста.

Литература

1. Бусыгина Н.П. Качественные и количественные методы исследований в психологии: учебник для бакалавриата и магистратуры / Н.П. Бусыгина. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – 423 с.
2. Выготский Л.С. Лекции по педологии. – Ижевск: Издательский дом "Удмуртский университет", 2001. – 304 с.
3. Ларечина Е.В. Развивающие занятия для родителей и детей. Психолого-педагогическая программа "Счастливый малыш" для детей (2-3 года). – СПб.: Речь, 2015. – 172 с.
4. Макэлрит Л.Х., Эйзенштадт Т.Х. Семейная игровая психотерапия в работе с детьми, имеющими отставание в развитии. //Сборник под ред. Шефер Ч., Лоис К. – СПб.: ПИТЕР, 2000. – 384 с.

5. Оценка программ: методология и практика. / Под ред. А.И. Кузьмина, Р. О'Салливан, Н.А. Кошелевой. – М.: Издательство «Престо-РК», 2009. – 396 с.
6. Пакеринг К. Зрелое родительство // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2018 – № 1. – С. 94–103.
7. Теория изменений: общие рекомендации к применению (из опыта БДФ «Виктория») / А.И. Кузьмин, Н.А. Кошелева. – М.: Изд-во «Проспект», 2014. – 69 с.

Интернет-ресурсы

Страница проекта «Тёплый дом» для мам с младенцами в трудной жизненной ситуации.

https://www.otkazniki.ru/programs/programma-profilaktika-sotsialnogo-sirotstva/proekt_teplyy_dom/ (дата обращения: 02.05.2019).

Страница проекта «Семья на пороге перемен» для принимающих семей.

<http://np.perekrestok.info/istoriya-proektov/semya-na-poroge-peremen/> (дата обращения: 02.05.2019).

Центр ранней социализации «Зелёная дверца» для детей до 3-х лет и их родителей.

<http://www.gdoor.narod.ru/details1.htm> (дата обращения: 12.05.2019).

Особенности ксенофобских установок у подростков при семейном и интернатном типах воспитания

Сорокина Ю.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Дозорцева Е.Г.

В настоящее время одной из важнейших проблем социальной политики Российской Федерации является урегулирование межэтнических отношений. Люди все чаще обращаются к факторам, которые могут отличать

их от других: традициям, ценностям, религии. В результате возникает боязнь утраты идентичности и принадлежности к собственной общности, а зачастую и враждебности окружения.

По данным ТАСС от 2018 года, в России было совершено более 1,2 тысяч преступлений на почве нетерпимости по отношению к людям другой национальности и религии. Преступления, связанные с усилением процессов миграции, отмечаются и в других странах мира, в частности, во Франции, Нидерландах, Венгрии. Приведенные данные являются подтверждением того, что ксенофобия – общественная проблема, которая требует изучения и поиск эффективных способов её преодоления.

Наиболее уязвимой частью общества к проявлению ксенофобии считаются подростки. Период подросткового возраста характеризуется недостаточной сформированностью социальных установок, неустойчивостью эмоциональных процессов, внушаемостью по отношению к сверстникам, повышенной социальной активностью, что при определенных условиях может способствовать развитию и укреплению ксенофобских установок у подростка. Чаще всего ксенофобия начинает формироваться уже в детском возрасте под влиянием ксенофобских установок одного либо обоих родителей. Формирование стереотипов у ребенка в интернатном учреждении зависит от установок педагогического сообщества, которое окружает ребенка и транслирует ему общественные нормы.

Проблема ксенофобии в подростковом возрасте требует глубокого изучения и актуализирует необходимость диагностики для разработки профилактических рекомендаций преодоления ксенофобии на этапах ранней социализации при разных типах воспитания.

Целью нашего исследования являлось выявление особенностей ксенофобских установок у подростков при семейном и интернатном типах воспитания для разработки рекомендаций родителям и воспитателям. В качестве частной задачи предполагалось определить связи ксенофобских

установок с индивидуально-психологическими особенностями подростков (агрессивностью) и уровнем их самооценки.

На основе анализа литературы по проблеме подростковой ксенофобии (Апанасюк Л.А., 2013, Гурина О.Д., 2013, 2016; Дозорцева Е.Г., Маланцева О.Д., 2010 и др.) нами была сформулирована гипотеза о том, что при семейном типе воспитания ксенофобские установки подростков имеют большую распространенность и выраженность, чем при интернатном. Для ее проверки было проведено эмпирическое исследование, выборку которого составили 84 подростка в возрасте $12\pm 1,15$ лет (42 мальчика, 42 девочки) из них 42 человека воспитывались в семье, 42 человека – в интернате. Группы были уравнены по полу и возрасту.

В исследовании использовались следующие методики: «Шкала мнений» О.Д. Гуриной (2013) для оценки выраженности ксенофобских установок; опросник А. Басса – М. Перри для определения склонности к агрессии; Шкала самооценки Т.В. Дембо – С.Я. Рубинштейн.

В результате исследования было выявлено наличие ксенофобских установок в обеих группах. При этом подтверждается выдвинутая нами гипотеза: отмечается существенное различие ($p < 0,05$) между группами в проявлении и степени выраженности ксенофобских установок со значимо более высоким их уровнем при семейном типе воспитания ($75,16\pm 2,31$), чем при интернатном ($68,07\pm 1,16$).

Для понимания психологических причин различий между двумя группами по степени выраженности ксенофобии, были проведены дополнительные исследования самооценки и агрессивности (включая ее различные компоненты) у подростков этих двух категорий. Нами были установлены различия между группами подростков при семейном и интернатном типах воспитания в проявлениях самооценки ($U=0,012$), склонности к физической агрессии ($U=0,044$), гневу ($U=0,046$) и враждебности ($U=0,033$).

Обнаружена прямая статистически значимая связь ($p < 0,05$) между ксенофобскими установками и показателями враждебности, а также обратная – с показателями самооценки. Между индивидуальными особенностями и ксенофобскими установками подростков нами были установлены корреляционные связи: показатели ксенофобских установок испытуемых и величина самооценки связаны обратной корреляционной зависимостью ($-0,360^{**}$ на уровне значимости $p < 0,05$) - иначе говоря, чем ниже показатель самооценки, тем большее проявление имеют ксенофобские установки; по сравнению с параметрами «Гнев» и «Физическая агрессия» показатель враждебности имеет более сильную ($0,275^{**}$ на уровне значимости $p < 0,05$) прямую корреляционную связь с выраженностью ксенофобских установок. Следует отметить, что данное исследование обладает рядом ограничений: нами не учитывалось место проживания в мегаполисе (Москва) и небольшом городе (г. Гагарин); не проводилось уравнивание групп подростков по интеллектуальному уровню.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в возможности внедрения ряда рекомендаций для педагогов и психологов для профилактики ксенофобии у подростков, в особенности в семейной среде. Полученные данные позволяют выделить группы риска в этом отношении. Целесообразно проведение скрининговых исследований для определения уровня ксенофобских установок у подростков, а также выраженности индивидуально-психологических характеристик, облегчающих их проявление. К таким характеристикам относятся враждебность и низкая самооценка. С подростками группы риска, проживающими как в семьях, так и в условиях интерната, могут быть проведены психокоррекционные занятия, при разработке которых следует учесть результаты данного исследования.

В дальнейшем проблема ксенофобии при различных типах воспитания может быть исследована на более глубоком уровне, с учетом иных социальных условий (проживание в различных типах городов) и индивидуальных характеристик (например, уровень интеллекта).

Литература

1. Апанасюк Л.А. Преодоление проявлений ксенофобии в молодежной среде: социокультурный подход // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – №4 (120). – С. 284–287.
2. Гурина О.Д. Методика диагностики ксенофобских установок у подростков // Молодые ученые – столичному образованию. Материалы XII городской научно-практической конференции с международным участием. – М.: МГППУ, 2013. – С. 268–270.
3. Дозорцева Е.Г., Маланцева О.Д. Психологические особенности подростков, склонных к ксенофобии // Психологическая наука и образование. – 2010. – № 2. – С. 44–53.

Признаки агрессивности у молодых пользователей социальных сетей

Старцева Е.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дозорцева Е.Г.

В современном обществе большое количество людей, особенно несовершеннолетних, большую часть времени проводят в интернет-пространстве, где проживают жизнь, самореализуются, развиваются и выстраивают взаимоотношения. Современный интернет обладает неоспоримыми преимуществами, наряду с которыми существуют и значительные риски: интернет-аддикции (синдром интернет-зависимости), «опасные» материалы, кибербуллинг.

Основным объектом исследования в работе выступает агрессивность подростков. В качестве предмета выделяются признаки агрессивности пользователей социальных сетей подросткового возраста.

Целью исследования является выявление признаков агрессивности у пользователей социальных сетей подросткового возраста. Одна из задач состояла в определении гендерных особенностей таких признаков.

Агрессивные тенденции подростков проявляются не только в их непосредственных действиях, но и в характере самопрезентации в социальных сетях. Мы предполагаем, что в качестве признаков самопрезентации, свидетельствующих об агрессивных тенденциях подростков, выступают агрессивный характер изобразительного материала-фотографий, рисунков (изображение драк, сцен насилия, угроз, подчеркнутых признаков силы и маскулинности), высказывания (личные и цитаты, в которых подчеркивается значение агрессии, силы, угроз, превосходства; употребление агрессивной лексики).

Выборка исследования составила 69 человек, обучающихся в 8-9 классах (34 мальчика и 35 девочек). Материалом исследования были аккаунты подростков, входящих в выборку, в социальной сети «ВКонтакте», а также результаты их психодиагностического обследования. На доступ к аккаунтам и проведение обследования было получено разрешение подростков.

Основным методом исследования был контент-анализ материалов аккаунтов подростков в социальных сетях. Для анализа был выделен ряд признаков, характеризующих самопрезентацию подростков. Наличие тех или иных признаков могло служить индикатором склонности к девиантному, в том числе агрессивному, поведению, либо ее отсутствия. Для выделения таких индикаторов устанавливалась связь всей совокупности признаков с показателями склонности подростков к девиантному и агрессивному поведению по результатам психодиагностики и экспертной оценки преподавателей. Для опроса подростков использовались опросник «Склонность к отклоняющемуся поведению» (А.Н. Орел), индивидуально-типологический детский опросник (ИТДО, Л.Н. Собчик), опросник Басса – Перри (в адаптации С.Н. Ениколопова и Н.П. Цибульского). Выраженность

агрессивного поведения подростков оценивалась независимо тремя педагогами по 4-балльной шкале, результатом была средняя оценка для каждого подростка. Для обработки данных применялись описательные и непараметрические методы математической статистики (коэффициент корреляции Спирмена).

В результате корреляционного анализа выявлены статистически значимые связи ($p < 0,05$) между такими признаками аккаунтов подростков, как «агрессия в высказываниях», «агрессия в изображениях», «общее агрессивное впечатление», и такими параметрами психодиагностики, как агрессивность (ИТДО), физическая агрессия (опросник Басса-Перри), склонность к аддиктивному поведению, слабый волевой контроль, склонность к делинквентному поведению (все - СОП), а также с оценкой учителей агрессивного поведения подростков. Кросскорреляции показателей аккаунтов выявили также отрицательные связи между признаками агрессии и такими параметрами, как «изображения природы», «образы животных». Последние также имеют отрицательные корреляции с показателями склонности к агрессии и девиантному поведению по результатам психодиагностики и экспертной оценки.

Сравнение результатов в гендерных группах парадоксальным образом обнаружило более высокий потенциал девиантного поведения у девочек по сравнению с мальчиками. При этом по данным опросника Басса-Дарки, склонность к физической агрессии больше выражена у мальчиков, а к гневу и враждебности – у девочек. По результатам методики СОП девочки в большей степени, чем мальчики, склонны к преодолению норм и правил, делинквентному и аддиктивному поведению. Анализ содержания личных страниц в социальной сети также демонстрирует определенные различия между полами. Девочки чаще имеют закрытую страницу и используют псевдоним. Агрессивные высказывания девочек имеют более общий характер, в то время как у мальчиков чаще агрессивные тенденции наблюдаются в комментариях с конкретным обращением. Несмотря на

присутствие у части девочек достаточно выраженной склонности к агрессии, именно девочкам как гендерной группе свойственно присутствие в аккаунтах изображений природы и животных, связанных с низкой агрессивностью, что для мальчиков нехарактерно.

Криминологические данные демонстрируют уменьшение подростковой преступности за последние 10 лет. Вместе с тем, девиантное, в том числе агрессивное, поведение подростков перемещается в интернет-пространство. Выявление признаков агрессивной самопрезентации подростков в аккаунтах в социальных сетях, поможет специалистам (учителям, психологам) вести с подростками более целенаправленную профилактическую работу.

Ценностные ориентации школьников и отношение к правовым нормам

Хаустова О.Ю.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Коноплева И.Н.

Правовое государство, в котором мы живем, требует от своих граждан высокого уровня развития правосознания и отношения к правовым нормам как к одной из главных жизненных ценностей. Ценностное отношение к праву формируется достаточно рано и оформляется уже в подростковом возрасте. Низкий уровень развития правосознания подростка несет угрозу стабильности общества, способствует его криминализации. Отношение к правовым нормам нужно у подростков целенаправленно формировать, а для этого необходимо сначала изучить особенность правосознания подростков в связи с ценностными ориентациями.

Цель исследования – выявить особенности ценностных ориентаций и правового сознания школьников 6-7 классов.

Для подтверждения **гипотезы** о том, что 1) ценностные ориентации связаны с правовым сознанием школьников; 2) существуют гендерные различия в ценностных ориентациях и правовом сознании у школьников, было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 50 школьников в возрасте 12-14 лет (22 мальчика и 28 девочек).

Исследование осуществлялось с помощью методик: 1) диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности (С.С. Бубнов); 2) ценностные ориентации М. Рокича; 3) смысложизненные ориентации Д. Крамбо и Л. Махолик (адаптация Д.А. Леонтьева); 4) отношение к праву (Д.С. Безносков).

Результаты диагностики обрабатывались с помощью коэффициента корреляции Спирмена и критерия статической значимости различий U Манна-Уитни в программе IBM SPSS-Statistics (V. 24).

Результаты исследования

Были обнаружены следующие взаимосвязи между ценностями и компонентами правового сознания школьников.

Прямые взаимосвязи между ценностями и показателями правового сознания:

– «приятное времяпрепровождение, отдых» и правовой нигилизм (чем больше выражена ценность отдыха, тем более выражено отрицание значимости права и его способности регулировать общественные отношения);

– «приятное времяпрепровождение, отдых» и правовой скептицизм (чем больше выражена ценность отдыха, тем более выражено критическое, недоверчивое отношение к праву, сомнение в возможности правовой системы исправить недостатки общества).

– «высокое материальное благосостояние» и правовой реализм (чем больше выражена ценность материального благосостояния, тем сильнее положительное отношение к закону, праву, т.е. признание права как регулятора общественных отношений);

– «признание и уважение людей» и правовой конформизм (чем более выражена ценность признания и уважения людьми, тем сильнее выражено стремление бездумно выполнять правила, законы);

– «высокий социальный статус и управление людьми» и правовой цинизм (чем более выражена ценность высокого социального статуса и управления людьми, тем более выражено недоверчивое отношение к праву);

– «образованность» и правовой реализм (чем больше выражено реалистичное, положительное отношение к праву, тем значимее ценность образованности);

– «познание» и правовой фетишизм (чем сильнее выражена ценность «познание» (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие), тем более выражено поклонение и уважение правовых норм);

– «поиск и наслаждение прекрасным» и правовой нигилизм (чем сильнее выражена эстетическая ценность, тем более выражено отрицание ценности права).

Обратные взаимосвязи между ценностями и показателями правового сознания:

– «приятное времяпрепровождение, отдых», «высокое материальное благосостояние» и правовой конформизм (чем больше выражены ценности отдыха и материального благополучия, тем менее выражено бездумное подчинение законам);

– «признание и уважение людей» и правовой нигилизм (чем значимее признание и уважение людей, тем более выражено обесценивание права);

– «красота в природе и искусстве» и правовой реализм (чем сильнее выражена эстетическая ценность, тем хуже отношение к праву);

– «развитие» и правовой инфантилизм (чем значимее для школьника личностное развитие, тем меньше выражено мнение, что в современном обществе можно обойтись без знания правовых норм);

– «жизненная мудрость» и правовой цинизм (жизненная мудрость связана для подростков со стремлением сознательно соблюдать правовые нормы);

– «нетерпимость к недостаткам», «ответственность» и правовой инфантилизм (чем больше выражено представление, что без знания правовых норм нельзя прожить в обществе, тем сильнее выражены ценности нетерпимости к недостаткам и ответственности);

– «эффективность в делах» и правовой конформизм (чем меньше выражено стремление бездумно следовать правовым нормам, тем важнее быть эффективным в делах);

Были обнаружены следующие взаимосвязи между показателями смысложизненных ориентаций и правового сознания:

– «цели в жизни» положительно коррелируют с правовым реализмом и отрицательно – с правовым нигилизмом, инфантилизмом, фетишизмом, конформизмом, скептицизмом, идеализмом.

Цели в жизни характеризуют наличие целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Если у школьника эти цели есть, то он обладает правовым реализмом, т.е. положительно относится к праву и понимает его значимость в обществе. Он не отрицает значимость права, не идеализирует его, не пытается придать ему мистическое значение, не стремится бездумно следовать правилам, адекватно доверяет праву (нет скепсиса);

– «процесс жизни» отрицательно связан с правовым скептицизмом и цинизмом.

Процесс жизни показывает, насколько сама жизнь интересна школьнику и наполнена для него смыслом. Чем интереснее, эмоциональнее жизнь у школьника, тем менее у него выражено скептическое и циничное отношение к праву и закону;

– «результат жизни» отрицательно связан с правовым нигилизмом и положительно – с правовым реализмом.

Результат жизни – удовлетворенность самореализацией. Чем выше удовлетворенность жизнью у подростка, тем более выражено реалистичное отношение к праву и менее выражено стремление обесценить значимость права в жизни людей;

– «локус контроля» и «осмысленность жизни» отрицательно связаны с правовым конформизмом, цинизмом, фетишизмом, инфантилизмом, идеализмом.

Чем более выражено у школьника представление о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и задачами («локус контроля»), чем выше осмысленность жизни, тем менее выражены у него поклонение праву; бездумное следование и поклонение правилам; мнение, что можно прожить без знания правовых норм; представление, что право исправит все проблемы в обществе; отрицание значимости права в обществе;

– «осмысленность жизни» отрицательно связана с правовым скептицизмом.

Были выявлены статистически значимые различия между мальчиками и девочками по такому компоненту правового сознания как правовой реализм, а также по ценности материального благополучия и по удовлетворенности самореализаций. У мальчиков ценность материального благополучия более выражена, правового реализма больше, удовлетворенность самореализацией выше (показатель «результат жизни»).

Выводы

1. Чем выше осмысленность жизни, чем более выражено представлению о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и задачами, тем лучше развито правовое сознание школьника 12-13 лет.

2. Наличие цели в жизни, видение перспектив в будущем коррелирует с развитым правовым сознанием у подростков 12-13 лет.

3. С более низким правосознанием школьника связаны ценности – приятное времяпрепровождение и отдых, познание, красота, признание и уважение людей, высокий социальный статус и управление людьми.

4. С более высоким правосознанием подростка связаны ценности – жизненная мудрость, развитие, ответственность, нетерпимость к недостаткам, материальное благополучие.

5. У мальчиков правовой реализм выше, ценность материального благополучия более выражена, чем у девочек в возрасте 12-13 лет.

Литература

1. Джелилова С.И. Формирование правового сознания подростков: содержание и технологии // Гуманизация образования. – 2015. – № 4. – С. 98-103.
2. Нижних И.К. Структура ценностного отношения личности к нормам права // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. №– 8. – С. 18-21.

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Психологические особенности личности несовершеннолетних осужденных с различными типами акцентуаций характера

Авагян С.К.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

Черты характера индивида как правило проявляются в различной степени. При наличии у человека чрезмерно усиленных черт, возникает акцентуация характера. Акцентуация характера в целом очень влияет на развитие личности и при неблагоприятных условиях, нарушает адаптацию индивида к социальной среде.

Как отмечают специалисты (К. Бартол, Е.В. Ермасов, В.Ф. Пирожков, С.Б. Пономарев, М.Е. Сандамирский, А.М. Чириков, В.И. Петров), несовершеннолетние осужденные, отбывающие наказание в ВК, зачастую находятся в состоянии пенитенциарного стресса. Такой стресс возникает у осужденных из-за ограничения свободы и личного пространства; изменения социального статуса; жесткой регламентации жизнедеятельности. В таких случаях, важна диагностика акцентуаций характера, которые под воздействием психотравмирующих факторов могут переходить в патологическое состояние.

Сотрудникам ВК необходимо знать индивидуальные особенности характера несовершеннолетних осужденных и типичные формы их реагирования в условиях лишения свободы, для того чтобы прогнозировать варианты их поведения и выбирать правильные формы воздействия на них с целью воспитания и ресоциализации.

Целью проведенного нами исследования являлось выявление степени распространенности различных типов акцентуаций характера несовершеннолетних осужденных и их взаимосвязь с видом совершенного преступления, с помощью применения таких эмпирических методик диагностики как анкетирование, тест Леонгарда-Шмишека «Методика изучения акцентуации характера» и тест МПДО (по Личко).

Группу испытуемых составили несовершеннолетние осужденные – воспитанники одной из ВК ФСИН Центрального Федерального округа (N=30). Из них 15 лет – один человек, 16 лет – восемь человек, 17 лет – семнадцать человек, 18 лет – четыре человека). По характеру совершенного преступления: осужденные за насильственные преступления (ст.105, ст.131, ст.132 УК РФ) составили 30%; и за корыстные преступления (ст.158, ст.161, ст.163, ст.228 УК РФ) – 70%.

В результате анализа полученных данных по тесту К. Леонгарда – Н. Шмишека «Методика изучения акцентуации характера» (К. Леонгард, 1989) мы выяснили, что у 43% обследованных несовершеннолетних осужденных имеются акцентуации характера. Рассмотрим наиболее распространенные акцентуации характера.

Эмотивный тип (у 13% несовершеннолетних осужденных). Несовершеннолетние осужденные склонны концентрироваться на пережитом, чувствительны к замечаниям, неудачам, вследствие чего чаще находятся в печальном настроении.

Циклотимный тип (у 13% несовершеннолетних осужденных). Высокие показатели по этому типу свидетельствуют о ярких и частых сменах двух фаз (подъема и упадка внутренних сил) у несовершеннолетних осужденных.

Дистимический тип (у 7% несовершеннолетних осужденных). Высокие показатели по этому типу свидетельствуют о пониженном настроении, сосредоточенности на плохих сторонах жизни и заторможенности нервных процессов у несовершеннолетних осужденных.

Педантичный тип (у 3% несовершеннолетних осужденных). Высокие показатели по этому типу свидетельствуют о негибкости мышления у несовершеннолетних осужденных. Негибкость мышления оказывает деструктивное влияние на их совместную деятельность с окружающими.

Демонстративный тип (у 3% несовершеннолетних осужденных). Высокие показатели по этому типу свидетельствуют о стремлении несовершеннолетних осужденных постоянно быть на виду и привлечь к себе внимание.

Экзальтированный тип (у 3% несовершеннолетних осужденных). Несовершеннолетние осужденные склонны проявлять эмоциональные крайности. На некоторые события и поступки окружающих они способны реагировать излишне открыто.

В результате анализа полученных данных по тесту МПДО (по Личко, 2019) выявлено, что 67% обследованных несовершеннолетних осужденных отвечали искренне, из них у 27% присутствует акцентуация характера. Преобладающими акцентуациям у них являются:

Гипертимный тип (у 13% несовершеннолетних осужденных). Несовершеннолетним осужденным с данным типом акцентуации легко переносить условия отбывания наказания. Но у них отсутствует самокритичность, вследствие чего иногда могут терять грань дозволенного, не реагировать на замечания и игнорировать наказания.

Астено-невротический тип (у 7% несовершеннолетних осужденных). Накопившееся раздражение по любому поводу могут излить на других людей, которые просто оказались рядом, и столь же легко могут раскаиваться. Они требуют к себе терпения и искреннего сочувствия.

Неустойчивый тип (у 7% несовершеннолетних осужденных). Несовершеннолетние осужденные данного типа слабовольные, быстро поддающиеся влиянию других людей. За ними нужно осуществлять постоянное наблюдение.

Наиболее часто у опрошенных нами несовершеннолетних осужденных встречаются следующие типы акцентуации характера: по тесту К. Леонгарда – Н. Шмишека «Методика изучения акцентуации характера» является эмотивный тип, а по тесту МПДО (по Личко) – гипертимный тип. Из чего следует, что большинство несовершеннолетних осужденных с акцентуациями либо чрезмерно чувствительные, склонные концентрироваться на пережитом, глубоко переживают малейшие неприятности, чувствительны к замечаниям, неудачам, вследствие чего чаще находятся в печальном настроении либо жизнерадостные, общительные и легко переносящие условия отбывания наказания, но из-за отсутствия самокритичности, склоны игнорировать меры дисциплинарного воздействия, не анализировать причины совершенного преступления.

Наиболее редко у опрошенных нами несовершеннолетних осужденных встречаются следующие типы акцентуации характера: по тесту К. Леонгарда – Н. Шмишека «Методика изучения акцентуации характера» – педантичный, демонстративный, экзальтированный, а по тесту МПДО (по Личко) – неустойчивый тип. Из чего следует, что меньшинство несовершеннолетних осужденных с акцентуациями характера: с негибким мышлением, которое оказывает деструктивное влияние на совместную деятельность с окружающими; эгоистичные, стремящиеся к лидерству, склонные к фантазерству и авантюризму; с ярко выраженные эмоциями, с изменчивым настроением (легко приходящие в восторг от положительных событий и в отчаяние – от грустных); истеричные, обидчивые, быстро поддающиеся влиянию других людей.

Для анализа статистических различий между корыстными и насильственными преступлениями нами был использован U – критерий Манна-Уитни. С помощью U – критерий Манна-Уитни нами было выявлено, что у несовершеннолетних осужденных за корыстные преступления проявляются следующие особенности характера истеричность, обидчивость, слабоволие, частые смены настроения.

Таким образом, наиболее часто встречаются несовершеннолетние осужденные со следующими акцентуациями характера: гипертимный, астено-невротический, эпилептоидный, неустойчивый. Для несовершеннолетних осужденных за корыстные, преступления характерным является демонстративный тип акцентуации характера. А у осужденных за насильственные преступления преобладают следующие акцентуации: гипертимный, астено-невротический. Однако, по распространенности большинства типов акцентуаций у осужденных за насильственные и корыстные преступления статистически значимых различий не выявлено.

Литература

1. Акцентуированные личности: Пер с нем. / Карл Леонгард; Предисл. и ред. В.М. Блейхера.– 2-е изд. стер.– Киев: Головное изд-во, 1989. – 375 с.
2. Акцентуации характера и использование опросника Г. Шмишека // Методические рекомендации для практических психологов [Текст]. Составитель В.Г. Сахарова. – Владивосток, 1998. – 32с.
3. Дебольский М.Г., Мельникова Д.В. Пенитенциарный стресс и особенности его проявления у осужденных, подозреваемых, обвиняемых [Электронные ресурс] // Психология и право. – 2015. – №2. – С. 105-116. – URL: http://psyandlaw.ru/journal/2015/n2/Melnikova_Debolskiy.phtml (дата обращения: 07.05.2019).
4. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. – СПб.: Питер, 2019. – 304 с.

Социально-психологические особенности системы отношений и ролей личности преступников

Дырнаева Ю.А.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (г. Саратов)

Научный руководитель – Романова Н.М.

В работе конкретизировано место психологии гендерных отношений в рамках уже сложившихся научных дисциплин. Также анализировалось научное направление «психология гендерных отношений», как отдельная область знаний. Для этого было рассмотрено теоретическое и эмпирическое поле таких областей знаний как: социология пола, психология пола, гендерные исследования (Бендас Т.В., 2006). Гендерные отношения включаются в общественные, межгрупповые, межличностные отношения, также связаны с самоотношением личности, поэтому уделялось большое внимание рассмотрению проблем семейного и социально-ролевого взаимодействия; рассматривались общественные и семейные факторы, влияющие на девиантное поведение личности; выделялись и описывались гендерные представления, гендерные стереотипы (Целуйко В.М., 2004).

Особую актуальность приобретает данная проблема применительно к изучению гендерных отношений осужденных. Эта проблема в психологической науке недостаточно исследована. В нашей работе изучались особенности социальных ролей и системы отношений личности преступников, на данных психологического исследования женщин-заклученных (30 человек, находящихся в ФКУ ИК-5 г. Вольск) и данных психологического исследования мужчин-заклученных (30 человек, находящихся в ФКУ СИЗО-1 г. Саратова).

Наша гипотеза исследования подтвердилась частично, а именно: мы предполагали, что особенности социальных ролей и системы отношений, имеют различия у мужчин и женщин, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Методы исследования: анкета-интервью (Н.М. Романова); методика «Маскулинность-фемининность» (С. Бэм); тест «Кто я?» (М. Кун, Т. Макпартланд); методика на определение особенностей распределения ролей в семье (Ю.Е.Алешина, Л.Я.Гозман, Е.М.Дубовская); методика «Незаконченные предложения» (С. Леви); рисуночная методика «Мужчина и

женщина» (Н. М. Романова). Все данные, полученные в результате исследования, были обработаны с помощью статистического анализа с использованием методов: процентный анализ, корреляционный анализ (коэффициент линейной корреляции Пирсона), метод t-критерия Стьюдента, кластерный анализ.

На основе проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

1) У личностей, отбывающих наказание в местах лишения свободы, преобладают андрогинные характеристики. Эти показатели указывают на то, что происходит гендерное смешение ролей, что характерно для современного общества.

2) Маскулинные субъекты (в нашем исследовании ими оказался небольшой процент мужчин) склонны расширять количество семейных ролей, приписывая себе и традиционные женские роли.

3) Андрогинные субъекты (мужчины и женщины) стремятся к равноправию и более мягки в своих позициях в семейных ролях. Они выделяют лишь материальное обеспечение семьи, как значимую роль мужчины.

4) Представления о распределении ролей в семье в целом совпадают у осужденных мужчин и женщин.

5) На основе групповых различий выявлено отрицание женщинами монопольного участия мужчин в воспитании ребенка, мужчины же, напротив, заинтересованы в выполнении данной роли.

6) Большой процент мужчин и женщин считают, роль мужчины - материальное обеспечение семьи.

7) При выполнении мужчиной функции «добытчика» в семье, у женщины снижается самооценка навыков, появляется негативное отношение к себе. Если роль выполняется совместно - у женщин повышается идентификация с семейной и профессиональной ролью.

8) Физическое насилие мужчины в детстве снижает в будущем его роль как «добытчика» в семье. То есть подавление чувства собственного достоинства мужчины в детстве для взрослого мужчины не является стимулирующей ситуацией в плане взятия ответственности за материальное обеспечение своей семьи.

9) Результаты кластерного анализа позволили выделить четыре типа семейного взаимодействия.

Литература

1. Бендас Т. В. Гендерная психология: учебное пособие / Т.В. Бендас. — СПб.: Питер, 2006. – 431 с.
2. Целуйко В.М. Психология неблагополучной семьи. — М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004. – 272 с.

Развитие уровня саморегуляции поведения у осуждённых как средство подготовки к освобождению

Кравченко А.И.

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования

Академия права и управления

(Академия ФСИН России, г. Рязань)

Научный руководитель - Калашникова М.М.

Одной из главных задач пенитенциарной психологии как науки является отбор и изучение средств исправления, которые конструктивно воздействуют на психику осуждённого. К числу таких средств относятся психологические механизмы самоконтроля и саморегуляции личностью своего поведения, что, в первую очередь, отражается на сознательной психической деятельности субъекта. В этой связи, саморегуляция поведения у осуждённого может рассматриваться в качестве оптимального средства подготовки к освобождению.

Исследованию различных сторон проблемы саморегуляции посвящены работы таких учёных, как: У. Джеймс, И.С. Кон, В.В. Столин, В.С. Мухина, И.И. Чеснокова и других. По мнению известного специалиста Л.П. Гримак, под вышеуказанным психологическим феноменом понимают средство поддержки и защиты личностью целостности своей психики, заключающей в себе самоконтроль, управление поведением и деятельностью, что необходимо рассматривать как психофизиологическую составляющую воли (Гримак Л.П., 2010).

С целью изучения влияния саморегуляции на личность и поведение осуждённых, был проведен эксперимент на базе ФКУ ИК-2 УФСИН России по Рязанской области. Выборка составила 40 человек. Исследование проводилось с использованием методики «Стиль саморегуляции» В.И. Моросановой. Осужденные проходили психодиагностическое обследование до эксперимента и после. Для анализа полученных данных были применены методы математической статистики.

Необходимо отметить, что психологическое исследование опиралось на анализ продуктов деятельности осуждённых, которые работали в производственной зоне, а также на исследовании тех осуждённых, кто стремился к приобретению новой специальности.

Была выявлена статистическая значимость различий ($p \leq 0,002$) по шкалам: «программирование», «оценка результатов», «гибкость» и «общая саморегуляция» между значениями экспериментальных групп. По шкале «программирование» (второе обследование) ($M=24,98$) наблюдается способность продумывать пути достижения поставленных целей, модели возможного поведения и реакции других людей в конкретных жизненных ситуациях. Тогда, как до эксперимента ($M=18,54$), было установлено, что осуждённые характеризуются нежеланием продумывать и корректировать свои действия, а действуют импульсивно, с помощью метода проб и ошибок.

По шкале «оценка результатов» (второе обследование) ($M=27,29$) наблюдается адекватная оценка продуктов деятельности, способов и причин

достижения цели. До эксперимента ($M=15,4$), осужденные проявляли не критичность к своим действиям, старались избегать, не замечать свои ошибки, что проявлялось в резком ухудшении работоспособности при неудачах.

По шкале «гибкость» (второе обследование), осуждённые ($M=29,4$) в неожиданных для них жизненных ситуациях быстро и легко перестраивают модель своего поведения, характер своих действий, что показывает навык самостоятельного внесения изменений в программу деятельности. До эксперимента у осуждённых обнаруживалась трудность в привыкании к жизненным переменам, неуверенность нахождения при смене обстановки.

По шкале «общая саморегуляция» (до эксперимента) у осуждённых ($M=17,8$) наблюдалась не способность осознанно планировать свою деятельность, у них снижена способность выявления путей избегания неудач при достижении цели. По результатам обследования после эксперимента ($M=28,37$) наблюдается гибкость поведения, что выражается в адекватной реакции на различные изменения условий жизнедеятельности, а также в выдвигании и достижении успеха при развитии своих навыков в профессии либо приобретении необходимых умений в учебной деятельности.

Таким образом, по результатам, полученным после проведения двух обследований (первое - до психологического воздействия, направленного на повышение уровня саморегуляции, и второе – после воздействия) установлено, что работа по повышению уровня саморегуляции сказывается положительно на личность и поведение осуждённого, способствует успешной ресоциализации и исправлению. Таким образом, целенаправленное развитие у осужденных саморегуляции, является важным психологическим средством их подготовки к жизнедеятельности на свободе.

Литература

1. Гримак Л. П. Психология активности человека. Психологические механизмы и приемы саморегуляции / Л.П. Гримак. – М.: Либроком, 2010. – 769 с.
2. Дмитриев Ю. А. Пенитенциарная психология / Ю.А. Дмитриев, Б.Б. Казак. – М.: Феникс, 2011. – 688 с.
3. Личностные и когнитивные аспекты саморегуляции деятельности человека. – М.: Психологический институт РАО, 2014. – 320 с.

Особенности акцентуации характера осужденных

Николаева М. Н.

Северо-Восточный федеральный университет

(г. Якутск)

Научный руководитель - Алексеева П.С.

Реализация принципов гуманизации и безопасность личности не позволяют осужденному оставаться в привычной для него среде, минимизируют взаимодействие с криминальной субкультурой и в большей мере должно способствовать актуализации стремления к ресоциализации и реабилитации (Сысоев А. М., 2002).

Цель исследования: изучение особенности акцентуации характера осужденных, отбывающих наказание без ограничения свободы.

Объект исследования: акцентуации характера как свойство личности.

Предмет исследования: типы акцентуаций характера осужденных, отбывающие наказание, в условиях отсутствия ограничения свободы.

Экспериментальную выборку составила группа осужденных, которые отбывают наказание в условиях отсутствия ограничения, в количестве 352 человек.

Анализ данных выраженности типа акцентуации в группе осужденных, отбывающих наказание без изоляции от общества, по методике

Леонгарда-Шмишека показывает, что точкой максимального экстремума является шкала «Гипертимность» (среднее значение по выборке 15,4 балла). Полученные результаты свидетельствуют о наличии у осужденных тенденции к гипертимности. Такие люди всегда общительны и оптимистически настроены, однако характерной чертой их личности является вспышка гнева и раздражения, когда им противостоят, спорят и они терпят неудачу. Не исключена склонность к аморальным поступкам. Достаточно трудно переносят и адаптируются в условиях жесткого контроля и дисциплины. В делах, где нужно серьезное отношение к выполняемой деятельности, склонны к легкомысленности.

Второй максимальный пик касается шкалы «Эмотивность» (среднее значение по выборке 14,7 баллов), а третий приходится на шкалу «Экзальтированность» (среднее значение – 14,5).

Главной особенностью эмотивной личности является высокая чувствительность. Для таких людей эмоциональность является их особенностью, характерны также тревожность, болтливость и боязливость. В связи с их сентиментальностью, они впечатлительны и любые жизненные события и ситуации воспринимают серьезнее, чем другие люди.

Для экзальтированного типа акцентуации свойственна общительность, воодушевленность, т.е. можно сказать, что они «не полезут в карман за словом». Они альтруистичны и легко переходят от одного настроения в другое, от состояния восторга к состоянию печали. постоянное пребывание в приподнятом настроении даже при отсутствии каких-либо внешних причин для этого.

На наш взгляд, сочетание гипертимности, экзальтированности и эмотивности, может говорить о том, что они хуже понимают состояния других людей, чаще проявляют дистанцированность и холодность по отношению к ним. Для них более характерны подавление и вытеснение собственных переживаний, недоверие к собственным чувствам. При этом отсутствие контакта с собственными желаниями у них чаще сочетается с

иллюзией полного контроля над ними.

Выявлена тенденция к демонстративности, застреванию и педантичности (соответственно, средние групповые значения равны 13, 4, 13,3 и 13,3).

Эти особенности могут свидетельствовать о том, что переживание аффекта во временном отношении длится дольше, чем у лиц, у которых не наблюдается высокий уровень. Застревание аффекта может проявляться в ситуации вторжения в их личное пространство, зону идентификации акцентуированной личности. Ответная реакция может быть, не всегда адекватной, по силе, по содержанию не всегда может соответствовать воздействию. Возможно, будут усугубляться такими характеристиками, свойственными акцентуированным личностям по типу «застревание», как злопамятность, мстительность, болезненная обидчивость, легкая уязвимость.

Нижний экстремум приходится на шкалу «Тревожность» (среднее значение по выборке -9 баллов), что характеризует осужденных как оптимистичных. На наш взгляд, при интерпретации наиболее целесообразный взгляд связан с выводами (Н. В. Дмитриевой, Л. Н. Антилоговой, Л. С. Качкиной, 2015), которые опираясь на Ю. В. Кортневу (2004), считают, что низкий показатель по шкале «Тревожность» может свидетельствовать о вытеснении тревоги, «улыбающейся» депрессии или попытке скрыть свое состояние, которое субъективно воспринимается как порочащее и неприемлемое для окружающих.

Сравнительный анализ акцентуации характера у осужденных в зависимости от пола показывает, что у мужчин более низкие показатели по выраженности по большинству типов акцентуации личности, кроме гипертимности и циклотимности. Значения выше, чем у лиц женского пола зафиксированы по шкалам гипертимность и циклотимность. Такие типы акцентуации как застревание, возбудимость, педантичность имеют одинаковые тенденции как у мужчин, так и женщин.

Наиболее высокий уровень выраженности акцентуации у осужденных мужчин наблюдается по типу гипертимности, а у женщин - по эмотивности.

Следующий пик у мужчин наблюдается по шкале «Эмотивность» (среднее значение по выборке 13,6 баллов), а у женщин – экзальтированность (15,6), далее у мужчин застревание (13,1), а у женщин – педантичность (14,9).

Нижний экстремум у мужчин приходится на шкалу «Тревожность» (среднее значение по выборке -5,4 баллов), а у женщин на –возбудимость (9,2).

Сравнение двух выборок по средним значениям акцентуации личности показывает статистически достоверные различия ($p > 0,05$) по эмотивности, и на уровне высокой значимости ($p < 0,001$) – по тревожности. По остальным типам акцентуации значимых различий не обнаружено.

Таким образом, мы можем говорить о том, что у подавляющего большинства осужденных выражена акцентуация темперамента. На наш взгляд, наиболее характерными являются слабость произвольной регуляции и преобладание импульсивности поведения.

Литература

1. Дмитриева Н.В., Антилогова Л.Н., Л. С. Качкина Л.С. Психологические особенности осужденных молодого возраста, склонных к аутоагрессивным действиям// Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2015. – № 2(61) – С. 49-52.
2. Сысоев А. М. Психология аутоагрессивного поведения осужденных и его предупреждение : дис. ... канд. психол. наук. – Рязань, 2002. – 200 с.

Психологические особенности межличностных конфликтов между осуждёнными, отбывающими наказание в исправительных учреждениях

Обидина В.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

Актуальность и новизна работы обусловлена тем, что объектом исследования выбраны конфликты в исправительных учреждениях для содержания осуждённых женского пола. Свойственная женщинам повышенная чувствительность и эмоциональная возбудимость в условиях лишения свободы может способствовать повышению уровня конфликтности и деструктивным проявлениям. Поэтому данная категория осуждённых особо нуждается в реализации права на психологическую помощь, переводе конфликтов в конструктивное русло, их своевременном разрешении и профилактике.

Целью исследования являлось выявление психологических особенностей межличностных конфликтов между осуждёнными женщинами, отбывающими наказание в исправительных учреждениях.

Гипотезами исследования выступили предположения о том, что:

1. Личностные особенности и акцентуации различаются у осуждённых женщин – участников конфликтов, и осуждённых мужчин;
2. Среди предпосылок конфликтов и причин их возникновения сотрудники УИС акцентируют внимание на личностных качествах осуждённых;
3. При разрешении и профилактике конфликтов сотрудниками УИС не в полной мере учитываются психологические факторы. Разработка рекомендаций по результатам исследований, позволит оптимизировать взаимоотношения между осуждёнными.

Для изучения динамики и содержания конфликтов в местах лишения свободы сотрудникам УИС была предложена собственная составленная анкета. Для изучения индивидуально-психологических особенностей осуждённых женщин – участников конфликтов и осуждённых мужчин в исследовании были использованы: методика «Определение интегральных форм коммуникативной агрессивности (В.В. Бойко), методика «Диагностика личностной агрессивности и конфликтности» (Е.П. Ильин, П.А. Ковалёв), опросник Леонгарда-Шмишека.

В ходе анализа полученных результатов было выявлено, что осуждённые женщины – участники конфликтов «накапливают» агрессию при отсутствии разряжающего стимула, проявляют агрессию в обстановке, где их не знают, вызывают у окружающих негативные реакции, используют агрессию в качестве предупреждения в ситуации недовольства партнером, испытывают облегчение и приятное ощущение после агрессивной разрядки, получают негативный ответ на свои негативные проявления в виде агрессии, а осуждённые мужчины отличаются склонностью к отраженной агрессии, аутоагрессией, бескомпромиссностью, мстительностью. Им свойственно повторять полученную негативную эмоционально-энергетическую информацию, причинять себе физическую боль, ругать за допущенные ошибки. Для них характерен низкий уровень мотивации к избеганию напряжённости в отношениях и поиску среднего решения в спорных вопросах, которое удовлетворило бы обе стороны, а также они склонны к проявлению агрессивных и разрушительных чувств по отношению к окружающим. Осуждённые женщины, напротив, проявляют негативные чувства при малейшем возбуждении, активно отстаивают свою позицию и категорично на ней настаивают, не идя ни на какие уступки, склонны к чувствительности к критике и замечаниям со стороны окружающих, принятию самостоятельных решений и ощущению себя ущемленными, если мнение другого оказывается правильным, они способны противодействовать

манипуляциям, преодолевать препятствия, проявлять смелость и ответственность.

Преобладающей акцентуацией характера осуждённых мужчин является гипертимность. Осуждённые мужчины активны, энергичны, оптимистичны, общительны, инициативны, имеют высокий жизненный тонус, находчивы, умеют приспосабливаться к трудностям, независимы от мнений и оценок окружающих, но импульсивны, неспособны к длительной концентрации внимания, непостоянны в межличностных отношениях. Им свойственны высокая контактность, высокий самоконтроль, они не испытывают трудностей с саморегуляцией, следуют этическим нормам и договоренностям, но могут быть нерешительны, недоверчивы, недобросовестны и иметь невысокий уровень притязаний в связи с тем, что тревожный тип акцентуации характера проявляются у них в меньшей степени. Стоит отметить, что у осуждённых женщин – участников конфликтов и у осуждённых мужчин такой тип акцентуации характера, как дистимность проявляется практически в одинаковой степени. Осуждённые женщины – участники конфликтов и осуждённые мужчины могут быть ответственны, добросовестны, пунктуальны, склонны ориентироваться на точные факты, иметь нестандартный тип мышления, независимость в суждениях, способны долго работать в одиночестве, но могут проявлять пессимизм, пассивность, инертность, нерешительность, замкнутость.

Сотрудники УИС факторами, способствующими возникновению конфликтных ситуаций, называют конфликтный характер осуждённых и нежелание уступать друг другу; нарушение некоторыми осуждёнными установленных правил поведения; несоблюдение некоторыми осуждёнными личной гигиены; стремление воспользоваться некоторыми льготами, преимуществами, лучшими условиями быта в отряде; распространение порочащей кого-то информации; эмоциональная напряжённость, стресс, обусловленные недостаточным учётом физиологических особенностей при организации условий содержания в отряде и наличие осуждённого (-ой),

который (-ая) имеет очень низкий статус и которым (-ой) пренебрегают другие.

Отсутствие должного внимания профилактике конфликтов со стороны служб режима и надзора, большая концентрация осуждённых в условиях общежития, камеры и недостаточная трудовая занятость осуждённых являются, по мнению сотрудников УИС, условиями возникновения конфликтов.

Важной предпосылкой разрешения конфликтов и их профилактики являются совершенствование работы психологической службы в данном направлении, повышение квалификации сотрудников УИС по конфликтологии, привлечение к работе по разрешению конфликтных ситуаций специалистов по медиации – примирению. Соответствующие программы социально-психологических тренингов, направленные на обучение осуждённых техникам бесконфликтного взаимодействия, саморегуляции, включающие в себя рекомендации по взаимодействию с акцентуированными личностями и работе с различными формами проявления агрессии достаточно давно используются в психологической службе УИС (Дебольский М.Г., 2001; Новоселова А.С., 2001).

Статистический анализ с применением U-критерия Манна-Уитни показал, что имеются статически значимые различия на уровне значимости $p \leq 0,05$ между осуждёнными женщинами, отбывающими наказание в исправительных колониях Московской и Владимирской области и осуждёнными мужчинами, отбывающими наказание в исправительных колониях Владимирской области по шкалам «Примиренческий стиль» ($U = 0,011$) и «Компромиссный стиль» ($U = 0,009$) методики «Экспресс-диагностика поведенческого стиля в конфликтной ситуации»; шкалам «Обидчивость» ($U = 0,018$), «Подозрительность» ($U = 0,039$) и «Конфликтность» ($U = 0,021$) методики «Диагностика личностной агрессивности и конфликтности»; шкалам «Демонстративность» ($U = 0,025$), «Застывание» ($U = 0,025$), «Педантичность» ($U = 0,001$), «Тревожность» (U

= 0,000) и «Эмотивность» (U = 0,000) опросника Леонгарда-Шмишека; шкале «Подчиняемый тип» (U = 0,041) теста межличностных отношений Лири.

Литература

1. Дебольский М.Г. Научно-методические основы оказания психологической помощи осужденным / М.Г. Дебольский. – М.: Права человека, 2001. – 156 с.
2. Новоселова А.С. Психолого-педагогические основы взаимодействия убеждения и внушения как условия ресоциализации личности осужденных: теория и технология / А.С. Новоселова. – М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2001. – 224 с.

Особенности психологической помощи лицам, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу

Петров В.Е., Кокурин А.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Современная юридическая психология, пройдя этап своего становления как отрасль психологической науки, активно совершенствует структуру психологического знания, его методологию, методы, методики и формы. Один из разделов юридической психологии – психология следствия – обращен к психологическим основам деятельности следователей, адвокатов, подозреваемых и иных участников этого процесса. Он психологизирует отношения и деятельность соответствующих субъектов. При всей концептуальной и методической проработанности вопросов психологии следствия (Кузнецова М.Г., Фоменко Е.Н., 2010), к сожалению, вне должного внимания остается вопрос об оказании психологической помощи лицам (подозреваемым, обвиняемым), в отношении которых избрана мера пресечения в виде содержания под стражей.

Согласно п. 1 ст. 108 «Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174 ФЗ в качестве меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, может быть избрано заключение под стражу. По нашему мнению, в отдельных случаях, то, что человек, будучи еще не признанным судом виновным в совершении преступления, испытывает на себе огромную психическую нагрузку, душевные переживания и страдания, астеничность чувств и т.п. не соответствует гуманистической позиции правосудия и несправедливо. У обвиняемого / подозреваемого, изолированного от общества, ярко выражена потребность в получении квалифицированной психологической помощи и поддержки. Возникает риторический вопрос «Могут ли ее предоставить следователь, адвокат или даже сокамерники?». В отношении несовершеннолетних данный вопрос решается с привлечением ведомственных психологов (Лобачева Л.П., Кретьова Д.Н., 2018; Сочивко О.И., 2017), для всех остальных категорий лиц, заключенных под стражу, это, к сожалению, пока нерешенная дилемма. Именно поэтому проблема совершенствования форм, методов и технологий оказания психологической помощи подозреваемым / обвиняемым имеет выраженную актуальность.

Помимо психоэмоциональных состояний, свойственных для лиц, отбывающих наказания в местах лишения свободы, для подозреваемых / обвиняемых в совершении преступления характерны и специфичны: тревога, отчаяние, стресс, разочарование, злоба, дискомфорт, испуг, депрессия, омерзение, сожаление, презрение, ненависть, растерянность, удивление и др. (Мельникова Д.В., Дебольский М.Г., 2015). Осознаются собственная малоценность и никчемность бытия, снижаются влечения, замедляется протекание многих психических процессов (Морозова М.В. и др., 2014). Личностная экзистенция подозреваемого в условиях временной изоляции от общества модулируется криминальным опытом индивида, неопределенностью происходящего, надеждой на благополучный исход, ожиданием результатов проведения оперативно-следственных действий или

решения суда, дискомфортными условиями пребывания в изоляторе временного содержания (Кокурин А.В., Петров В.Е., 2017; Мамченко А.М., 2017).

Реализации психологической помощи предстает как система психопрактики, элементами которой выступают такие компоненты как: 1) организационно-правовая; 2) методическая.

1. Организационно-правовая компонента определяет правовой статус психолога. Проблемность вопроса состоит в том, что помимо соответствующих должностных лиц (следователей, лиц оперативно-начальствующего состава) к общению с подозреваемыми / обвиняемыми согласно п. 1 ст. 49 «Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174 ФЗ может быть допущен защитник – адвокат (по определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый; п. 2). В установленном Законом порядке он осуществляет защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых, оказывая им юридическую помощь при производстве по уголовному делу.

Существенным для психолога будут являться следующие требования, детерминированные юридической деятельностью: 1) наличие юридического образования; 2) правовой статус адвоката (помощника адвоката). Это обусловлено тем, что в соответствии с п. 1 ст. 9. Федерального закона Российской Федерации от 31.05.2002 № 63 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката вправе приобрести лицо, которое имеет высшее юридическое образование, полученное по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе, либо ученую степень по юридической специальности. Указанное лицо также должно иметь стаж работы по юридической специальности не менее двух лет либо пройти стажировку в адвокатском образовании. Статус психолога, оказывающего психологическую помощь подозреваемым / обвиняемым, ни в

уголовно-процессуальном законодательстве, ни в нормативных правовых актах, регулирующих адвокатскую деятельность, не определен. Следовательно, для привлечения психолога к оказанию психологической помощи, он должен иметь необходимые статусно-квалификационные характеристики. Специфическими выступают требования независимости и безоценочности позиции психолога, принятие психологом клиента.

2. Методическая компонента связана с определением форм, методов и методик психологической помощи. Приоритетными направлениями психологической помощи подозреваемым могут быть регуляция (стабилизация) их психоэмоционального состояния, разрешение психологических проблем временной экзистенции в условиях изоляции, оптимизация межличностных отношений с участниками следствия и иными лицами, находящими в камере временного размещения. Психологическая помощь реализуется в относительно простых, технологичных и результативных мероприятиях – психологических консультациях, сеансах психической регуляции, ролевом гетеротренинге, проявлении сочувствия, понимания и сострадания. Методы и методики психологической помощи существенно отличаются от соответствующего инструментария работы с персоналом (например, полностью исключаются мероприятия диагностического плана, ограничены условия проведения тренинговых и консультативных мероприятий). Особенностью отработки методической компоненты системы оказания психологической помощи является ограниченность психопрактики (получить практические навыки психологической работы с подозреваемыми и обвиняемыми в рамках правового поля экспериментальным путем невозможно).

Таким образом, с целью совершенствования концептуальных основ юридической психологии в психологию следствия как ее раздел целесообразно включить вопрос об оказании психологической помощи лицам, заключенным под стражу. Одновременно актуальна разработка

организационно-методических основ оказания соответствующей психологической помощи.

Литература

1. Кокурин А.В., Петров В.Е. Психолого-криминологическая характеристика личности сотрудников органов внутренних дел, осужденных за совершение преступлений коррупционной направленности // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – М., 2017. – № 7 (35). – С. 111-123.
2. Кузнецова М.Г., Фоменко Е.Н. Особенности психологического сопровождения подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2010. – № 11 (102). – С. 30-34.
3. Лобачева Л.П., Кретьова Д.Н. Проблемы пенитенциарной адаптации подозреваемых, обвиняемых и осужденных подросткового возраста, содержащихся в следственных изоляторах // Перспективы науки. – 2018. – № 4 (103). – С. 112-114.
4. Мамченко А.М. Состояние безнадежности и уровень жизнестойкости у заключенных под стражу в сизо // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2017. – Т. 16. – № 4 (143). – С. 39-48.
5. Морозова М.В., Савина О.Ф., Сафуанов Ф.С., Ткаченко А.А. К вопросу дифференциации и экспертной оценки эмоциональных состояний // Российской психиатрический журнал. – 2014. – № 5. – С. 38-46.
6. Мельникова Д.В., Дебольский М.Г. Пенитенциарный стресс и особенности его проявления у осужденных, подозреваемых и обвиняемых [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2015. – Т. 5. – № 2. – С. 105-116. doi:10.17759/psylaw.2015100208.
7. Сочивко О.И. Работа психолога-практика с несовершеннолетними, обвиняемыми и осужденными, содержащимися в следственных изоляторах // Прикладная юридическая психология. – 2017. – № 3. С. 65-68.

Социально-психологические явления, характерные для общности осужденных

Роговенко Я.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Поздняков В.М.

На разных этапах развития пенитенциарной системы общность осужденных становилась предметом изучения представителей различных научных подходов, а также объектом интереса писателей и журналистов. Быт жизни арестантов, взаимоотношения между жителями лагерей неоднократно находили свое отображение в произведениях представителей классической художественной литературы, которые сами отбывали наказания (Ф.М. Достоевский, П.Ф. Якубович, М.В. Соколов, В.С. Пикуль, А.В. Солженицын, В.Г. Шаламов, Л. Самойлов и др.). Н.М. Ядринцев придавал особое значение общности осужденных и их групповому настрою, он полагал, что «самовоспитание» и «самоуправление» осужденных позволит добиться их исправления.

Ученые-пенитенциаристы В.Ф. Пирожков, Н.А. Стручков изучали феномен субкультуры осужденных в местах лишения свободы, особенности формирования коллективов осужденных. И.В. Шмаров, И.П. Башкатов, В.М. Поздняков исследовали формирование малых групп осужденных и их межличностные отношения. И.Б. Пономарев, А.Н. Сухов занимались проблемой общения в социальной среде осужденных.

Общность осужденных является достаточно большой социальной группой со своими специфическими признаками:

1) это общность закрытого типа, которая ограничена в связях с другими коллективами, общественными и государственными организациями.

2) существует строгая регламентация жизнедеятельности и совместной трудовой деятельности осужденных, их учебы, досуга и т. п.

3) общности осужденных отличаются не только по национальному, возрастному, профессиональному признакам, но и по степени аморальности, педагогической запущенности, криминальной зараженности (К.К. Платонов, А.Д. Глоточкин, К.Е. Игошев, 1985).

Наблюдаемые отличия связаны еще и с условиями вынужденной изоляции, в которых среда намного интенсивнее влияет на личность. В ситуации пребывания в местах лишения свободы человек лишается не только привычного образа, ритма жизни, своих повседневных дел и привычек, но, самое главное, он теряет возможность самостоятельно формировать свой круг общения, то есть выбирать себе «товарищей» свободно, а также не может избегать нежелательных контактов (Роговенко Я.С., 2018).

Отношения, которые складываются между осужденными в коллективе, принято разделять на официальные, то есть формальные, и неофициальные, то есть неформальные (Шиханцов Г.Г., 2006). По мнению Шмарова И.В. микросреда осужденных «является отрицательной с точки зрения нравственных норм, системы ценностных ориентаций, который в ней господствуют» (Шмаров И.В., 1977, с.27). А.Н. Сухов указывал, что в условиях исправительных колоний формирование субкультуры является неизбежным (Сухов А.Н., 1993).

Специфика тюремной среды вынуждает осужденных руководствоваться в поведении принятыми в ней криминальными субкультурными ценностями и традициями (Казак Б.Б., Ушатиков А.И., 2007), которые по своему содержанию противоположны социальным ценностям.

Н.В. Тищенко указывает, что характер субкультур, формирующихся в местах лишения свободы, имеет тенденцию к так называемым «контркультурам», демонстрирующим ярко выраженный оппозиционный характер к официальному порядку и административному режиму колоний.

Главным отличием субкультур исправительных учреждений является то, что сообщества осужденных проявляют свое неприятие режимных правил латентно, их протест завуалирован в сложную систему символических действий и симуляции наказания, но и внутри тюремного сообщества нет единения и сплоченности (Тищенко Н.В., 2007).

Д. Клеммер в работе «Тюремное сообщество» описал: 1) феномен «призонизации», то есть приспособление долгосрочно лишенных свободы к подкультуре заключённых; 2) внутреннее «законодательство» заключенных – нормы, которые существуют во взаимопониманиях между ними; 3) шифрованные роли «заключенных» – социальные роли, которые позволяют им занимать определенное место внутри сообщества (Поздняков В.М., 2000).

Д. Клеммер сделал вывод о существовании устойчивых правил криминальной субкультуры, которые передаются посредством «тюремного кода», что составляет сущность так называемого процесса «тюремизации». «Тюремный код» не только обеспечивает солидарность и лояльность среди заключенных, но санкционирует поведение персонала тюрем, вовлеченного в своеобразную «оккупационную культуру» (Тищенко Н.В., 2007).

В пенитенциарной психологии принято выделять динамичные, динамико-статичные и статичные социально-психологические явления (Абрамкин В., Башкатов И.П., Дебольский М.Г., Пирожков В.Ф., Сухов А.Н., Ушатиков А.И., Казак Б.Б., Хозряков Г.Ф. и др.).

Основное место занимают динамичные социально-психологические явления, то есть различные виды общения, а также другие процессы, которые имеют подвижный характер.

Статичные социально-психологические явления содержат традиции и обычаи, характерные для общности осужденных.

Динамико-статичные социально-психологические явления, то есть групповые мнения и настроения, характеризуются подвижностью и устойчивостью.

Условия жизни в исправительной колонии, психологическая атмосфера, характер взаимодействия в группе, наличие субкультуральных отношений во многом определяют поведение и деятельность осужденных. Под влиянием социальной среды у осужденных изменяются личностные особенности, привычки, манера общения, поведения, появляются новые, ранее не присутствующие черты.

В исправительных учреждениях всегда существовала проблема общения осужденных. Общение – основа тюремной субкультуры осужденных с развитой неформальной организацией, нормами, регулирующими процесс общения с целью сохранить криминальное сообщество, его преступную деятельность. А.Н. Сухов в качестве основной причины аккумуляции преступного опыта выделяет криминогенное общение и механизм психологического заражения психоэмоциональными состояниями, обуславливающих многократное взаимное усиление, ускорение и индуцирование передачи криминальных ценностей (Сухов А.Н., 2002, с.71-76). Наличие субкультуральных правил взаимодействия в среде осужденных существенно ограничивает возможности развития открытых конструктивных отношений между осужденными, между осужденными и персоналом исправительного учреждения.

Литература

1. Исправительно-трудовая психология: Учебн. пособие для слушателей вузов МВД СССР/Под ред. К.К. Платонова, А.Д. Глоточкина, К.Е. Игошева. – Рязань: РВШ МВД СССР, 1985. – 360 с.
2. Казак Б.Б., Ушатиков А.И. Организационные и психологические основы исправления и ресоциализации осужденных. – Псков, 2007. С.123–124.
3. Поздняков В.М. Психология в пенитенциарной практике зарубежных стран в XX столетии. Историко-сравнительный анализ / Поздняков В.М. – М.: Изд-во Акад. управления МВД России, 2000. – 149 с.

4. Роговенко Я.С. Деструктивные действия осужденных как предпосылки совершения групповых эксцессов в исправительных колониях//Теоретические и практические вопросы пенитенциарной педагогики и психологии. Сборник научных статей / Под ред. О.В. Кирилловой. – Чебоксары: Изд-во ЧГУ,2019. – С.168-172.
5. Сухов А.Н. Криминогенное общение в среде осужденных / Учебное пособие для учебных заведений МВД России. – Рязань: РВШ МВД РФ,1993. – 134 с.
6. Сухов А.Н. Социальная психология безопасности: учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 256 с.
7. Тищенко Н.В. Гендерные аспекты тюремной субкультуры в современной России. – Саратов: ООО Издательский Центр «Наука», 2007. – 178 с.
8. Хохряков Г.Ф. Социальная среда и личность. Значение элементов социальной среды в процессе достижения целей исполнения наказания, исправления и перевоспитания осужденных в ИТУ / Г.Ф. Хохряков. – М.,1982. – 88 с.
9. Шиханцов Г.Г. Юридическая психология. Учебник для ВУЗов. Издание второе. – М.: ЗЕРЦАЛО-М, 2006. –272 с.
10. Шмаров И.В. Среда и личность осужденного // К новой жизни. – 1977– №3. – С. 26-31.

**Личностные особенности осужденных, совершивших
членовредительство в исправительных колониях**

Чеботарёв И.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

В настоящее время проблема членовредительства осужденных в условиях исправительной колонии (ИК) является довольно актуальной, что, обусловлено ответственностью органов, исполняющих наказание за жизнь и здоровье осужденных. При этом, проблема членовредительства, как самостоятельного явления мало изучена. Членовредительство почти всегда рассматривается в контексте суицидального поведения (Антонян Ю.М., 1994) соответственно, и профилактика суицида и членовредительства проводится в рамках единого комплекса. Однако, как показывают результаты ранее проведенных исследований, (Д.Н. Землин, Ц.П. Короленко, Т.А. Донских и др.) предпосылки суицида и членовредительства разные, соответственно, отличаются и личностные особенности у суицидентов и членовредителей.

Целью работы является выявление основных личностных особенностей осужденных, совершивших членовредительство в исправительных колониях. Объектом исследования являются ситуации членовредительства подозреваемых, обвиняемых, осужденных, содержащихся в ИК, предметом исследования являются личностные особенности лиц, совершивших членовредительство. В качестве основного метода сбора данных был использован метод анализа документов – личных дел осужденных, совершивших членовредительство в исправительной колонии, в качестве основного метода обработки данных был использован метод количественно-качественного анализа – контент-анализ служебных заключений по результатам проверки инцидентов. Всего было проанализировано 10 случаев членовредительства

Членовредительство рассмотрено в контексте деструктивного поведения, в качестве определения деструктивного поведения нами использовано понятие, предложенное И. Лысак: «специфическая форма активного отношения субъекта к миру или самому себе, основным содержанием которой является разрушение существующих объектов и систем» (Лысак И.В., 2004) Согласно Ц. Короленко, членовредительство

является к внутридеструктивной формой деструктивного поведения (Короленко Ц.П. Донских Т.А. 1990), а по классификации целей аутоагрессивного поведения Д. Землина (Землин Д.Н. 2009), членовредительство можно рассматривать либо как проявление демонстративно-шантажного поведения, либо проявление собственно деструктивного поведения (суицидального или аффективного). Ранее, при исследовании членовредительств в СИЗО нами не найдено каких-либо личностных особенностей, присущих аутоагрессантам, из чего сделан вывод, что в СИЗО ведущую роль при совершении членовредительства играют ситуативные факторы. Однако, находясь в колонии, осужденный уже адаптирован к пенитенциарной среде, и, для аутоагрессантов в исправительных колониях более вероятно наличие каких-то характерных личностных особенностей.

В эмпирическом исследовании проведен анализ 10 личных дел осужденных, совершивших членовредительство в исправительной колонии, изучены их, социально-демографические, криминологические и личностные особенности.

В абсолютном большинстве случаев (90%), лица отбывали наказания за совершение насильственных преступлений. Такая же закономерность была отмечена и в более ранних исследованиях. При сравнении данных, полученных в СИЗО и ИК, нами обнаружена следующая закономерность: в СИЗО совершают членовредительство, в основном, лица, которым инкриминируются преступления корыстного характера, в исправительных же колониях – наоборот, лица, совершившие преступления насильственного характера, т.е. более тяжкие. Возможно следующее объяснение данной закономерности – при совершении акта членовредительства в СИЗО, ситуативный фактор намного сильнее и он превалирует над личностным. Совершая членовредительство в СИЗО, заключенный может надеяться, что таким образом ему заменят меру пресечения на другую, не связанную с изоляцией, понятно, что подозреваемому или обвиняемому, совершившему

убийство, меру пресечения не заменяют, и именно поэтому большинство демонстративно-шантажных актов членовредительства в СИЗО совершаются лицами, совершившими корыстные преступления.

В колониях же сказывается ведущая роль личностных качеств, и, соответственно, акт членовредительства склонны совершать лица с соответствующими качествами – повышенная агрессивность, импульсивность и т.д. Такие качества характерны для лиц, совершивших различного рода насильственные преступления. Иными словами, ведущий мотив при совершении членовредительства в СИЗО – попытка получения послабления условий содержания, возможная замена меры пресечения, в исправительной же колонии ведущим мотивом, скорее является либо самонаказание за совершенное преступление (что также может подтверждать то, что большинство осужденных признало свою вину), либо аутоагрессивная реакция, связанная с особенностями личности аутоагрессанта, являющаяся своеобразной разрядкой аффекта, возможной заменой агрессии на аутоагрессию. Конечно же, данное предположение требует дальнейшей проработки и подтверждения или опровержения.

Важно подчеркнуть, что уровень членовредительства и суицидального поведения в исправительных учреждениях ниже, чем в СИЗО в 10 раз.

При исследовании социально-демографических особенностей было выявлено, что для лиц, совершивших членовредительство в ИК, характерен молодой возраст, а также низкий уровень образования, что может говорить о присутствии таким лицам инфантилизма, тенденция к которому была обнаружена рядом других исследователей.

При исследовании психологических особенностей было выявлено, что для осужденных, совершивших членовредительство, характерен невысокий суицидальный риск, что может говорить либо о том, что, совершая членовредительство, аутоагрессант не преследует суицидальной цели, либо, что при совершении членовредительства ведущую роль играет

ситуативный фактор, и суицидальный риск проявляется непосредственно перед совершением акта членовредительства. Отмечается тенденция к низкому уровню тревожности, которую можно объяснить тем, что такие осужденные не склонны обдумывать последствия своих действий, действуют импульсивно.

Таким образом, для лиц, совершивших членовредительство в ИК, характерны такие особенности, как повышенная возбудимость, импульсивность, сниженная тревожность, склонность к моральному мазохизму, негативное отношение к миру. Обобщая результаты проведенного исследования, необходимо отметить, что по сравнению со следственным изолятором, в исправительной колонии личностные особенности играют гораздо большую роль при совершении акта членовредительства. Соответственно, в условиях исправительной колонии проще выявить лиц, склонных к членовредительству.

Литература

1. Антонян Ю.М. Насилие среди осужденных: Учебное пособие/ Под ред. Ю.М. Антоняна. – М.: ВНИИ МВД России, 1994. – 394 с.
2. Землин Д.Н. Психология демонстративно-шантажного поведения осужденных // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2009. – №3. – С. 32-35. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-demonstrativno-shantazhnogo-povedeniya-osuzhdennyh> (дата обращения: 03.04.2019).
3. Короленко, Ц.П. Семь путей к катастрофе: Деструктивное поведение в современном мире. / Ц.П. Короленко, Т.А. Донских. – Новосибирск, 1990. – 377 с.

4. Лысак И. В. Философско-антропологический анализ деструктивной деятельности современного человека. – Ростов-на-Дону – Таганрог: Изд-во СКНЦ ВШ, Изд-во ТРТУ, 2004. – 160 с.
5. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых/ ФСИН России URL: <http://xn--h1akkl.xn--p1ai/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/> (дата обращения: 02.04.2019).
6. Чеботарёв И.В. Психологический анализ ситуаций членовредительства подозреваемых, обвиняемых, осужденных в условиях СИЗО // Сборник тезисов участников межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии (21-24 мая 2018 года). М.: МГППУ. – С. 237-240.

Оглавление

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	4
Елистратова Л.В. Психолингвистический анализ как метод верификации недостовренности свидетельских показаний	4
Жукова Н.В. Перспективные направления судебно-психологической экспертизы: геномика & психология	8
Кочетков М.О. Влияние психологических техник, используемых в процессе допроса, на актуальное состояние личности.....	12
Нечесова С.В. Определение нормы и патологии личности неустановленного преступника при составлении психологического портрета на стадии ОРД.....	16
ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО И КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ	22
Бульц М.В. Профессиональная ориентация как способ профилактики девиантного поведения подростков.....	22
Ворошик А.А. Связь эмоционального интеллекта и агрессивности у мужчин с компьютерной игровой зависимостью.....	25
Вуколова А.А. Жизнестойкость, копинг-стратегии и склонность к суицидальному риску у несовершеннолетних.....	30
Гладова С.А. Особенности суицидального поведения у лиц с умственной отсталостью в условиях мест лишения свободы.....	33
Гуреева С.М. Психологические особенности медиаконтента сетевой субкультуры аниме.....	37
Забуга Е.Д. Взаимосвязь между жанровым предпочтением в компьютерных играх и уровнем агрессивности индивида.....	42
Корчагин Н.Ю. Особенности манипулятивных стратегий лиц, совершающих развратные действия с использованием телекоммуникационной сети «Интернет».....	44
Лановая А.М. Особенности саморегуляции мужчин с алкогольной зависимостью.....	49
Ларина Е.Д. Связь склонности к аддиктивному поведению и привязанности к матери у юношей и молодых взрослых.....	53
Левин Л.М. Риски включенности в социальные сети и виртуальное пространство.....	58
Мамедова В. Р. Взаимосвязь агрессивности с уровнем эмоционального интеллекта в гендерном аспекте у студентов.....	62
Мартынова А.О. Использование типологического подхода при составлении психологического портрета сексуального преступника.....	64

Недилько Д.А. Связь переживания субъективного отчуждения со склонностью к девиантному поведению у подростков.....	68
Пермяков С.А. Оценка психолого-педагогических методов для эффективного применения профилактики негативных проявлений в условиях образовательного комплекса.....	70
Рется С.Э. Толкование ситуаций гендерного насилия людьми с разной гендерной идентичностью.....	75
Семенова А.В. Особенности ценностно-мотивационной сферы личности с наркотической зависимостью (на примере употребляющих марихуану).....	80
Шипицын Д.Ю. Психологические аспекты онтогенеза психосексуальной сферы у лиц, осужденных без лишения свободы по статьям 131-135 УК.РФ.....	83
Ярошенко Е.И., Киселев К.А. Социально-психологические особенности приобщения несовершеннолетних к криминальной и девиантной интернет-активности.....	88
ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	93
Байтимирова А.А. Взаимосвязь мотивации и нравственных ценностей с особенностями правосознания выпускников юридических вузов.....	93
Богданович В.Я. Особенности формирования профессионального самоотношения личности сотрудников полиции.....	96
Исаенко Т.Н. Коммуникативные навыки и представления об успешной социализации студентов факультета юридической психологии.....	100
Манджиева М.Л. Особенности профессиональной идентичности у студентов факультета юридической психологии.....	105
Пудина Е. А. К вопросу о социальной ответственности личности как фактора законотворческой деятельности.....	110
Сибилев И.А. Профессиональная деформация как причина нарушений уголовно – процессуального законодательства.....	113
Трубникова А.А. Особенности совладающего поведения у сотрудников силовых структур.....	118
Хвалева А. А. Психологическое воздействие в политическом процессе.....	122
СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ.....	127

Абрамова С.С. Роль семьи в реализации биопсихосоциального подхода к коррекции нарушений психического развития детей с ОВЗ.....	127
Алёхин А.Н., Бизюкова Е.С. Становление представлений о сексуальных отношениях в онтогенезе.....	130
Жеребцова А. С., Дворянчиков Н. В. Возможности анализа пресуицидального контента в социальных сетях.....	135
Журавлева Е.В. Родительская компетентность матери, страдающей шизофренией, на примере клинического случая.....	138
Зверева Е.А., Дворянчиков Н.В. Особенности агрессивных проявлений у девушек с гомосексуальной ориентацией.....	142
Малыш Т.С. Особенности отношения к болезни у больных психотическими формами шизофрении на разных этапах заболевания.....	147
Савина К.Д. Деструктивное влияние на личность в рамках секты.....	151
Семенова А.Р. Инновационная технология для позднего этапа когнитивной нейрореабилитации.....	154
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ.....	159
Андреева А.А. Особенности буллинг-поведения учащихся классов с повышенной учебной нагрузкой.....	159
Афоница Ю.С. Психологические профили подростков группы риска виктимизации среднего школьного возраста с учетом половой принадлежности.....	162
Бабаханова К.А. Особенности представлений о семейных ценностях у девушек в юношеском возрасте.....	166
Вакуленко А.А. Особенности смысловой сферы свидетелей буллинга подросткового возраста.....	171
Дубинский А.А., Ичмелян М.А. Факторы социальной дезадаптации у подростков с дисграфией.....	176
Ефимочкина К. М. Связь мотивации достижения успеха и копинг-стратегий у подростков, занимающихся спортом.....	180
Калимуллина Л.Г. Особенности копинг-стратегий у лиц юношеского возраста, принадлежащих к субкультуре «рейверы».....	185
Мишакова С.А. Развитие психологической границы личности как фактор профилактики отклоняющегося поведения у подростков.....	190

Новокрещенова Г.А. Социальные установки подростков, склонных к аддиктивному поведению.....	193
Орлова К.С. Когнитивные и личностные особенности у несовершеннолетних беременных и юных матерей.....	198
Платонова И.Д. Характеристика самоповреждающего поведения подростков с разным уровнем социальной тревоги.....	200
Пономарева Е.С. Пресуицидальное состояние несовершеннолетних: когнитивный аспект.....	204
Сковычева О.А. Оценка эффективности психолого-педагогической программы для родителей с детьми до трёх лет в ГБОУ «школа №1564».....	208
Сорокина Ю.С. Особенности ксенофобских установок у подростков при семейном и интернатном типах воспитания.....	213
Старцева Е.М. Признаки агрессивности у молодых пользователей социальных сетей.....	217
Хаустова О.Ю. Ценностные ориентации школьников и отношение к правовым нормам.....	220
ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ.....	226
Авагян С.К. Психологические особенности личности несовершеннолетних осужденных с различными типами акцентуаций характера.....	226
Дырнаева Ю.А. Социально-психологические особенности системы отношений и ролей личности преступников.....	230
Кравченко А.И. Развитие уровня саморегуляции поведения у осуждённых как средство подготовки к освобождению.....	233
Николаева М. Н. Особенности акцентуации характера осужденных	236
Обидина В.А. Психологические особенности межличностных конфликтов между осуждёнными, отбывающими наказание в исправительных учреждениях.....	240
Петров В.Е., Кокурин А.В. Особенности психологической помощи лицам, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.....	244
Роговенко Я.С. Социально-психологические явления, характерные для общности осужденных.....	249

Чеботарёв И.В. Личностные особенности осужденных, совершивших членовредительство в исправительных колониях.....	253
---	-----